

Илья Тё

АБСОЛЮТНАЯ
АЛЬТЕРНАТИВА

Только империя, единое планетарное правительство, спасет человечество от бесконечных распрей в эпоху высоких технологий, ведущих к гибели цивилизации. Об этом знает Каин — странное существо в обличье робота, оживившее последнего, чудом сохранившегося жителя Земли. Каин видел много миров, где жители упустили возможность создать планетарную империю до вступления в технологическую эру — и потому погибли в пожарах термоядерных войн. Каин умеет открывать двери в прошлое. И с его помощью последний землянин Ники получает второй шанс для своей планеты. Он сможет попытаться еще раз сделать то, что не смогли его предки — объединить планету и сохранить цивилизацию. Мощной рукой императора... Всея Земли.

Илья Тё

АБСОЛЮТНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Алексею Сафонову — за идею

Роману Злотникову — за «Русские Сказки»

Богу и Творцу моему вручаю душу и тело!

Иоанн Кронштадтский

Далекое будущее.

Умирающая Земля

Черная дверь, к которой несли меня ноги, не поражала воображения, впрочем, как все механизмы Каина, что я наблюдал за последние восемь месяцев. Массивным насыщенно-черным квадратом дверь вызывающе зияла на фоне бескрайних снежных просторов, и ослепительно яркий воздух, простирающийся от мертвой земли до самых вершин, налитых синевой, почти бирюзовых небес, ничуть не смущал эту всепоглощающую бездонность, лишенную даже отблесков и теней.

За время, минувшее с момента реинкарнации, я успел привыкнуть к удивительным краскам этого яркого места. Иногда они ослепляли и пугали меня, но сейчас, в последний день моей второй жизни, а может быть, в первый день третьей, сомнений в голове не осталось, и ноги, казалось, несли меня к цели сами.

Опустив взгляд, я посмотрел на металлические конечности, похожие на манипуляторы роботов из старинных фильмов, затем на грудь, закрытую алюминиевым нагрудником, и наконец на место схождения ног. Пах украшала пластина с клепками, гладкая как колено. Восемь месяцев назад новое тело сводило с ума, однако ныне зрелище казалось привычным и не вызывало ничего, кроме сдержанного раздражения.

То, что Каин являлся моим двойником — нелепым металлическим роботом, — немного успокаивало. Господь-механик, как говорится, сотворил человека по собственному подобию. Впрочем, внешностью наше сходство ограничивалось.

Возраст «цельнометаллического» воскресителя составлял десятки, даже сотни тысячелетий, но в нашем покинутом жизнью мире Каин появился недавно. Если принимать во внимание прямой счет времени, я был, безусловно, старше своего механического создателя...

Согласно беседам, что мы вели перед костром, разжигаемым каждую ночь и весьма необычным для двух существ из металла, человеческая цивилизация канула в Лету очень давно. Слушая Каина, я смотрел на голубоватый огонь, с трудом полыхавший низкими языками в разреженной атмосфере, и грел на убогом пламени нечеловеческие руки, каждый раз забывая, что тепло не ласкает алюминиевых ладоней. Я с отвращением одергивал пальцы от потрескивающих углей, неизвестно откуда добывавшихся Каином посреди ледяной пустыни, и продолжал смотреть на костер, задумчиво возложив металлическую голову на колени.

В те дни, глядя кварцевыми глазами на завораживающие полупрозрачные языки, я с легкостью верил в слова своего спасителя, ведь снежные ветры, продувающие ледяное плато, что звалось когда-то Европейской равниной, свидетельствовали о правде красноречиво и

громогласно. За два миллиона лет, минувших со дня моей смерти, поверхность цветущего континента сковали льды и снега, великие горы превратились в холмы, покрытые сверкающим белым панцирем. Многочисленные моря, омывавшие в прошлом Европу, исчезли вместе с прочими водами. Мировой океан и гигантские континентальные водоемы, служившие приютом для жизни в течение целых эонов, со скелетами миллиардов существ, что населяли некогда призрачные глубины, обратились в гигантскую толщу льда. Жизнь на Земле сохранилась в виде бактерий да редких водорослей в подземных озерах возле затухающих вулканов — ледяная планета, потерявшая большую часть атмосферы, медленно издыхала. Мысль Каина показалась тогда очень странной. Но она в то же время была необычайно простой.

Человечество вымерло. И вслед за ним, как это ни удивительно, исчезла жизнь на Земле. Нельзя утверждать, что оба события следовали одно за другим или проистекали одно из другого, ведь человечество причиняло природе скорее вред, нежели добро. Однако бесспорным являлось простейшее утверждение: единственным, кто мог пронести семена земной жизни в другие миры, был именно Человек...

Как ни смешно (а Каин, несмотря на суровую внешность, умел весело и задорно смеяться, имитируя человеческий смех мембранами звуковых динамиков), с гибелью последних людей живые существа на Земле оказались запертыми в единственном доступном мирке. Дальнейшую судьбу биосферы решило само течение времени.

Процесс вымирания видов по меркам эволюции занял очень короткий период. Дело было даже не в радиоактивном заражении или разрушении атмосферы, — большую часть видов растений сгубила ядерная зима. Травоядные животные, лишённые пищи, погибли с исчезновением корма, хищники — с вымиранием травоядных.

Спустя миллионы лет после смерти цивилизации поверхность прародины остыла, океаны исчезли, и континенты словно замедлили свое скольжение по земной коре. Старые горные массивы скрылись под слоем снега и пыли, стерлись под натиском ледников. Когда горы исчезли, только дикие вихри, парящие над океаном снежных барханов, остались порождать движение на когда-то густонаселенной Земле. Кипящая жизнью планета превратилась в ледяную пустыню, волны морей превратились в ледяные равнины, реки зарылись в норы, облака покинули небеса. Время, которое было некому обуздать с исчезновением человека, сделало свое неумолимое дело — жизнь обратилась в прах.

За это время издыхающая биосфера оставила на лице планеты многочисленные следы, которые я мог с легкостью наблюдать в походном музее нашего временного пристанища гробокопателей. В стеклянных колбах, мимо которых Каин проводил меня в первый день после реинкарнации, лежали удивительные вещицы. Черепа динозавров, скелеты доисторических рыб и раковины древних моллюсков не поражали воскрешенного воображения, зато оружие и предметы, которыми пользовалось человечество в последние столетия жизни, производили неизгладимое впечатление. Слезы не катились из моих линз, и в воздухе не доставало кислорода, но мне казалось, что вид знакомых до боли вещей вливается в горло неумолимой рукой душителя, сбивает дыхание и затуманивает взор, выдавливая обычные человеческие слезы. Мы вымерли, твердили мне эти вещи. Я стал последним из всех...

В определенном смысле мне несказанно повезло. Мой случай был уникален, почти невозможен с точки зрения вероятности, статистики и даже удачи. Я умер задолго до последней войны, где-то на леднике глубоко в Антарктиде. Когда грянул апокалипсис,

смерть миллиардов не затронула одного. находка моего идеально сохранившегося тела, по словам Каина, явилась большой удачей — до этого момента ему попадались лишь человеческие скелеты да впаянные в лед фрагменты изуродованных тел. Однако восемь месяцев назад, с удивлением и радостью, доступной только ученым, он обрел подо льдом лучшую из своих находок. Холод полюса и неподвижность антарктических ледников позволили сохраниться моим останкам в течение сотен тысячелетий. Пока океаны замерзали, а горы обитаемых континентов накрывало слоями снега, лед южного полюса по-прежнему подпирал небеса, скрывая в себе маленький кусочек мяса — меня, почти нетронутого в ледяном саркофаге.

Разумеется, плоть моя оставалась мертвой. И мой спаситель не был Христом, чтобы суметь воскресить. Однако доступная ему техника смогла просканировать замороженный мозг и, прогнав через анализатор нейронные цепи, вернуть мне подобие памяти. Поскольку человеческих тел в распоряжении Каина не имелось, он сохранил меня в одном из собственных запасных корпусов. Подкрутил, перезарядил батареи, и вот — стальных существ стало двое, на одной мертвой Земле!

Назвал он меня незамысловато — Ники. Слово имело греческие или славянские корни и, возможно, являлось моим подлинным именем. Личное прошлое до воскрешения я помнил смутно, к тому же сейчас, спустя толщу лет, оно мало для меня значило. Судя по всему, технология воссоздания воспоминаний, примененная моим Спасителем, оказалась несовершенной, хотя, возможно, он поступил так целенаправленно. Так или иначе, что-то я помнил, а что-то обреченно ускользало, пугая тенями во снах и являясь отрывками и кусками во время прогулок и размышлений.

Размышлений между тем было много. Восемь месяцев я оставался предоставлен самому себе, и Каин почти не общался со мной, стараясь не отрываться от загадочной, но непонятной работы. Раскопки вокруг лагеря закончились задолго до моего появления, а потому глубокие ямы ледяных шурфов, окружающие куполообразные павильоны, воздвигнутые Каином и называемые им словом «палатки», выглядели заброшенными и пустыми. Иногда я задумывался над тем, как Каин копал эти карьеры в одиночку — на тысячи миль вокруг не имелось ни одного рабочего, робототехники, экскаваторов, даже лопат или кирок. Сомневаться в словах Каина не приходилось — он был последним существом на планете, которое я мог бы назвать «живым», и более полувека бродил в одиночестве по империи льда и смерти, в разреженной атмосфере. Он возродил меня из небытия, и это значило, что возможность рыть ямы неизвестным мне способом является, вероятно, самым ничтожным из его мистических умений.

В моей новой жизни запоминать было нечего, а подробности старой жизни я вспомнить не мог и лишь сравнивал отрывочные картины прошлого с видениями, всплывавшими в голове вместе с каждым добытым Каином артефактом. Дни тянулись за днями и оставались похожи один на другой как крысиные близнецы. Ежедневно Каин садился в маленький транспортер, странно похожий на обычный арктический вездеход с широкими гусеницами — что меня несказанно удивляло — и удалялся из лагеря на раскопки, где проводил целый день. Глубоко за полночь он возвращался, залазил в палатку и сидел несколько часов, перезагружая батареи или изучая добытые артефакты. Чем именно он занимался, я не знал, поскольку Каин просил не беспокоить его в это время. Наконец робот-господь выходил, и оставшееся до утра время уделялось мне и беседам. Он разжигал костер, хотя мы не нуждались в тепле, и над потрескивающими углями плыли наши долгие разговоры.

Существенно отличалась от прочих только последняя ночь.

— Мы говорили с вами о прошлом, Ники, — сказал в тот вечер металлический бог, обратившись ко мне по имени, что делал неописуемо редко. — Сегодня я расскажу вам о вашем будущем.

Прямота сказанного стальным воскресителем обескуражила меня, ведь решительные разговоры были не в духе склонного к неспешным беседам Каина. Когда он обратился ко мне, я стоял, а потому лишь хлопнул металлическими манипуляторами по бедрам и сдержанно поклонился, ожидая монолога как приговора. Каин не был моим хозяином, отцом или властелином, однако являлся моим Спасителем, и этот факт впечатлял меня больше, чем что-либо другое.

— Вы считаете меня археологом, однако это не верно, — начал Каин свой странный рассказ. — Такие как я живут вдалеке от населенных миров нашей расы и выискивают Точки Фокуса, поворотные моменты в истории погибших цивилизаций. Иногда меня называют хронокорректором, что в целом довольно точно определяет мою специализацию. Отыскав в космосе вымерший мир, я веду раскопки и волновые замеры рассеянной информации, составляю хронологию прошлого мертвой планеты и определяю даты, в которых слабое воздействие могло быть достаточным для *сохранения на ней жизни*.

Совершенно по-человечески Каин вздохнул или, по крайней мере, симитировал вздох динамиком и движением грудной клетки. Склонность к человеческим жестам, чуждым инопланетному организму, поражала меня в Каине. Сначала я не придавал им значения, пребывая под впечатлением от гибели целого мира и личного воскрешения, однако сейчас вздох меня удивил. Я слушал Каина чуть напрягшись, не отрывая взгляд кварцевых глаз. Должно быть, это выглядело нелепо — два робота, говорящие друг с другом посредством человеческой речи. Иногда я спрашивал себя, почему мы не используем волны, инфракрасные порты, световые сигналы, в конце концов? Спаситель мой тем временем продолжал:

— Нужную Точку Фокуса для вашего мира я отыскал всего пару часов назад. Завтра утром я уйду вниз по линии времени, и это, — он многозначительно поднял палец, — приводит меня к простейшему выбору. Я могу оставить вас здесь, на мертвой планете, или могу взять с собой. В далеком прошлом я произведу несколько незаметных уколов, которых, надеюсь, хватит, чтобы ваш мир смог выжить. Если хотите, вы сможете разделить со мной этот труд.

Очень внимательно Каин посмотрел на меня.

— Что скажете, Ники? Вы понимаете мой вопрос?

Я вздрогнул как от удара. Восемь месяцев спокойствия и тишины вдруг закружились вокруг меня, слившись в мелькающий хоровод. Идея перемещений во времени, высказанная столь прямо и столь внезапно, ужасно шокировала меня, ведь после моего воскрешения об этом не говорилось ни слова. Тем не менее ответил я твердо.

— Выбор действительно прост, мой господин, — сказал я без всяких раздумий, — разумеется, я иду вместе с вами!

Каин кивнул, и его стальной подбородок глухо стукнул о грудную пластину. Эмоций не отразилось на железном лице, и он ушел, ни слова не говоря.

Я же остался сидеть, рисуя линии на песке. Миллионы вопросов вдруг затолпились в моей голове, однако Каин удалился в палатку, и беспокоить Спасителя там в те далекие времена я не смел.

Предложение воскресителя казалось мне странным и незаконченным. Что стало бы, если бы я сказал «нет»? Каин оставил бы меня доживать век на мертвой прародине? Но разве его перемещение в прошлое не уничтожило бы меня в настоящем? То был выбор при отсутствии выбора, и я был рад, что ответил согласием на предложение железного бога.

Утром, к моему удивлению, все случилось до отвращения просто. На вершине ледяного холма примерно в километре от лагеря Каин собрал металлический куб, одну грань которого занимала черная дверь. Он усадил меня в свой вездеход, и мы подъехали к кубу. Выбрались, хлопнули дверцами, остановились на миг — два тонких стальных человека рядом с грубой стальной машиной, перед бездонным квадратом, зовущим нас в никуда. Необычайно печально Каин посмотрел на окружающие нас равнины, словно прощался с чем-то немыслимо дорогим. Затем кивнул мне и тихо скользнул в проем. Что-то скрывалось в этом последнем взгляде, почувствовал я, гораздо большее, чем тяга гробокопателя к черепкам...

На короткое время после ухода Каина я остался на планете один. Портал манил меня, звал, будто притягивая магнитом. Точки Фокуса, линия времени, хронокорректировка — новых слов было слишком много для короткого дня и быстрой, наполненной светом пламени ночи.

Отбросив мысли, я прыгнул в черный портал. В тот же миг меня проглотила тьма, скользнув по лицу скользким, отвратительным языком.

Ты ли тот, который должен прийти?

Евангелие от Матфея, 11:2

Точка Фокуса.

22 февраля 1917 года. Петроград

День этот начался на удивление рано. Как и в печальные дни после кончины Царя-Миротворца, увеселения были запрещены, и благотворительный бал, устроенный накануне матушкой Марией Федоровной, напоминал скорее помпезные старческие посиделки, нежели торжественный прием самого роскошного двора Европы.

День этот простоял серенький и теплый, никчемный и незаметный, затерявшийся в бесчисленной череде таких же незначительных и печальных дней, которыми наполнена любая другая зима российской Ингерманландии. Покрытые инеем стекла придворных экипажей, снующие через парадный вход потоки сановников и дворян, свита и дипломаты, дамы в роскошных уборах — все было как всегда. И все же в воздухе, словно насыщенном электричеством, именно в этот совсем незаметный день будто бы зрело волнение, уколами страха пугающее чуткие натуры, способные уловить флюиды странных энергий, наполняющих воздух противоестественным напряжением.

Заговоры зрели повсюду в Санкт-Петербурге — в роскошных квартирах дворян-демократов, в столичных особняках фабрикантов-социалистов, даже в апартаментах Великих Князей. И, конечно же, в царских Дворцах.

О, Зимний в этот убогий, забытый Господом жалкий день воистину блистал мистическим великолепием. Сверкая миллионами ламп, украшающих роскошные анфилады, он поражал гостей и проезжающих мимо жителей Русской столицы гордыней своих фасадов, прелестью их убранства и... мертвым холодом света, истекающего из окон в грязный, безликий день и в ужасную, леденящую душу ночь.

У Юсуповых и Долгоруких рекою лилось вино, в особняках бесчисленных аристократов горели негаснущие электрические свечи. Князья похищали танцовщиц, в салонах обсуждали революцию и романы, а в Александрийском для жителей великого города давали блистательный «Маскарад». Не пьесу, нет — настоящую фантасмагорию шика, с полудрагоценными декорациями, с гигантскими зеркалами и огромными картинами в золоте, как гимн безумной неге богатых российских сословий!

Где-то в Лондоне в это время стрелялись биржевые брокеры и содержатели магазинов, где-то в Штатах бастовали взбешенные локаутом металлурги, падали акции парижских банков и в недалеком Стокгольме на экстренное заседание собирал управляющих нефтяной магнат Альфред Нобель. Экономический кризис и чудовищная Мировая война шагали по Творению Божьему вместе, будто взявшись за руки, тяжелой поступью сотрясая основы

колониальных держав, собирая печальную дань в виде рухнувших трестов и остановленных производств, миллионов убитых солдат, покалеченных, раненых, вдов и сирот, изломанных жизней и потерянных состояний. Однако здесь в Петербурге, столице одной шестой части света, пирующей во время чумы, никому не было до этого дела. Хоть потоп! И да здравствует революция!

Революция, впрочем, пока воспалялась опухолью только в мозгах социалистов, а также, как ни странно, в роскошных салонах аристократов. Она не выплескивалась на улицы потоками митингующих и плотинами баррикад. Ночные проспекты, освещенные зябкою русской стужей, оставались полны покоя и тишины. Пока еще — оставались.

От мистических огней Зимнего дворца по тонкому снегу, выпавшему вчера и едва припорошившему землю свежим, нетронутым еще сверкающим полотном, на каменную брусчатку Эрмитажа и Набережной через ворота, украшенные латунными вензелями, выехала одинокая карета. В окружающем царстве кладбищенского покоя и почти звенящей ночной тишины это скрипящее рессорами творение инженерной мысли выглядело нелепо и неуместно. Лошади шумно сопели паром, и Николай Второй, сидя за задернутыми шторами своей повозки, самой убогой, которую удалось найти во дворце, чуть одернув край ткани и едва отворив стекло, мог созерцать свою умиротворенную с виду и украшенную снегом столицу.

Императорский моторный экипаж, машины сопровождения, а также конный эскорт из полуроты казаков лейб-конвоя в темных бешметах вопреки обыкновению сегодня остался в Зимнем дворце. Рядом с Николаем сидели сейчас только два человека. Один — высокий, надменный мужчина, с немного безумным взглядом, звался графом Владимиром Борисовичем Фредериксом, второй — узкоплечий, худой, но при этом крепкий — Володей Воейковым, флигель-адъютантом Его Величества. Воейков дремал.

Измученный минувшей бессонной ночью, я отвернулся от обоих спутников и чуть прикрыл воспаленные от трудов глаза. Тело царя все еще стискивало меня неудобством и непривычкой, однако, учитывая, что прошли уже сутки от вторичного перерождения, я начал к нему медленно привыкать. Его Императорское Величество, Божьей Милостью Николай Второй, Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский Государь Туркестанский и прочая и прочая и прочая, вопреки моим ожиданиям оказался вовсе не субтильным бородатым доходягой, каким я его представлял по отрывочным сведениям, а вполне крепким, пусть невысоким, но физически сильным мужчиной.

В Санкт-Петербург, вернее в благоприятную Точку Фокуса, призванную изменить движение истории человечества, мы с Каином прибыли вчера вечером, если, разумеется, подобное определение времени подходит для описания темпоральных перемещений. Весь прошлый день был занят аудиенциями, а также никчемной дипломатической болтовней, и сейчас истекал примерно двенадцатый час нашего здесь пребывания.

Высадку в прошлое я вспоминал со страхом и содроганием. Шагнув в портал, мы с Каином погрузились во тьму, затем окружающее заполнили всплески пламени и невероятная боль. Как пояснил мой полубожественный спутник, его машина не могла перемещать во времени материальные *предметы* и переносила в прошлое только чистую *информацию* — некий сгусток сигналов, способных вместить в себя матрицу памяти человека. Принцип подобного переноса остался для меня непонятен, однако объяснение я принял с легкостью, поскольку оно согласовывалось с моими ущербными познаниями в физике. Материя сквозь время не транспортируется, но вот душа человеческая — вполне.

Как бы там ни было, с телом-роботом я попрощался. Было странно, но индивидуальная память моя с одинаковой легкостью могла размещаться как в электронном мозге раскрашенного андроида, так и в человеке из прошлого. Я не вполне понимал, что именно произошло с личностью Николая Второго после «подселения», однако на данный момент это меня совершенно не беспокоило, ибо иных впечатлений хватало с переизбытком. Темный куб Каина являл собой соединение нейронного сканера, передатчика информации и крематория. Куб снял с нас матрицы личности, а сами тела — уничтожил, обратив в пепел и капли оплавленного металла. На долю секунды меня захлестнула адская боль, а мир заслонили всплески яркого пламени. Затем машина перебросила наши матрицы в заранее выбранные тела. Я не знал, копировалась ли моя личность полностью или же просто набор воспоминаний, позволяющий ныне Николаю Романову отождествлять себя с Ники из Антарктиды, но одно уловил хорошо: хотя техника Каина не позволяла перебрасывать через время материю, линия времени при этом *изменялась реально*. По крайней мере, в этом заверял Каин. Пусть в прошлое, вещал он, переносилась только матрица памяти хронокорректора, но с момента ее появления в голове «местного» реципиента нить истории безвозвратно обрезалась.

Таким образом, место, куда мы прибыли, не являлось «альтернативой», ответвлением на древе времени или же параллельным миром. Мы с Каином находились сейчас в одна тысяча девятьсот семнадцатом году единственно возможной Земной истории. Мы были в прошлом моей планеты — *на самом деле*. И будущего, из которого мы явились, ныне попросту не существовало!

* * *

Как это было возможно и каким образом теория временных перемещений в прошлое стыковалась с наличием в будущем родных миров Каина, где обитали его могучие соплеменники, никто не объяснял. Каин разглагольствовал об энергетических сферах, что защищали миры хронокорректоров от темпоральных изменений на других планетах, а также о Теории Изоляции, когда каждая звездная система имеет собственную «локальную нить», которая до выхода местной цивилизации в дальний космос совершенно не влияет на развитие прочих звездных систем. В подобном урезанном объяснении оставалась уйма непонятного, но переспрашивать я не стал, поскольку после перемещения меня поглотили более насущные и непосредственные вопросы.

Меня волновало, как Каин планировал оставить меня в покинутом будущем, ведь, по его собственным словам, после перемещения матриц это будущее исчезало. Останься я там — меня бы просто не стало! Подобные размышления бросали тень на искренность моего воскресителя, а эта искренность между тем оставалась единственным фундаментом в окружающем мире, на который я мог полагаться, чтобы сохранить уверенность и надежду.

Еще более меня беспокоила связь между Точкой Фокуса, в которую мы прибыли, и идеей Каина насчет сохранения жизни на планете Земля. На первый взгляд между ожидаемой здесь революцией и вымиранием биологических видов через миллионы лет не существовало никакой взаимосвязи, выводы Каина казались абсурдом, однако хронокорректор не спеша объяснил мне все.

Оказалось, наш мир не был единственным, в котором металлический бог выискивал

кости и черепки для археологического собрания. Каин занимался своим ремеслом долго, и мертвых планет изрыл множество. По большей части погибшие миры являлись могилами цивилизаций, не сумевших выбраться в космос. Не все из таких народов гибли в междоусобной войне как мы, очень многие вымирали от нехватки ресурсов и загрязнения экосферы, но повсюду результат был один — непригодный для дыхания воздух, исчезнувшие или отравленные моря...

Сохранение жизни и распространение ее за пределы планеты зависело, по словам Каина, исключительно от *сохранения цивилизации* — как сохранение огорода зависело от существования фермера. Жизнеспособность цивилизации, в свою очередь, была завязана на выход в космическое пространство. Шагнувшие к звездам выжили, все прочие погибали.

Рывок в дальний космос был труден необычайно. Он являлся титаническим, почти невозможным усилием, требовавшим напряжения всех сил и ресурсов планетарной цивилизации. Помимо промышленного и научного потенциала, важнейшим условием такого «напряжения» являлось наличие общей планетарной власти. Формула выживания, таким образом, была довольно проста: перед дорогой к звездам цивилизация нуждалась в объединении!

Консолидация мира могла идти разными путями. Редко — путем добровольного слияния государств и значительно чаще — кровавыми войнами и бушующими всплесками миграций. Соль заключалась в том, что такое «объединение кровью» могло иметь место только в достаточно ранний период развития, пока уровень технологий не позволял создать оружие, способное уничтожить саму цивилизацию — как ни смешно — в той самой войне за объединение.

Пустынный пейзаж в покинутом будущем наглядно свидетельствовал, что человеческий род не преуспел в этой гонке. Обрывки памяти подсказывали, что в истории планеты Земля было несколько разных эпох, когда одна или другая могучая нация могли объединить наш мир силой оружия или культуры, однако... этого не произошло. С течением веков население росло и места становилось все меньше. При этом мы не смогли выйти в космос, но умудрились создать чудо-оружие. Результат катился под моими ногами миллиардом снежинок, гоняемых ветром по бескрайним равнинам планеты-кладбища от экватора к полюсам.

— Время гибели вашей расы я датирую примерно две тысячи шестидесятым годом человеческого летоисчисления, — объяснял по этому поводу Каин, — соперничество восточной и западной культур, перенаселенность и недостаток ресурсов породили ряд мелких конфликтов, мгновенно переросших в схватку на выживание. Не успев объединить всю планету, не вырвавшись к звездам, но создав при этом оружие массового поражения, вы обрекли себя на скоростную смерть. В условиях перенаселения и развитых технологий убийства только единое правительство могло предотвратить катастрофу. Учитывая земную географию, а также геополитику развитых государств, Мировая Держава вполне могла стать реальностью, если бы не фактор случайности, во многом определяющий, как это ни странно, прогресс цивилизаций. Фокальная Точка, в которую мы переместились, находится на рубеже двух веков примерно за сто пятьдесят лет до гибели человеческой расы и за пятьдесят лет до создания ОМП. В этот краткий период, который я называю Экстремальным Отрезком, хронокорректор обязан объединить всю планету в единое государство, чтобы консолидировать усилия вашей расы для выхода в космос. События, происходящие сейчас вокруг нас, имеют к задаче непосредственное отношение!

Мне оставалось только кивать. Я не выпрашивал у металлического спасителя подробностей того, как именно произошла катастрофа и какое из местных государств стало зачинщиком бойни, — не поворачивался язык. В музее Каина хранились остатки штурмовых винтовок, изглоданных временем и коррозией, осколки бомб и гранат, оплавленные жаром монеты, изуродованные взрывами останки автомобилей и даже посудные черепки. Все эти предметы были слишком знакомы мне по картинам из прошлой жизни, сохранившимся в памяти в виде коротких отрывков, призрачных лиц и световых пятен, чтобы задавать дополнительные вопросы. Каин меня убедил.

Кроме причин и следствий предстоящей работы, с каждым часом меня все сильнее беспокоила собственная память. Она и раньше давала сбои, и видит Бог, пока я бродил по снежным пустыням мертвой Земли, воспоминания прошлой жизни крутились в череде калейдоскопом картинок, переплетением обрывков и бликов, услышанных откуда-то фраз, искаженных лиц и видений. Сейчас же эта память чудовищно преобразилась. Нет, я не вспомнил минувшего детства, работу и сослуживцев, первую девушку и первого друга, однако нечто, возникшее в голове, вдруг превратило страдающего амнезией бездельника в настоящее хранилище данных!

Данные помещались в маленькой компьютерной папке, которая висела передо мной прямо в воздухе, точно перед глазами. Именно так — в пустоте. Мысленно дотронувшись до нее микроскопическим манипулятором — «лапкой», также зависшей в воздухе, но подчинявшейся мне как собственная рука, — я мог сдвинуть папку, переместить ее в сторону, дотронувшись дважды — раскрыть, и тогда передо мной разворачивался широкий лист с «содержанием». Развернутый лист оставался полупрозрачен. Читая его, я одновременно видел все то, что происходило вокруг, то есть лист был виртуальным, являлся видением мозга, чем-то вроде галлюцинации или «внутренней голограммы», а не предметом из атомов и молекул. Иногда, чтобы проверить, я упирался лицом в стену или в предплечье, но погруженные в дерево или в тело буквы по-прежнему оставались видны, а «лапка» могла их касаться или перемещать!

Работая с воображаемым манипулятором, избрав в содержании нужный пункт, я мог развернуть его в форму отдельной страницы. Страницы эти содержали тексты и фотографии, в основном касающиеся различных исторических деятелей и событий. Передо мной находилось нечто вроде энциклопедии со статьями на самые различные темы. Однако технической информации, схем или чертежей, описания конструкций или инженерной документации виртуальный «справочник» не содержал, что показалось мне странным для снаряжения хронокорректоров. Логика подсказывала, что главным достоинством визитера в прошлое должна являться если не техника будущего, то хотя бы знания о ней — знания, способные обеспечить сугубо техническое превосходство над далекими предками. Ничего этого не было в виртуальной шпаргалке, однако имелась масса другого!

Пунктом, который возглавлял содержание призрачной энциклопедии, значилось «Введение в корректировку». Кликнув на нему «лапкой», я узрел виртуальный листок, заполненный текстом на одну четверть. Ей-богу, это было самое краткое чтиво из всех, что я открывал до этого в энциклопедии.

«Введение» содержало короткий перечень — не пунктов, не лиц, а неизвестных мне дат.

Каждой дате соответствовало несколько предложений, описывающих события, произошедшие в тот или иной день текущего одна тысяча девятьсот семнадцатого года.

События описывались довольно сумбурно и рвано, а даты, насколько я мог судить, объединялись вместе некой внутренней логикой и вели к единому, немного пугающему меня результату.

Дословно список оглашал следующее.

«23 февраля, четверг. Император покидает столицу и отправляется в Ставку. Начало инициации беспорядков в СПб».

«24 февраля, пятница. Император прибывает в Ставку. Инициация беспорядков в СПб достигает результата. Забастовка пекарей. Одновременно произведен локаут Путиловского завода».

«25 февраля, суббота. Для усиления эффекта от беспорядков провоцируется измена столичного гарнизона — среди солдат распространяются слухи о немедленной отправке на фронт».

«26 февраля, воскресенье. Запланированное расширение беспорядков. Количество бастующих, которым известно о заведомой пассивности войск, неуклонно растет».

«27 февраля, понедельник. Взрывообразное расширение беспорядков. Число бастующих достигает 200 тысяч. Заговорщики теряют контроль над массой. Солдаты гарнизона присоединяются к демонстрантам».

«28 февраля, вторник. Активизация Совета рабочих и солдатских депутатов. Контроль заговорщиков над беспорядками утрачен. Массовые погромы. Учащаются случаи поджогов домов. Убийства офицеров гарнизона, травля жандармов и полицейских».

«1 марта, среда. Разрешение ситуации. Император возвращается в столицу с войсками для подавления бунта. Среди мятежников паника. Восставший гарнизон выражает готовность сдаться. Массовые демонстрации рабочих прекращены».

«2 марта, четверг. Падение Империи».

Внимательно я еще раз перечитал. Список дат описывал одну неделю. Всего одну! Однако смысл, что прятался в этих коротких строчках, содержался огромный. И в то же время он ускользал от меня. Я почти догадался, к какому именно периоду человеческой истории решил приложить руку Каин, однако отсутствие внутренней логики в списке событий поразило бы даже несведущего человека. Согласно перечню, монарх некой державы отправился для победоносного подавления бунта. Но на следующий день империя рухнула, не имея на то причин или оснований!

Перечитав в третий раз, я с досадой помотал головой. Все это было выше моих способностей к логическому анализу. Хмыкнув, я свернул информационную папку, чуть отодвинул шторку в окне кареты и впился взглядом в скользящие мимо кварталы спящего города. Энциклопедия содержала виртуальную карту местной столицы, поэтому с географией Петрограда, а также его достопримечательностями я был заочно знаком. Уже въехали на Анничков мост, и бричка, стуча колесом, переползала через Фонтанку.

— Я вижу, Ники, вы познакомились с моим виртуальным подарком, — обратился ко мне Каин голосом Министра Двора графа Фредерикса, тело которого, сидящее прямо передо мной, он сейчас занимал, — это прекрасно, ибо сегодняшний день один из немногих, что я

смогу вам уделить.

Оказавшись в прошлом, Каин по-прежнему общался со мной на «вы», подстраиваясь под исторический антураж, однако жестикуляция его стала живее, чем в мире-кладбище будущего. Возможно, сказывалась смена тела: превратившись в существо из плоти, он стал активней, а кроме того, добавилась мимика, отсутствовавшая у механического носителя. Возможно, сказывались личные пристрастия занимаемой оболочки, ведь граф Фредерикс, как следовало из той же *энциклопедии*, отличался весьма крутым нравом, едким юмором и бесстрашным самообладанием, свойственным опытным и удачливым царедворцам.

— Прежде всего у меня не будет для вас инструкций или советов, — продолжил мой повелитель, — принимать решения и действовать вы будете сами, по собственному усмотрению. Реципиент, тело которого вы занимаете, является монархом одной из крупнейших держав, но его функцию я считаю второстепенной. Ваша задача — выжить. Просто выжить без всяких комментариев и усложнений. Действуя так, как я предполагаю, вы поможете мне самим фактом своего существования! В обстановке, надеюсь, вы разобрались, а если нет, Ники, — сделайте это быстрее. Выход из сложившейся ситуации достаточно элементарен, однако сама ситуация все же *крайне критическая*, и времени на поиск решения у вас почти не осталось.

— Боже правый, — воскликнул я, — но в чем именно заключено это решение? Как именно я должен действовать?

Каин улыбнулся губами Фредерикса:

— Пустое, Ники. Вы разберетесь. Информационная программа, подключенная к вашей матрице, поможет вам в этом. В каком-то смысле можете считать перемещение в новое тело началом службы. Отныне вы служите мне, и ваша жизнь есть награда и одновременно результат, который я от вас жду. Просто останьтесь жить, Ники. Если нет, остальное теряет смысл.

— Впрочем, — Каин помедлил, — одну услугу я вам окажу. Назовем ее, скажем, *жертвоприношением*. В вашей ситуации это небольшое кровавое воздаяние окажется очень кстати. Закончим на этом. Удачи и... сделайте правильный выбор!

— Постойте, — воскликнул я совершенно растерянно, схватив своего спутника за рукав, — у меня много вопросов. Хотя бы минуту. Куда же!..

Но Фредерикс в этот момент уже трагически закатил глаза и несколько раз спазматически дернулся. Затем обмяк на спинке сиденья, пустив слюну изо рта. Сначала я испугался, что мой (вернее, царя Николая) министр Двора запросто отдал Богу душу, однако, приложив пальцы к шейной артерии, почувствовал под ними живую пульсацию. Вероятно, информационная матрица Каина могла свободно перемещаться не только сквозь бездну времени, но и из одного человека в другого. Подобная способность показалась мне весьма полезным умением для хронокорректора. Впрочем, думать сейчас мне следовало о другом.

Отвернувшись от Фредерикса, валявшегося на диване безвольной тушкой, я озадаченно потер подбородок с жидкой императорской бородой.

В словах Каина крылся подвох, какая-то дилемма, загадка.

Закрыв глаза, я принялся размышлять.

«Ситуация крайне критическая» — так сказал мой Спаситель. И что же?

Не открывая глаз, я снова сунулся в виртуальную «энциклопедию», полистал файлы, затем, не в силах вчитываться в сухие строки дареного справочника, закрыл папку и откинулся на спинку дивана. Граф Фредерикс храпел. Флигель-адъютант Воейков,

валяющийся рядом с ним в противоположном углу кареты, лежал словно мертвый, не издавая ни звука. Беседовали мы с графом громко, и беспробудный сон Воейкова, святой, как у младенца, наводил на мысль о еще одной способности моего фантастического подельника — гипнозе. В карете императора царский адъютант не мог спать настолько глубоко!

А впрочем, остановил себя я, все это ерунда. Гипноз, как рытье ям без лопаты, можно считать скромнейшим проявлением всемогущества. Не надо думать, надо действовать так, как сказано, решил я. Вопрос лишь в том, что не сказано почти ничего! Произошедшее казалось безумным бредом, и тогда, сбитый с толку, я попытался подключить логику.

Министр Двора граф Фредерикс, вернее, хронокорректор Каин, перенес меня на «рубеж двух веков». В первые минуты после высадки, едва оглядевшись по сторонам, я понял: имелся в виду стык двадцатого и двадцать первого веков. Определить это было легко — по одежде, каретам, одиноким чадающим автомобилям, оружию офицеров, внешнему виду домов. По словам Каина, он забросил меня сюда из альтруистических побуждений — дабы не оставлять в мертвом будущем. Я буду использован здесь в качестве помощника хронокорратора. К чему тогда недомолвки и недосказанности в нашем последнем с ним разговоре? Чем собирается заниматься тут лично Каин? В чем заключается суть производимых нами именно в России и Петербурге исправлений? В конце концов, почему меня разместили на постой именно в тело русского царя, слабовольного, но все же самодержавного монарха, абсолютного повелителя огромной, могучей страны?

Совершенно очевидно, что Каин многое недосказывал и вовсе не отводил мне роль пассивного наблюдателя в задуманном им проекте корректировки. По меньшей мере, он ждал от меня решения сложившихся «критических» обстоятельств — ведь как минимум, мне приказали выжить!

Отбросив сомнения, я решил принять этот постулат за ближайший и единственный пока план. Крайне неважно разбираясь в обстоятельствах давней земной политики, лишенный подробных инструкций, я мог опираться лишь на подарок своего бывшего «железного» властелина — виртуальную *энциклопедию*, висящую в пустоте в виде полупрозрачной папки.

Забыв про лень и усталость, я раскрыл ее, и фразы потекли ко мне в мозг. Чтобы исполнить замысел моего божественного Спасителя, мне нужна была информация!

*Я завещаю тебе любить все, что служит России.
Охраняй самодержавие, помни, что ты отвечаешь за своих
подданных перед престолом Всевышнего.
Вера в Бога и царский твой долг да будут основой твоей жизни!*

*Из завещания Николаю II его отца, Александра III
Миротворца*

23 февраля 1917 года.

Полночь

Пока конный экипаж сквозь затянутую морозным холодом ночь тащил меня в неизвестность, события, захлестнувшие Европу кровавым потоком, продолжали безудержно развиваться, стремясь к угрожающему финалу.

Мировая война уже третий год гудела над миром тревожным, голодным набатом. Для всех сражающихся сторон эти три чудовищных года стали по-настоящему Великой Войной. Именно так — «Великой»!

Было непонятно и удивительно, но совершенно одинаково называли ее и в дипломатических кулуарах, и в королевских дворцах, и в столичных французских борделях, и в дешевых немецких пивных, и в тесных бункерах Вердена, и в грязных окопах Перемышля, и в душных колониальных портах, и, конечно же, на кладбищах и на братских могилах, переполненных человеческим мясом. Война была одноликой — для всех народов и наций. И облик этот, был обликом мясобойни...

Начавшись с ничтожного выстрела проклятого Гаврилы Принципа, Великая бойня всколыхнула, взметнула ввысь и обрушила фундаменты государств. Никто из тех, кто поставил на пламя этот мгновенно вскипевший котел из крови и человеческой муки, даже понятия не имел, насколько жестоким окажется урок противостояния.

Причины и поводы для войны казались теперь не стоящими даже тысячной доли потерь, понесенных сражающимися державами. Как многоглавое чудовище, Великая Война пожирала детей человеческих в Атлантике и на Кавказе, в джунглях Танганьики и в Намибийской пустыне, в австрийской Галиции и во французском Эльзасе, в песчаной Месопотамии и в продуваемой ветрами Элладе, и даже в желтых водах Циндао, — война вгрызалась в людскую плоть. Никто не знал три года назад, в немыслимо далеком сейчас одна тысяча девятьсот четырнадцатом, неприметном за вуалью всеобщего процветания и окутанном столь сладким ныне, дурманящим ароматом мира, что война сгрызет десять миллионов человеческих жизней и двадцать два миллиона оставит изломанными инвалидами. Неужели стоила Лотарингия этих жизней? Неужели стоила этих жизней австрийская гегемония на Балканах? Или лавры Англии как мастерской мира и хозяйки

морей? Или наивная помощь русских своим братьям-славянам?

Нет. Разумеется, нет!

Однако не это стало самым отвратительным результатом. Громыхающему пироксилином чудовищу служили пищей не только людские жизни. Война пожирала больше — самые основы Цивилизации.

Именно мировая война, а вовсе не «призрак революции» знаменовал собой крушение старого Европейского миропорядка — его лидерства и его превосходства. Крушения, от которого великий континент не оправится уже никогда.

Европа рыцарей и древней аристократии, где, несмотря на лживое «свободомыслие» и «распущенность нравов», оставались живы представления о верности и чести, канул в небытие. После Великой Войны стало возможным то, что до нее считалось немыслимым: политические чистки и пропаганда, всесилие тайных служб и концентрационные лагеря, массовые казни и этнический геноцид. Скоро все это станет нормой. Ну а пока...

Пока никто не знал и другого: к ногам великого противостояния рухнут четыре великие империи, доставшиеся Европе от ее славного прошлого, — Османская и Австрийская, Германия и Россия. Цвет и слава минувших столетий!

Я с ужасом перечитывал строки, перелистывая одну виртуальную страницу за другой. *Энциклопедия* Каина подтверждала — Россия станет только первой из падших Империй. Всего через семь дней огромную страну, сравнимую по территории с континентами, физически почти уничтожат. Миг этого грандиозного краха приближался ко мне с каждым скрипом моей кареты. Я читал, вспоминал то, что мне было известно о России и революции раньше, до воскрешения. Запоминал, уточнял, все более и более погружаясь в мрачную атмосферу окружающего меня зловещего мироздания...

Наш путь от ворот Эрмитажа через заснеженный город, без конвоя сопровождения и без сановников свиты, как оказалось, влек экипаж к простой цели. Два дня назад совершенно неожиданно из отпуска вернулся руководитель русского Генерального штаба генерал Алексеев и сообщил, что я (вернее, царь Николай, разумеется) необходим ему в Ставке, дабы переговорить «по совершенно неотложным вопросам». Ох уж эти вопросы, которые невозможно решить без монарха и нет возможности отложить!

Война есть война. Алексеев, будучи начальником Штаба и фактическим Верховным Главнокомандующим — не по должности, но по факту, имел право требовать от царя почти что угодно.

Его телеграмма, собственно, была первой, которую я прочитал в новом мире.

Первый вечер после «высадки» промчался стремительно и сумбурно. Очнувшись в императорской спальне, я встретил за дверью Каина в теле министра Двора. Лже-Фредерикс коротко посвятил меня в курс, объяснив, что наше перемещение удалось и мы немедленно приступаем к осуществлению задуманных им исправлений. Дата прибытия поразила меня, ведь я искренне полагал, что мы попали на самый стык двух столетий — где-то в год 1899-й, 1900-й или в 1901-й. При чем тут февраль семнадцатого, я решительно не понимал. Неспешно Каин пояснил мне, что именно этот год, а вовсе не придуманная людьми глупая календарная дата является истинным рубежом, на котором завершился век девятнадцатый с его отголосками благородного Средневековья и начался изуродованный технологиями двадцатый.

Далее Каин-Фредерикс помог мне одеться, незаметно ознакомил с прочими, снующими вокруг царедворцами и удалился по своим «божественным» нуждам. Следующие четыре

часа прошли в одиночестве — словно во сне. Я привыкал к своему новому телу и состоянию, ежеминутно пытаясь избежать разоблачительных ситуаций. Один час ушел на шапочное знакомство с Семей. К моему удивлению, у императора Николая оказалось четыре прелестных дочери, маленький сын и любящая жена. Они беседовали и шалили, что-то шептали мне на ухо, о чем-то просили, хвалили и укоряли, обнимали меня, называя глупым словом «Пап *a* ».

Пытаясь ускользнуть от нелепостей, почти неизбежных в подобной удивительной ситуации, я постарался сбежать из личных покоев как можно быстрее. И действительно — от конфузов с Семей защитили государственные дела. Сменив персидский халат на строгую военную форму, я прошел в кабинет в другой половине Дворца, где принял текущие доклады русских министров.

Слушать отчеты оказалось несложно — достаточно было соорудить суровую мину и что-то коротко спрашивать или мудро кивать. Как ни странно, на лицах министров я не увидел при этом ни тени сомнения, было видно, что подобное поведение государя — как совершенно несведущего в делах страны человека — являлось для них привычным.

Докладов на первый вечер было назначено два.

Первым явился некто Беляев, как оказалось, мой военный министр. Он сообщил, что начальник генерального Штаба генерал-адъютант Алексеев, срочно вызывает меня в Могилев.

Мне в руки передали ту самую *первую телеграмму*. В спешке или растерянности, я не обратил на нее внимания. Первый министр правительства, которого я опять же впервые увидел в новой императорской ипостаси, интересовал меня больше принесенной им непонятной бумаги. Министр производил печальное впечатление. Беляев совершенно не походил на руководителя могучего военного ведомства во время жестокой войны. Скорее он напоминал повадками хорошего секретаря, толкового, но не способного принимать самостоятельных решений. Спустя минут десять, не дождавшись от меня интереса, Беляев откланялся и ушел.

Вторым явился более занятный субъект — некий господин Протопопов, мой министр внутренних дел. Высокий импозантный мужчина, со щегольскими усами и несколько нервной манерой ведения разговора, этот розовощекий хлыщ произвел на меня впечатление совершенно обратное «беляевскому». Если первый казался образцом исполнительности при полном отсутствии ума и инициативы, то второй являлся весьма деятельным и грамотным малым, вот только качеством преданности совершенно не обладал. Протопопов почти не слушал меня (меня, Императора!), подобострастно кивал, бросался велеречивыми верноподданнейшими оборотами, однако полностью игнорировал задаваемые вопросы. Вглядываясь в черты его лица, довольно пухлого, несмотря на его стройную фигуру, я спрашивал себя, обращаясь одновременно и к своему носителю Николаю: неужели это действительно министр внутренних дел в стране, балансирующей на самом краю революции? Работа с кадрами, очевидно, была поставлена Николаем Вторым ни к черту.

Все же, в отличие от Беляева, Протопопов хотя бы владел информацией о текущей обстановке в Империи. Когда я сообщил ему о телеграмме Генерального Штаба, переданной военным министром десять минут назад, Протопопов взорвался словесным потоком. По словам министра внутренних дел, в Петербурге в ближайшее время не следовало ожидать чего-то особенного. Социалисты вроде Ульянова-Ленина или Троцкого были разогнаны жандармерией и прятались либо за границей, либо слишком далеко от столицы и угрозы для

государственных устоев не представляли. С терроризмом было покончено решительными мерами военно-полевых судов еще при Столыпине, и о страшном времени, имевшем место несколько лет назад, когда бомбы взрывались в подъездах жилых домов, а министров правительства стреляли в театрах из револьвера, никто не вспоминал.

В подобной «расслабленной обстановке», по мнению Протопопова, главное, что надлежало делать царю как Верховному Главнокомандующему вооруженными силами — отдать внимание фронту. Война и только война является главной точкой приложения сил и деятельности Государя!

— Алексеев требует, чтобы я прибыл в Ставку немедленно, — сообщил я в заключение своему главному «полицейскому». — Ваше мнение, насколько я понимаю, — надо ехать. Вы уверены, что в столице все спокойно и мой отъезд не является несвоевременным?

— Если вы отправитесь сейчас, то будете в Ставке уже следующим утром, Ваше Величество, — ответил Протопопов. — А по поводу столицы не беспокойтесь. Все обстоит прекрасно, и нет решительно никаких поводов для волнений. Если что-то изменится, Вы будете немедленно извещены!

Каков молодец, подумал я, прекрасно зная, что в ближайшие дни город вздрогнет от революционного взрыва. Мне только казалось или царя действительно выпихивали из столицы? С другой стороны, оставаясь в Зимнем дворце, прямо в центре густонаселенного города, я не знал, на кого могу положиться: Беляев и Протопопов, по крайней мере, положительных эмоций не вызывали. Из этих соображений путь в Ставку Верховного главнокомандования казался логичным решением. В обстановке я не разбирался, людей, на которых мог бы рассчитывать, не знал. Мне было приказано выжить, и значит, нужно скорей бежать из столицы, пока события, описанные в каиновском «подарке», не накрыли меня с головой. Прибыть в Ставку, неспешно и обстоятельно изучить ситуацию, разработать последовательность действий, определиться с противниками и друзьями, расставить приоритеты. И только затем — отвечать. Зимний — это сердце России, однако Могилев — сердце армии. Если окружить себя лесом штыков, то как бы ни развернулись события в Петрограде, двух преданных батальонов мне хватит, чтобы раздавить... Вот только что раздавить? Толпы бастующих и демонстрантов? Российскую Думу? Заговор царских родственников? Я не знал даже этого. Путь в Могилев казался лучшим решением хотя бы для того, чтобы определиться с врагами. Армия ждала меня там. Армия, которая никогда не подводила русских царей. Надеюсь, не подведет и сейчас.

Решив воспользоваться приглашением генерала Алексеева, я отпустил министра внутренних дел и вызвал к себе Воейкова, царского адъютанта.

— В Могилев? — удивился офицер. — Но сборы государыни и детей займут не менее суток. Свита не извещена, а спешное отбытие автомобильного кортежа и двух рот конного конвоя по ночному Питеру произведет много шума.

— Тогда отыщите мне неприметный конный экипаж, — сказал я, — отправимся без помпы. Протопопов заверял, что я могу быть в Могилеве уже следующим утром. Значит, я должен быть там в это время.

— Будет исполнено, Ваше Величество. — Воейков браво щелкнул каблуками.

Видя, что он собирается убежать, я задал вопрос, который не успел прояснить у Протопопова и который меня живо интересовал:

— Скажите, Владимир, до Могилева, наверное, тысяча километров. Мы отправимся туда на аэроплане?

— Бог с вами, Государь. — Адъютант взглянул на меня удивленно. — На Царскосельском вокзале вас ожидает личный бронесостав.

Ровно через час, наскоро попрощавшись с Семей, отказавшись от конвоя и Свиты для ускорения своего движения, в неприметной карете я выскользнул из дворца в холодную февральскую ночь. Императрица закатила скандал по поводу столь скорого и столь необычного способа путешествия, но помня о том, что она жена Николая Второго, а вовсе не моя, я с легкостью отбил все упреки. Мягким нравом царица Александра Федоровна не отличалась, и, насколько подсказывали мне весьма скудные знания по европейской истории, именно склонность Царя к исполнению ее истерической воли во многом способствовала разложению русского государства. Впрочем, в последнем утверждении я не был уверен доподлинно, поскольку не мог судить об Александре по нашему поверхностному знакомству. Женой, как мне казалось, царица была отменной. Она родила Николаю пятерых прекрасных детей, бросила ради него родину и родителей, друзей и даже родную речь. Уже одно это могло сделать ей честь как матери и супруге. Так что подверженность Николая Второго ее влиянию я искренне оправдывал и понимал — подарив мужу всю свою жизнь, она вполне заслуживала подобного отношения.

Впрочем, все это не было сейчас важным. Важным для меня был только бунт.

* * *

Царский поезд ожидал Николая Второго на Царскосельском вокзале — самой старой станции Санкт-Петербурга. Старейшая железная дорога России проложила первые свои рельсы именно отсюда, соединив столицу империи и Царское Село — местопребывание императоров. Той же цели Царскосельский вокзал служил и сейчас.

На запасных путях, укрытых от посторонних глаз витыми прутами чугунного забора, закрытых наспех сколоченными деревянными щитами, стоял императорский бронепоезд. Говорят, красота оружия способна заморозить мужчину. Однако обычно имеют в виду клинки сабель и самолеты, мощь танков и чеканку на пистолетах, гордые силуэты линкоров и отделку эфесов шпаг. Сейчас передо мной стояло нечто совершенно иное.

Лик бронепоезда подавлял! Железное тело тяжелого, жирного, неподъемного чудовища дышало чем-то древним и изначальным, несмотря на то что с момента изготовления обвесов стального гиганта минуло, возможно, едва ли полгода.

Вероятно, личный царский бронесостав был вооружен проще, нежели его собратья на линии фронта. Возможно, он был не столь опасен для вражеской пехоты и артиллерии и не подготовлен к ведению непосредственных боевых действий. Однако он брал другим — пусть прозвучит это глупо: неопикуемой красотой. Гвардейский красавец, окрашенный в жгучее черное, покрытый листами в клепках брони, с растопыренными в стороны жерлами пушек, ощерившийся улыбками пулеметов, он был невозможен, неопикуем!

Однако кое-что в нем смущало. В самом центре состава, за бронированным локомотивом и двумя широкими стальными платформами, царский поезд включал два вагона небесно-голубого цвета. Наш экипаж остановился именно перед ними, и самые ужасные мои опасения подтвердились. Оpozнавший царя через окно и совершенно ошавевший от неожиданности офицер охранения, выбежавший из флигеля вместе с двумя стрелками, как кузнечик подскочил к дверце конного экипажа и распахнул ее передо мной.

— Рады приветствовать Ваше Величество! — барабанной дробью отчеканил он. — Прошу проследовать в вагон-салон!

Я горестно усмехнулся. Разумеется, мой любезный реципиент изволил кататься в голубых вагонах. Конечно, в начале двадцатого века указанный цвет не вызывал тех глупых ассоциаций, с которыми его связывали в конце столетия, но смысл состоял не в том. Два голубых вагона своей яркой, почти театральной *мирностью* попросту разрушали поразительное впечатление, производимое несокрушимым и грозным бронесоставом. К недостаткам несчастного царя Николая, кроме плохо поставленной кадровой работы, я прибавил полное отсутствие вкуса...

— В карете еще два человека, — обратился я к офицеру, — помогите им выбраться.

Офицер послушно заглянул внутрь и чуть не повредился в рассудке. Ему не доводилось видеть, чтобы в экипаже Императора сопровождающие лица нагло спали, громким храпом попирая всяческий этикет.

— Устали, — предвосхищая вопросы, объяснил я дежурному. — Тащите обоих в вагон.

* * *

Оказавшись внутри бронепоезда, я снял фуражку, шинель, немного расслабился. Впервые после перемещения во времени я остался сам с собою — наедине. Ни Каин в теле Фредерикса, ни докучливая семья Николая, ни лживые или медлительные министры русского правительства не окружали меня.

Солдаты конвоя, охранявшие бронесостав, уложили Воейкова в изолированное купе. Фредерикса, в надежде на скорое пробуждение, я велел бросить на роскошный диван вагона-салона. Колеса барабанили в рельсы, и мысли мои, успокоенные этой уверенной дробью, также понеслись вдаль.

Проведенное в карете время я в основном потратил на ознакомление с *каиновской энциклопедией*. И теперь мог поклясться, что основные события предстоящих жестоких дней вызубрил наизусть. Как это ни глупо, знания *энциклопедии* никакой ясности не внесли. Доподлинно зная последовательность предстоящих потрясений, я и сейчас ничего в них не понимал. Возможно, Николаю Второму было даже легче ориентироваться в предыдущей версии реальности, нежели мне с моими знаниями из будущего.

Например, энциклопедия не называла имен заговорщиков. Вероятно, этого не знали и будущие историки или же Каин намеренно от меня скрывал такие данные. Напротив некоторых дат указывались некоторые действия, совершенные тем или иным историческим лицом. О том, чем упомянутые лица занимались в промежутках, не говорилось ни слова. Гучков позвонил, Родзянко поехал, Протопопов признался, Алексеев телеграфировал. Ни мыслей, ни мотивации описываемых поступков *энциклопедия* не приводила, и последовательную картину происходящего составить было невозможно. Более всего, разумеется, меня поражало то, что Николай отрекся.

Отрекся... Но почему и зачем? Абсолютно ни одно из событий, описываемых в подаренном Каином информационном файле, не вело моего реципиента к отречению от престола!

Бунт — был. Восстание гарнизона — имело место, несомненно. Предательство родственников — возможно. Заговор Думы или аристократов — безусловно.

Однако ни забастовки рабочих в одном, отдельно взятом городе гигантской Империи, ни предательство родственников монарха не являлись достаточными причинами для крушения государства и трехсотлетней династии, а если посмотреть более широко, то и для крушения всей тысячелетней Российской державы.

Или являлись?

Энциклопедия подтверждала, что в критический для русской истории период массовые демонстрации и митинги проходили только в Питере. Ни в Москве, ни в Киеве, ни в других крупных и мелких городах бескрайней страны выступлений населения виртуальный справочник не отмечал.

Энциклопедия подтверждала, что восстание солдат Петроградского гарнизона действительно имело место как исторический факт, зафиксированный в сотнях источников. Но гарнизон включал всего сорок тысяч штыков, в то время как в распоряжении Николая Второго находилась чудовищная, самая большая в Европе двенадцатимиллионная армия!

Быть может, Каин представил мне ложные сведения и в этом заключалась вся соль?

При подобных обстоятельствах отречение выглядело смешно, невозможно. Мало того — даже необъяснимо. Но ведь отрекся же Николай, и это исторический факт!

Снова и снова перебирая в памяти статьи дареной *энциклопедии*, я пришел к простейшему выводу: все знания «файла» сводились, по сути, к короткой записке, к «Введению в коррективку», которое я прочитал в самом начале знакомства с подарком Каина. Огромный объем дареной «библиотеки» был кратко изложен на его первой странице — широко расписанной, обросшей подробностями и деталями, — но с тем же смыслом и содержанием. Сделать какой-либо вывод о причинах или мотивации приближающегося переворота, опираясь на *энциклопедию*, не представлялось возможным. Хаотические перечисления поступков и высказываний тех или иных видных деятелей русского общества и даже членов правительства давали обширную пищу для общефилософских размышлений, но ни на йоту не приближали к пониманию причин царского отречения и последовательности событий, которые к нему привели.

При всей обширности заключенной информации, *энциклопедия* оказалась неполной. Она подробно расписывала одни события и почти не затрагивала другие. Вероятно, Каин собирал «файл» на основе данных историков, изучавших события по искаженным воспоминаниям очевидцев, лживым мемуарам участников, пропаганде и новостям из газет. Фактических знаний о том, что произошло в эти дни, в его распоряжении не имелось.

Выводы мои не стыковались друг с другом. Откуда у Каина могло появиться столько письменной информации о событиях миллионлетней давности? Я видел то, что Каин приносил в лагерь, возвращаясь с раскопок, но ни книг, ни документов там не было и быть не могло, ведь мемуары и газеты просто истлели за прошедшую бездну времени. И все же виртуальная *энциклопедия* наполнилась именно письменными источниками, включая фотографии и электронные копии пожелтевших от старости бумажных листов. Объяснить я это не мог, а потому решил не забивать голову, а сконцентрироваться на конкретных задачах.

В сугубо практическом смысле более всего раздражало отсутствие указания на конкретных участников заговора. По косвенным фактам можно было строить догадки, записывая в ряды предателей высокопоставленных лиц, однако уверенность, что так оно и есть, отсутствовала. Ну что ж, думал я, змеиный клубок придется разматывать самостоятельно. Царь Николай, однако, размотать его не сумел. Сумею ли я — вопрос.

Разобравшись со своей «базой данных», я погрузился в анализ прочитанной информации. Снова и снова я перечитывал «Введение в коррективку», биографии участников, длинные перечни и перемешанные даты событий. И вдруг, злобно выругавшись, стукнул кулаком по столу. В море данных я просмотрел очевидное — то, о чем знал уже в первый день пребывания в Точке Фокуса: «Введение в коррективку» и *энциклопедия* описывали ровно семь дней фактических событий!

Выходило, что историю гигантской страны, историю самого человечества, перекроили всего за одну неделю. С четверга двадцать третьего февраля — точно по следующему четвергу, второго марта, когда последовало отречение. Первый четверг — спокойное течение времени. Спокойствие на фронтах, спокойствие в стране. Неумолимо приближается победа над врагом, на ближайшие месяцы назначено наступление. Мирная столица, верноподданные солдаты.

И в следующий четверг — катастрофа. Гибель Империи, падение государственной власти, самой царской династии, цвета офицерства и интеллигенции, разрушение армии, предстоящее поражение в мировой войне и тень шестилетней войны Гражданской.

Всего за семь дней?!

Ну что же, предсказанная Каином «критическая ситуация» и поставленная передо мной задача «выживания» читались вполне прозрачно. С волнением я взглянул на отрывной календарь, затем на часы, висящие на стене. Гулко тикая, стрелки ускользали за полночь.

До падения Российской империи оставалось чуть менее шести суток.

Их следовало прожить!

*Ни к одной стране судьба не была столь жестока, как к России.
На пороге победы она рухнула на землю, заживо пожираемая
червями.*

Уинстон Черчилль

24 февраля 1917 года.

Первый час ночи. Железнодорожная линия

Новгород — Могилев

В то же мгновение я словно почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд, острый и ненавидящий, как раскаленная игла палача, вонзенная в напряженные мышцы. Я резко обернулся — так резко, что разрезанный телом и рукавами рубахи воздух всколыхнул бумаги, лежащие на столе...

Вагон-салон оставался тих и безмятежен. По-прежнему в нем пребывали только я и министр Двора, развалившийся на диване. Похоже, меня начинали мучить фобии, подсознательный ужас каких-нибудь салических королей — вечное ожидание заговора или измены, яда или кинжала.

Пока мои напряженные глаза шарили по салону, граф Фредерикс очнулся. Веки министра раскрылись, и взгляд растерянно остановился на мне, чуть вялый, как после долгого сна.

— Живы, Владимир Борисович? — спросил я его чуть хрипло, не отрывая глаз от колеблющихся в окне штор.

— Так точно, — ответил мне граф, — но где мы?

Я усмехнулся.

— А что вы помните из последнего?

Министр Двора стушевался.

— Помню смутно, — рассеянно проговорил он, — кажется, заседание Госсовета, Аудиенция Их Высочеств, приемы... Потом я отправился за Вашим Величеством, чтобы звать к ужину, да! Потом как провал... Не знаю.

«Значит, — подумал я, вспоминая события моего первого вечера во дворце, — Фредерикс являлся Каином примерно одиннадцать часов. А впрочем, кто может ручаться, что сейчас передо мной не Каин?»

— Мы следуем в Могилев, — пояснил я просто, решив не мучить старика, если все же передо мной сидел он, а не хронокорректор. — Вы заснули, и я не велел вас будить. Вы крепко спите, милостивый государь!

Затем я встал и, не пытаясь подражать царю Николаю, прошествовал к бару. Выбор

напитков в вагоне-салоне оказался огромен, однако марки стояли сплошь незнакомые. Открыв наугад какой-то коньяк или бренди, я начислил себе в стакан на четыре пальца и смачно, сквозь зубы вылакал, будто извозчик, стакан самогона после изнурительной смены.

Фредерикс таращился на меня почти с вылезшими наружу глазами. Последний из русских царей, как известно, крепких напитков не потреблял. Судя по вытянутому выражению лица моего визави, передо мной был все же граф Фредерикс, а не Каин. Ну и аминь.

— Не желаете? — запоздало поинтересовался я.

Граф судорожно помотал головой.

Тогда я схватил бутылку, стакан и плюхнулся рядом с ним на диван.

— Раз так, сходите в купе, — велел я министру, — мне нужен адъютант; узнайте, проснулся он или нет?

Шокированный выходками монарха, мой спутник послушно прошел к началу вагона и вывалился наружу. Я снова налил себе дрожащей рукой. Коньяк в бокале тускло блестел и переливался. Принятый натошак, в состоянии сильного нервного напряжения, крепкий ароматный напиток подействовал очень быстро. Сознание чуть поплыло, и запутанное положение Николая Второго теперь создавалось мной контрастней и четче — ясно, как расписанное на листе. Картина происходящего очистилась от лишних деталей и шелухи.

В чем суть сложившейся ситуации, спросил себя я.

Когда-то и где-то мне удалось читать, что политические события являются отражением экономики. Мнение прогрессивного революционера о происходящем, вероятно, звучало бы так: нищие классы угнетенной страны страдали под пятой издыхающего монархического режима. Светлые силы революционных преобразований смели их с лица земли. Годится как версия? Да. Однако *энциклопедия Каина* говорила совсем о другом.

Могучие силы, определившие развитие русской экономики почти на сто лет вперед, включая время промышленного рывка, называемого в *энциклопедии* непонятным словом «советский», обозначились в России очень давно.

Еще в первой, составленной специально для царя Николая Второго росписи государственных доходов и расходов на далекий 1895 год министр финансов Витте приводил наглядные факты. Отталкиваясь от них, не представляло труда проследить ту фантастическую, но при этом совершенно реальную динамику, с которой «отсталая угнетенная страна» под управлением «издыхающего» самодержавия рвала все представления о возможностях экономического подъема. У русского царя отсутствовала необходимость завышать экономические показатели на бумаге — он не отчитывался ни перед кем на съездах и в комитетах, а потому показатели роста были реальными. И они поражали!

Согласно данным *энциклопедии*, за время правления ничтожного, глупого и никчемного царя Николая выплавка чугуна в России возросла на 160 %.

Выплавка стали — на 217 %.

Добыча угля — на 129 %.

Нефти — на 1475 %.

И так далее, и так далее.

Я мог бы возразить, что указанные отрасли не являлись для России традиционными и до Николая Второго их просто не существовало, однако данные классического российского экспорта — показатели сбора хлебов — за тот же период времени росли в полтора раза в год! Потрясающим примером фантастического прорыва служили и железные дороги. Их

протяженность за время правления Николая увеличилась на 60 % и превысила абсолютные показатели *любой* европейской державы. Общий же средний прирост промышленности и торговли во всех отраслях российской индустрии составлял более 12 % в год. Двенадцать процентов — каждый год!

Я не готов был ответить за Европу и Соединенные Штаты, хотя в *энциклопедии* эти страны упоминались, однако мог поклясться, что ни один из правителей России, за всю ее историю, включая упомянутую «советскую» индустриализацию, взятую в реальных, а не бумажных показателях, не мог похвастаться чем-то подобным даже близко, даже в самых дерзких своих мечтах.

Но это было не все. Ежегодный прирост населения Российской империи за время правления Николая Второго превышал 5 % в год. Не в какой-то отдельно взятый год, а в *каждый год*, рассчитанный из общих показателей за период. На период Фокальной Точки указанная цифра превышала показатель любой другой страны мира, включая колониальные Индию и Китай!

Никогда, ни в одной державе совместный успех экономики и социальной сферы не выглядел столь глобальным и показательным. Могучая динамика чувствовалась повсюду, и темпы развития поражали не только историков будущего, составлявших, очевидно, тексты в *энциклопедию Каина*, — они были наглядны и очевидны для современников. Такие понятия, как «коммерческий кредит», «банковская деятельность», «биржа», «акционерная компания», не слышанные никогда ранее на Руси и введенные в оборот именно при царе Николае, прочно вошли в повседневную жизнь миллионов городских обывателей.

Разумеется, до экономического процветания в стране, отстающей от Запада веками, было невообразимо далеко. Разумеется, экономика была полна перекосов и диспропорций, которых не могло не возникнуть в столь стремительном, почти *взрывообразном* росте. Но подобным «оправдательным» особенностям николаевского правления никто значения не придавал.

До введения жестких мер министром Столыпиным террористы по-прежнему, как и полста лет назад, валили чиновников направо и налево, взрывая бомбы в жилых домах и стреляя в людей на улицах среди бела дня. Демократы маниакальным упорством штамповали социалистические агитки и пропагандировали «демократические свободы», не существующие нигде, кроме их собственных «гениальных» голов. Каким образом активная оппозиция могла действовать при подобных головокружительных экономических успехах, оставалось для меня загадкой. Это было невозможно, немыслимо. Единственный довод, оправдывающий сложившееся положение вещей, я мог приписать только личной мягкости и недалекости Николая Второго. Царь абсолютно гнушался помпы, он не пропагандировал достижения собственной внутренней политики с какой-то болезненной закомплексованностью. Люди, оскорблявшие его имя и подрывающие сами основы государственного устройства его державы, почему-то отправлялись в ссылки, условия которых зачастую напоминали проживание на отдыхе, а не развешивались на столбах и не рассаживались на электрических стульях, как делалось в либеральной «парламентской» Англии или «демократичных» Соединенных Штатах.

Поразительно, но в начале века Россия могла похвастать самым высоким заработком квалифицированных рабочих в Европе. Ни немец, ни француз, ни англичанин не получали на родном заводе столько, сколько получал русский — то был зафиксированный статистикой факт. В России проживало меньше рабочих, чем в других промышленных

странах, и постоянная нехватка кадров заставляла российских фабрикантов энергичнее повышать оплату труда. Стоит ли говорить, что бунт пролетариата в стране с самым высоким заработком пролетариата, выглядит абсурдом?

Читая *энциклопедию* нервно смеясь, я одним махом выплескивал содержимое бокала в пересохшее горло. Царское пойло продирало внутренности, казалось, до шейных позвонков. Вселенная чудила вокруг меня, и то, что происходило в России, не могло, не должно было происходить!

* * *

Восемь часов спустя состав медленно подполз к станции Могилев. Голова болела, и мое общее состояние напоминало скорее состояние выжатого лимона, нежели человеческого существа. Поднявшись с дивана, я взглянул в зеркало. Беспокойный сон, алкоголь и тягостный звон напряженных нервов украсили лицо Николая Второго нездоровым цветом и мешками под измученными глазами.

Город встретил нас холодным неприветливым утром и лютым морозом. Холод стоял действительно жуткий, однако в особом павильоне, специально построенном на станции для высочайших визитов, как всегда было многолюдно. Надравшись коньяка, я продрых все время пути как сурок, но разбуженный Фредериксом адъютант Воейков успел известить Ставку Верховного главнокомандования о прибытии своего Верховного главнокомандующего. И Ставка встречала.

По мере приближения перрона я рассматривал сквозь вагонное стекло сначала фигуры, а затем лица ровнявших фрунт генералов, а министр граф Фредерикс, возвышающийся за спиной, по моей просьбе комментировал наблюдаемую картину.

— Согласно регламенту, — пояснял граф, — Ваше Величество обязаны встречать все присутствующие в Ставке представители генералитета. Первым, разумеется, и ближе всех к нам, стоит лично Его Превосходительство генерал Алексеев, руководитель Генштаба. Вторым в ряду — генерал-адъютант Клембовский, начальник гарнизона Ставки. Ему подчинены наличные силы охранения Штаба, главным образом войска противовоздушной обороны, инженерные части, железнодорожники, связисты, а также казаки, обеспечивающие периметр и несение караулов. Далее присутствуют генерал от инфантерии Кондзеровский, отвечающий за снабжение армии, адмирал Русин, обеспечивающий связь с флотом, генерал-квартирмейстер Лукомский, контролирующий авиационные силы, помощник начальника штаба генерал-лейтенант Егоров, протопресвитер Ставки отец Шавельский, а также тот незначительный человек, господин Щусев, могилевский генерал-губернатор. Остальные человек двадцать пять — специалисты Генштаба и офицеры сопровождения. Бог мой, а вот и новое лицо! Если не ошибаюсь, третьим за Алексеевым возвышается сам старик Иванов, бывший командующий юго-западным фронтом. Этот генерал от кавалерии, насколько я знаю, состоит при Генеральном Штабе уже неделю как советник самого Алексеева... Впрочем, простите, Вашему Величеству, должно быть, это известно. Помню, вы лично отстранили Иванова от командования фронтом и заменили его на генерала Брусилова...

— На Брусилова? Ну должно быть, — нехотя крикнул я. — Знаете, Владимир Борисович, после коньяка у меня плохо с памятью. Да и душно. Идемте на выход!

Поезд еще не остановился, проползая по рельсам последние сантиметры, но мы уже

торопливо двигались к дверям вагона-салона. Я, разумеется, следовал впереди. Испуганный дежурный распахнул передо мной двери, и я спрыгнул с подножки — легко, как горный архар. Вероятно, свита из встречающих генералов не вполне ожидала подобного от обычно вялого царя Николая, что и отпечаталось на их лицах совершенно отчетливо. Возможно, на предыдущих «визитах», первыми с поезда сходили Воейков или Фредерикс, но мне было плевать на традиции. Мне оставалось быть самодержавным Императором всего несколько дней, и я не собирался затруднять себя этикетом.

Как подсказывала «каиновская» энциклопедия, Ставку Верховного главнокомандования перенесли в Могилев после последнего наступления немцев, так как *Барановичи*, где ранее располагал свой Штаб бывший главковерх Николай Николаевич Романов — Великий Князь и по совместительству родной дядя, стали небезопасны. Отсутствие безопасности легко объяснялось, учитывая, что кайзеровские снаряды долетали до Барановичей, не пролетев и половины доступной дистанции, а офицеры германской армии могли рассматривать дом Главковерха со своих траншей из биноклей.

Могилев отстоял от Барановичей почти на триста километров в глубь российского тыла; снаряды туда, разумеется, не долетали, и за минувшее с немецкого наступления время, пользуясь покоем и тишиной, старый провинциальный городок превратился в настоящий военный лагерь. Императорскую Ставку обороняли отдельный авиационный отряд, отдельная артиллерийская батарея, батарея воздушной артиллерийской обороны, а также разнообразные конные и пешие воинские подразделения.

Для защиты Генерального штаба, расположенного в умозрительном «центре» железнодорожной линии Питер-Одесса, то есть «по середине» главной артерии снабжения всех четырех «германских» фронтов, этих сил было более чем достаточно ибо грозить по большому счету в Могилеве нам могли только шпики, лазутчики да сумасшедшие немецкие пилоты, если бы кто-то из них рискнул дотянуть до середины России на своих фанерных аэропланах.

Для подавления столичных волнений эти силы, конечно, не подходили. К моему счастью, граф Фредерикс оказался настоящим кладезем знаний — пусть не таких судьбоносных, как каиновская *энциклопедия*, но зато приближенных к «местным» условиям и гораздо более конкретных. Он сообщил мне, что мой реципиент по совету благоверной супруги императрицы Александры сподобился примерно две недели назад прикомандировать к Генеральному штабу генерала Иванова — того самого «старика».

Иванова прикомандировали не голышом, а с полной кавалерийской дивизией — причем не какой-нибудь, а гвардейской, — снятой с фронта и поставленной в Могилеве «для тылового усиления».

Услышав об этом, я чуть не перекрестился. «Как знала, матушка, ей-богу, как будто знала», — думалось мне, ведь вопреки суждениям историков царственная супруга оказалась совсем не глупа. Разумеется, я не знал ее мотивов, однако в данный момент они были не важны. Куда важней оставались факты: свободная кавалерийская дивизия при Штабе могла стать решительной силой против любых восстаний и переворотов. Куда там Думе или Великим Князьям, — задавим!

Впрочем, действовать я собирался последовательно, продуманно и без спешки. Шесть, а вернее, уже пять дней — это, в сущности, уйма времени...

Спрыгнув с подножки, я огляделся. За мной врзался в землю Воейков, неспешно слез Фредерикс, за ним — свиты генерал-майор Граббе, граф свиты Нарышкин, флигель-

адъютант Мордвинов, герцог Лейхтенбергский, лейб-хирург Федоров, а также прочие титулованные лица сопровождения, о нахождении которых в поезде я не подозревал. Всех их Фредерикс представил мне (вернее, конечно же, напомнил об их присутствии Николаю Второму) всего тридцать минут назад, когда царя разбудили перед прибытием в Могилев.

Чуть далее, на перроне, красовался в неподвижном молчании Собственный Его Императорского Величества гвардейский конвой, замерший сотнею истуканов в фигуре почетного караула. Меж грозных царских «конвойных» кутались в шубы ряды генералов, и далее — роты «обычных» солдат, отгораживающих территорию со всей этой разношерстной публикой от суеты прочего, не придворного мира. В голубом небе, несмотря на мороз, висели торжественные звуки марша, выдуваемые, должно быть, примерзшими к медным трубам губами. И пар, пар шевелился в воздухе, вырывающийся в морозную чистоту из ртов и носов, из горнов, из печных привокзальных труб и широкого жерла огнедышащей паровозной топки...

Итак, решил я, приступим. Начать, пожалуй, следовало с Алексеева, поскольку Командующий штабом являлся центральной фигурой во всей этой чехарде. Обежав линию генералов взглядом, я выделил его в толпе — по словам Фредрикса, он стоял среди прочих первым. В энциклопедии имелось и фото Алексеева, так что я узнал его без труда. Генерал был светел лицом, немного выше меня ростом (интересно, имелся ли хоть кто-то из генералов ниже царя?) и весь облик его казался необычайно мудрым и благолепным. Отчасти так оно и было, ведь Алексей являлся не просто военным, а военным «профессором», руководителем Николаевской Военной академии и главным русским военным теоретиком, специалистом современной войны.

Открытый, высокий лоб, огромный даже под головным убором, украшал его задумчивое лицо, густые усы топорщились жесткой щеткой, на носу поблескивало пенсне, и плотно сжатые губы казались вытянутыми в одну тонкую линию. Взгляд Алексева был тревожен. Даже перед лицом Императора первый русский офицер не потрудился изобразить хотя бы видимость приветливости или улыбки.

Молча он отдал честь.

— Рад приветствовать Ваше Императорское Величество, — негромко произнес он.

— Не ожидали, Государь, вы прибыли так неожиданно, — закричал стоящий рядом генерал-адъютант Кондировский.

— Здравия желаем! — заорал слева от него генерал-лейтенант Клембовский.

Я кивнул обоим генералам, но обратился все-таки к Алексеву, поскольку вопли его штабных офицеров меня мало интересовали.

— Звали, Михаил Васильевич? — спросил я. — Принимайте.

* * *

Спустя тридцать минут я сидел уже в здании Штаба. Со станции в сопровождении особ Свиты Николая Второго препроводили на проживание в императорский дворец, оказавшийся на поверку совершенно небольшим зданием — бывшим домом Могилевского губернатора. Со слов спутников я уловил, что на размещение в резиденции Николай обычно тратил несколько часов — в том числе на отдых и чаепитие. Спать хотелось жутко, однако, вопреки устремлениям своего «царского» тела, я заставил себя наплевать на привычки и

заняться делами. Спустя пятнадцать минут после прибытия «во Дворец», я уже находился в здании Генерального штаба.

Строение Штаба выглядело удивительно незамысловато. Оно представляло собой неприметный двухэтажный кирпичный домик, с отштукатуренными стенами, выкрашенный в охра, с покатой крышей и рядами высоких сводчатых окон с маленькими форточками и белыми деревянными рамами. То был совершенно заурядный архитектурный проект, по которому строились сотни доходных зданий на улицах Питера и Москвы, Рязани или какого-нибудь Новониколаевска в далекой Сибири. Домишко выглядел очень уютным — жилым. Он походил именно на обычный многоквартирный дом, а не на сосредоточение высшей военной власти, откуда отдавались распоряжения многомиллионным армиям гигантской державы.

Когда я зашел внутрь, корпящие над картами офицеры, не ожидавшие столь скорого визита своего Императора, встали. Дежурный офицер препроводил меня в личный «царский» кабинет, где я потребовал себе командующего. Алексеев явился почти сразу же, поскольку, как сообщил дежурный, он располагался ниже этажом в переговорной комнате с радиотелеграфом. Я подумал было спросить, с кем переписывается мой старший офицер сразу после появления в Ставке монарха, однако в словесном потоке, в который погрузил меня руководитель штаба, это скромное желание затерялось.

Следующие десять минут Алексеев потратил на пространные излияния, заговаривая мне зубы и описывая общую обстановку на фронте. Говорил он много и со знанием дела, однако, в отличие от уютного штабного здания, его доклад не пробуждал во мне теплых чувств, ибо слова генерала не могли объяснить срочность вызова в Могилев. Между тем это был главный вопрос.

Войска на фронте стояли спокойно, брожений не замечалось, имелось недовольство умов и солдатские пересуды, но они, во всяком случае, не носили достаточной силы, способной повлиять на развитие военных действий.

Напротив! Положение фронтов заметно улучшились. Уже не случалось перебоев с поставками продовольствия как в начале войны, ситуация с вооружением и боеприпасами казалась несравнимой как с четырнадцатым, так и с шестнадцатым годом. В полном достатке имелись винтовки и ружейные патроны, возросло количество гаубиц, броневигов, пулеметов, и наконец-то сравнялся с германским наш орудейный парк. Был уже разработан план кампании на новый, 1917 год, который мы с союзниками должны были начать одновременно — на всех фронтах. Истощенная до невозможности, измотанная морской блокадой и израненная потерями германская армия была просто не в состоянии одновременно противостоять натиску Запада и Востока. Чуть позже, как следовало из дареной энциклопедии, командующий германской армией генерал Людендорф напишет в своих мемуарах про это время: «Наш разгром в 1917 году казался мне неизбежным».

[\[1\]](#) Именно таковым, по данным энциклопедии, казался разгром Германии и мне. Мы уже почти дотягивались рукой до победы, касались ее подушечками пальцев! Но в чем же дело тогда?

Еще раз, мысленно, я воспроизвел в памяти содержание срочной депеши, взывающей меня в Ставку полтора, нет, уже почти два дня назад.

*«Его Императорскому Величеству
Государю Императору:*

Держаю всеподданнейшие доложить Вашему Величеству, что в связи с неотложными обстоятельствами СРОЧНО необходимо присутствие Вашего Величества в Могилеве.

АЛЕКСЕЕВ».

Все.

Вопросы? О, у меня имелись сотни вопросов. Возможно, сам Николай Второй оказавшись в подобной ситуации, не имел оснований для беспокойства. Но я-то знал, что ситуация «крайне критическая» и до крушения Империи осталось ровно пять дней. Информационный файл, подаренный мне Каином, не давал разъяснений, кто именно и зачем организовал это предательское выступление против власти, но между строк сухих текстов, составляющих основу моей виртуальной «шпаргалки», смысл читался легко. В сложившейся ситуации я был обязан прояснять такие вопросы!

Дождавшись, пока Алексеев замолчит, и не найдя в его словах ничего, что могло объяснить присланную в Петербург телеграмму, я решился спросить своего «старшего офицера» прямо.

— Вы не сказали, в чем срочность моего визита, — напомнил я.

Реакция генерала показалась более чем странной.

— Срочность есть, — спокойно ответил он. — Обстановка на фронте спокойная, Ваше Величество, тут вы правы. Однако темпы подготовки к весеннему наступлению требуют вашего присутствия. Есть много вопросов, которые нам следовало бы обсудить. К тому же... войска опечалены долгим отсутствием верховного главнокомандующего в Ставке.

Последняя фраза вызвала у меня усмешку.

— Интересно, Михаил Васильевич, каким образом вы определяете степени «опечаленности» войск моим отсутствием? Поступают сигналы от командующих фронтами, есть сообщения о бунтах, митингах? Может, двенадцать миллионов рядовых вам лично докладывают о своих печалях?

— Никак нет, — ничуть не смутился Алексеев.

— Тогда с чего вы решили?

Я сдерживался, но во мне начал медленно закипать гнев. Телеграмма — я вдруг почувствовал это поджилками — была прислана неспроста! Вероятно, сам Николай Второй никогда бы не снизошел до гнева на подчиненных (он никогда и не гневался), но я не являлся настоящим царем, и ситуация с возможным государственным переворотом, такая ничтожная вначале, стала вдруг казаться более запутанной. Генерал явно темнил.

— Мне нечего добавить, — заявил главный русский военный, изображая обиду, голос его стал холоден, наполнившись оскорбленной гордыней. — Обстановка требовала вашего присутствия, и я смел просить вас о прибытии в Ставку. Отдавать распоряжения вашему Величеству я никогда не смел, и если вы находите невозможным дальнейшее пребывание в Могилеве, прошу низжайше меня простить. Прикажете приготовить поезд к отбытию?

Вот же сволочь, подумал я.

— Не стоит. — Узнав позицию Алексеева, я обернулся к сопровождавшему меня Воейкову: — Мне немедленно нужна связь с Петербургом, Владимир. А вы... свободны, Михаил Васильевич. Еще вечером поговорим.

Пристукнув каблуком, старый штабист ушел, обиженно поджимая губы. Эта игра меня

не смущала — очевидно, что с вызовом в Могилев все обстоит не просто. Ох, не просто, командующий генштабом, а по большому счету единственный, кто управлял армией во время войны, настоящий Верховный Главнокомандующий, сорвался из отпуска в Крыму два дня назад. Абсолютно ничто не объясняло подобного поведения. Немцы, изнуренные трехлетней войной на два фронта, были измучены до последней крайности. Как наша, так и союзническая разведка докладывали, что никаких действий на западном фронте в ближайшее время не предполагается. Антанта и Четверной союз готовились к решающей схватке — но только весной! Сейчас усиленными темпами велась подготовка, подвозились резервы, делались запасы, индустрия Европы штамповала оружие и боезапас для последней, решающей схватки. Все это было общеизвестно и очевидно, но не менее очевидным являлось то, что сама схватка отодвинута как минимум на три месяца в будущее. Ибо зимой — по февральской слякоти, не восстановив гигантские потери последнего наступления, немцы к Москве и Киеву не пойдут.

В этих условиях начальник генерального штаба срывается из отпуска и вызывает Императора *срочно* только для того, чтобы обсудить вялотекущую обстановку и неимоверно далекие планы, детали которых даже не вычерчены штабистами на картах? Бред, больше чем бред!

День между тем стремительно истек. После напряженного разговора с начальником штаба меня пригласили в переговорную. Радиотелеграф отстучал на ленте сообщение в Петербург. Затем, оставив Воейкова вместе с радистами, я вернулся обратно к себе в кабинет. Мне не хотелось контактировать с окружающим миром только через «странного» Алексеева, поэтому я потребовал у флигель-адъютанта запросить Питер самостоятельно, через имевшуюся в распоряжении штаба аппаратуру, и лично дождаться ответа.

Результат поверг меня в шок.

Когда через три часа, после скомканного обеда все с тем же с Фредериксом и осмотра внешних укреплений Ставки, я вернулся в штаб, Воейков ворвался ко мне в комнату, с округлившимися глазами.

— Что там? — спросил я, почти догадываясь, о чем пойдет речь.

Адъютант потряс кипой телеграмм.

— Родзянко и Протопопов! — воскликнул он возбужденно. — В ответ на запрос пришло восемьдесят телеграмм. Поток — почти одновременно! Военный министр Беляев, начальник гарнизона Хабалов, министры, руководители думы — все докладывают, что в столице творится нечто невообразимое!

— Как давно?

— Телеграммы получены только что, аппарат работал последние полчаса без перерыва.

— Нет, Воейков, нет. Я спросил, как давно начались беспорядки в столице?

Адъютант смутился, затем, перебирая бумаги, ответил пораженно:

— Похоже... похоже, волнения идут в городе уже третий день. Начались сразу, как только мы отбыли...

— Уже третий день, а докладывают только после прямого запроса? — Я скверно улыбнулся. — Идемте-ка, Владимир, обратно в переговорную. Мне нужен министр внутренних дел Протопопов. Хочу послушать, как эта сволочь прокомментирует происходящее.

Однако первым, с кем мне удалось побеседовать, оказался не Протопопов, а командующий Питерским гарнизоном. Не желая общаться только через радиотелеграф, я

потребовал связывать меня с членами правительства по телефону. Телефонные линии, насколько я понял из торопливых объяснений связиста, соединяли в России почти двести тысяч абонентов, но в основном в крупных городах центральной части страны — Москве, Питере, Харькове, Костроме и нескольких прочих губернских центрах. Самые длинные, недавно законченные линии тянули тонкие пальцы провода даже к Тифлису и Гельсингфорсу, однако Могилев подобными излишествами не избаловали. Единственную телефонную линию здесь протянули уже после начала войны непосредственно к Ставке от железнодорожной станции, поскольку МПС оснащал телефонными аппаратами все свои станции и даже отдельные поезда. Эта уникальная «военная» линия соединяла кабинет Главковерха со штабами фронтов, штабами Московского и Петербургского гарнизонов, а также (почему-то) со штабом гарнизона в Ревеле, откуда, по всей видимости, сообщения могли передаваться в Финляндию радиотелеграфом. Отдельные здания Ставки и даже два КПП оснащались телефонными аппаратами для внутренней связи. Эти аппараты обеспечивали связь между местными подразделениями, но для соединения со столицами не годились. Подобная ситуация образовалась и в Питере. Телефон объединял восемьдесят тысяч различных абонентов, то есть чуть ли не половину телефонизированных точек России, соединял министерства и ведомства, правительственные департаменты и больницы, однако военная линия оставалась одна, и конец ее размещался в штабе Хабалова, командующего гарнизоном. Министров пригласили туда для экстренного совещания. Вечером — на девятнадцать часов. Ну а пока...

Пока связист передал мне трубку и я, с удивлением прочитав на массивном квадратном ящике телефона неизвестно откуда знакомое мне слово «Эриксон», услышал в трубке сипящий и тусклый голос. Первым абонентом петербургского штаба, разумеется, оказался «владелец телефона», командующий Хабалов.

Следующие несколько минут я нервно покачивался на каблуках, а мое ухо потело, плотно прижатое к трубке, и наливалось кровью от осознания собственной глупости и легкого чувства стыда.

То, что «вещал» мне несчастный генерал из восставшей столицы, я, в общем-то, знал и так — из данных *энциклопедии*. Забавляло лишь то, насколько быстро все заварилось, и то, насколько *медленно* меня обо всем извещали. Интересно, если бы я не разослал запросы по ведомствам, хоть кто-нибудь из них посмел бы самостоятельно рапортовать Императору о произошедших событиях? Николай, насколько я смог уловить из содержащихся в энциклопедии воспоминаний, реагировал на подобные известия вяло и без интереса. Его министры и генералы вполне могли умалчивать факты не умышленно, а только из желания не беспокоить государя по пустякам.

Вот тот же Хабалов — он не докладывал мне три дня, а сейчас буквально ныл! Голос его сипел не из-за помех в телефонной линии или технического несовершенства аппарата связи. Хабалов действительно говорил именно так — почти неразборчиво, тихо и в то же время визгливо.

— Это пахнет изменой. Изменой, Государь, или я уже решительно ничего не понимаю! — рыдал он в трубку почти после каждой фразы.

Перебив его, я вежливо попросил:

— Сергей Сергеевич, — у моего «носителя» воистину была феноменальная память, — не суетитесь, рассказывайте спокойно, если возможно.

Хабалов собрался.

— Началось все с хлеба, Ваше Величество, — поведал он уже чуть более внятно. — Еще с двадцать третьего февраля правительству в моем присутствии сообщалось о возможной «забастовке пекарей», недовольных низкими ценами на свою продукцию в условиях ограниченного поступления муки из центральных губерний. Речь, разумеется, идет не о пекарях как таковых, а о владельцах хлебных пекарен и магазинов. Эта грязномордая сволочь решила взвинтить цены на свои булки в нарушение всех военных законов. Правительство, естественно, пропустило предупреждения мимо ушей. Достаточно было вовремя зафиксировать цены на продукты питания да пригрозить спекулянтам — торговцы бы не смели ничего сделать! Однако реакции на тревожные доклады от Совмина не последовало. Результат, разумеется, оказался предсказуем. Торгаши взвинтили стоимость всех хлебных изделий разом, одновременно — все пекарни столицы в один и тот же день, двадцать четвертого февраля, о чем стало известно буквально через несколько часов после вашего отбытия, как только открылись двери магазинов. Это был сговор, ей-богу, причем очевидный!

Генерал перевел дух.

— На удивление, а может быть специально, повышение цен совпало с этим глупым праздником социалистов — Международным женским днем, — продолжал Хабалов. — Около сотни домохозяек вышли на мирную демонстрацию, требуя отмены повышения цен. Тут уж правительство с запозданием среагировало: было дано объявление, что в течение ближайших трех дней в столице будет разработана карточная система и цены на хлебopодукцию станут определяться градоначальством. Объявления дали в газеты, расклеили по всему городу, более того, мы на самом деле приступили к работе, совместно собрали комиссию, через три дня, ей-богу, все было бы...

— Дальше, пожалуйста, — сдержанно попросил я.

— А дальше, государь, начался кошмар! — Хабалов буквально зарыдал в трубку. — Именно в этот день, в день хлебной демонстрации, как будто специально ожидая повода, Путиловский объявил локаут! Крупнейший военный завод страны в разгар войны уволил двенадцать тысяч рабочих. Двенадцать тысяч!! Как вы думаете, чем они занялись на следующий же день?

— Вероятно, это риторический вопрос, — выдохнул я. — Присоединились к митингующим?

— Вот именно! Давно следовало отдать все крупные заводы под прямой контроль правительства, а военные — вообще на государственную дотацию, тогда бы не было никаких локаутов. Уверен, это заговор думцев. Путилов, как и прочие столичные фабриканты, очень близок к Родзянко и Гучкову. Даю руку на отсечение, они договорились с пекарями и заводчиками заранее. Все запланировано!

Я пригладил волосы на затылке — становилось еще и жарковато.

— Похоже на то. Что сейчас?

— Не знаю, не знаю... — визгливо запричитал Хабалов. — Город словно охватило собачье бешенство. Двенадцать тысяч путиловцев стали только началом. Фабриканты будто сошли с ума — локауты обрушились на город настоящим водопадом. Якобы из-за участия в забастовках, а на деле просто чтобы подогреть обстановку, рабочих стали увольнять массами. Сегодня, по данным статистического комитета градоначальства, уволено уже сто пятьдесят тысяч человек! Они оставлены без средств к существованию, в условиях, когда в столице нет хлеба — все лавки заперты проклятыми коммерсантами на лопату. Пролетарии

крайне раздражены — и их можно понять, ведь у всех семьи! Мои казаки пытаются что-то сделать, но их слишком мало против этого моря людей. И вы же знаете рабочие комитеты, они как мухи, летящие на запах гнили. Пока все оставалось спокойно, их не было слышно, сидели тихо и не высывались. Но другое дело сейчас — уволенные десятками тысяч собираются на площадях и требуют хлеба! И социалисты, естественно, призывают их к низвержению власти! Это ужас, гигантский бунт!

«Истеричка, — подумал я про Хабалова, — причитает и причитает». Неужели начальник гарнизона, в городе которого происходят массовые беспорядки, может реагировать на них столь ограниченно и бездейтельно? В его силах было объявить город на военном положении еще вчера. Организовать конфискацию и раздачу хлеба, ночное патрулирование улиц, разогнать несколько сотен митингующих кавалерией, арестовать всех известных и просто попавшихся под руку агитаторов-социалистов, объявить повсюду — пусть даже соврав — о скорейшем принятии мер по обеспечению продовольствием. Ведь на то и война, на то и оставлен в столице вооруженный до зубов гарнизон!

А с другой стороны, что можно ожидать от несчастного генерала? Обычный тыловой офицер, весьма посредственных способностей, старый, негодный к драке, каких с началом войны десятками удаляли с фронтов в глубинку. Преданный — да. Великолепный хозяйственник — возможно. С огромной выслугой лет, прошедшей в мирные годы. Но хлыст и кулак, способные разогнать демонстрантов, приструнить пекарей и фабрикантов, усмирить Думу, навести порядок в оказавшейся на краю гибели столице — эти действия с рыдающим тыловиком Хабаловым никак не ассоциировались.

Я покачал головой. Боже мой, как быстро все произошло. Еще трое суток назад — полная тишина и благодать. А сейчас?

Вот что значит хорошая организация. Повышение цен на хлеб и массовый локаут — всего лишь. Но каков результат! Сто пятьдесят тысяч рабочих, их жен и детей готовы порвать меня на куски! И это — во время войны. В энциклопедии я читал, что позже, в той же России, во время новой мировой войны с немцами за украденные продукты или слово, сказанное против воюющей за Родину тоталитарной власти, расстреливали без следствия и суда. По мне, это было чересчур, однако то, что происходило сейчас в Петербурге, воистину было достойно применения подобных методов.

Массовая забастовка в столице в разгар войны. Это было даже не предательством или изменой. Это было страшнее — это было государственным переворотом!

* * *

Следующие несколько часов, ожидая разговора с министром внутренних дел, я перечитывал телеграммы.

Одна пришла от жены Николая, опрометчиво оставленной мной в столице. Сейчас, когда я задумывался о событиях того дня, мне пришлось испытать очень странные чувства. Царица Александра Федоровна была мне совершенно чуждой и абсолютно незнакомой, она была уже не молодой немкой, заносчивой гессенской аристократкой, недалекой, возможно неумной, однако при мысли о ней какое-то щемящее чувство овладевало мной каждый раз. Возможно, полагал я, так сказывалось отношение к жене самого царя Николая — издерганное постоянным давлением, которое Императрица оказывала на моего реципиента,

но все же настоящее, трепетное и сильное.

Это чувство, по всей видимости, отчасти передалось мне.

«Бесценный мой!»

Вчера случились беспорядки на Васильевском острове и на Невском, потому что бедняки брали приступом булочные. Большой магазин Филиппова разнесли вдребезги. Стачки и беспорядки в городе стали более чем вызывающи. Но это глупое хулиганское движение: мальчишки и девчонки бегают по улицам и кричат, что у них нет хлеба, просто для того, чтобы создать возбуждение. И рабочие, которые мешают другим работать.

Если бы погода была холодная, они все, вероятно, сидели бы дома. Но все успокоится, если Дума начнет хорошо себя вести. Нужно немедленно водворить порядок, день ото дня становится все хуже... Завтра воскресенье, и все будет гораздо хуже».

Александра Федоровна, как мне было известно из сообщения графа Фредерикса, телеграфировавшего ей сразу по прибытии нашего поезда в Могилев (я, дурак, оказался слишком занят, чтобы об этом побеспокоиться), выехала из Зимнего в Царское село буквально на следующий день после меня. «Мне тяжело оставаться в городе без Него», — писала она министру Двора. Отложив листок, с приклеенными на него ленточками телеграммы, я задумчиво посмотрел в окно.

Настоящий Николай Второй, как бы ни осуждала его история, был великолепен в одном — как любящий отец и преданный супруг. Он оставался верен семье до конца своих дней. А что же я? Ведь как ни крути, пока я нахожусь в этом теле, это моя семья. Я должен был о них позаботиться. О них — и о всей огромной стране.

Как и я, о событиях в городе императрица узнала с большим запозданием — через сообщения людей Свиты и Двора, а вовсе не по официальным каналам. Во время переезда в Царское Село ее просто не повезли по улицам, на которых бушевала толпа. Возможно и к лучшему, а возможно... город уже три дня раздирало восстание, но никто из тех, кто реально мог ему сопротивляться, о нем либо не знали, либо пытались не замечать. В Царском же Семья была в полной безопасности в окружении надежной охраны.

Убрав в сторону телеграмму жены и царицы, я взялся за следующую. Вопреки мнению Александры, премьер-министр Голицын сообщал по поводу событий в городе нижеследующее.

«Ничего грозного во всем происходящем усмотреть нельзя, Государь.

Полиция прекрасно обо всем осведомлена, а потому не нужно сомневаться, что выступления будут ликвидированы в самое ближайшее время.

Голицын».

Мои губы скривились в улыбке. Дурак или предатель? И кого он имеет в виду под словом «полиция», ведомство Протопопова?

Собственно, следующее сообщение прибыло как раз оттуда. На телефонную связь шеф полиции упорно не выходил, но телеграмму царю отправил.

«Ваше Величество.

В Петрограде начались беспорядки несколько дней тому назад.

Однако вызванные казаки вроде бы уладили толпу, и к вечеру все успокоилось. Положение восстановлено.

Протопопов».

Интересные слова «вроде бы». Перечитав обе телеграммы, я скомкал их и выбросил в ведро. Это была не информация, а никчемные бумажки. Ни в одном из прочитанных сообщений не сообщалось ничего конкретного. По поводу письма Александры Федоровны все ясно — царица в Царском Селе, далеко от эпицентра событий, изолирована от них, как и я, опирается только на домыслы и слухи. Но почему же министры занимаются отписками?

Хотя бы один из членов правительства должен дать мне ясную обстановку. Ведь не один же глупец Хабалов сохранил мне преданность! Торопливо я начал перебирать оставшиеся листы в поисках телеграммы военного министра Беляева.

Нашел. Развернул. Перечитал и ахнул.

Картина, обрисованная военным министром, в корне отличалась от успокоительных сообщений Голицина и Протопопова. Доклад Беляева был четок и лаконичен, как доклад всякого военного человека. Самым смешным являлось то, что писали все три государевых человека, по сути, об одном и том же, но как же контрастны при этом представляли описанные картины!

«Государь!»

С 24 февраля столица охвачена чудовищными беспорядками.

Митинги и выступления на площадях в течение трех дней следуют непрерывно.

До запроса Воейкова писать Вашему Величеству не смел, желая не беспокоить напрасно. Однако сегодня утром в Петрограде подожжены два охранных отделения, причем толпа не дает тушить пожар, пожарных попросту избивают.

Сначала восстания, в Таврическом Дворце, государственная Дума заседает без перерыва. Депутаты ходят в красных бантах и активно общаются с митингующими. Только что получил известие, что подожгли также окружной суд.

В удаленных кварталах открыта настоящая охота за полицейскими.

Жандармов отлавливают и вешают на столбах.

На Васильевском и Петроградской стороне снял три трупа.

В одном из патрулей застрелен казак.

С Вашего высочайшего позволения, с 27.02.1917 г. в городе ввожу военное положение. Полагаю, что в ближайшее время беспорядки будут прекращены.

Медленно сложив прочитанную телеграмму, я положил ее на стол к остальным.

Ну что же, Беляев по-своему молодец. В это тяжелое время хоть кто-то может послужить мне опорой. Нужно ему помочь.

— Телеграфируйте в штаб гарнизона, — произнес я, и аппарат застучал.

«Введение военного положения подтверждаю.

Повелеваю завтра же покончить с беспорядками, недопустимыми во время тяжелой войны с Австрией и Германией.

Николай». [\[2\]](#)

Когда министр внутренних дел все же вышел со мной на связь, я готов был его растерзать. Протопопов прибыл в штаб гарнизона последним из всех членов правительства. Случилось это ближе к вечеру, так что меня вызвали к телефону уже во время позднего ужина. Фредерикс, сидевший со мной за столом, предложил, чтобы министр подождал, пока закончится трапеза Государя, однако я, ожидавший этого разговора почти весь день, упрямо отодвинул тарелки.

Суть произошедшего, изложенная по телефону Хабаловым и подтвержденная военным министром Беляевым, была для меня ясна. Соблазненные думцами фабриканты и продавцы хлеба спровоцировали массовые забастовки, приурочив антиправительственные выступления к моему отбытию из столицы и к какому-то незначительному социалистическому празднику — помянутому Хабаловым «международному женскому дню». [\[3\]](#)

Специально или же нет, но назначенное мной правительство молчаливо способствовало заговорщикам. Возможно, по недальновидности и скудоумию, а возможно — по преступному сговору с изменниками.

Полезно было другое. Источник волнений вырисовывался теперь вполне четко. Перед восставшими, как следовало из докладов, выступали думцы. Главным требованием восставших, читаемым четко сквозь вуаль воплей о сдерживании цен на хлеб и прекращении увольнений, было создание нового правительства, ответственного перед *Думой*.

Поганцы, поганцы, размышлял я. В отличие от Николая, я родился, вероятно, в более развитую с точки зрения социологии эпоху и прекрасно осознавал, что создание представительной демократии совершенно не влияет на демократичность или же недемократичность государственной власти. Напротив! Самые отъявленные негодяи выбивались к вершинам власти исключительно на волне народной любви и в странах, где существовали развитые избирательные системы. Поэтому вопрос подписывать Конституцию России или не подписывать передо мной, в отличие от моего реципиента, не стоял. Вопрос заключался лишь в том, что заниматься демократическими преобразованиями в воюющей стране было не только немыслимо, но просто глупо. Игры в парламент и конституцию не для войны. После победы — конечно. Однако сейчас идти на поводу у думской оппозиции чревато расколом общества, брожениями и в конечном итоге ослаблением фронта.

Вывод мой не был нов, он не был продиктован личными воззрениями Николая или моими собственными убеждениями. При принятии решения я старался руководствоваться

только формальной логикой и опытом будущего. Ведь не случайно же каждая конституция каждого демократического государства предполагает объявление в стране чрезвычайного или военного положения. Для критических ситуаций, угрожающих самому существованию нации, такая мера жизненно необходима, это условие выживания, а не признак авторитаризма. Единоличную власть Президента или Премьер-министра во время схватки *не оспаривают* — это правило общепризнанно. Ибо в эпоху кризиса не может быть колебаний. Общество или едино, или... оно мертво. А демократия и реформы пусть останутся мирному времени!

Размышляя так, я бежал (именно бежал) по гравийной дорожке, соединяющей Резиденцию со зданием Штаба, и прикидывал меры, которые следует предпринять. Текст Конституции, ей-богу, сяду писать сегодня же. За основу, пожалуй, возьмем американскую конституцию, только с Монархом вместо Президента. Власть северо-американских президентов, вопреки мнению русской прогрессивной интеллигенции, необычайно велика, она значительно шире власти большинства ныне царствующих королей или императоров монархических государств, благодаря чему, вероятно, США и добились таких успехов во внешней политике, несмотря на якобы ярко выраженное «демократическое» устройство. Однако подписывать конституцию и объявлять об изменении основ государства стану только после победы. Никаких уступок и реверансов в военное время совершать не следует — это признак слабости не столько для внутренней оппозиции, сколько для атакующего врага и скользких жадных союзников. А Думу разгоним сегодня же. Николай — душа-человек, безвольный бездельник и дитя-праведник. Однако же я — не он и прощать предателей не намерен.

После того как в голове созрело некое понимание происходящего и определились позиции главного моего врага — крикливых говорунов в Думе, — созрел простейший по сути план, и возбужденное волнение понемногу сошло на нет. Причины краха, как мне казалось, заключались в нерешительности Николая Второго. Измена Думы теперь была очевидна, разгон же нескольких сот бездельников-депутатов сложностей для Императора не представлял. Сформировав примерный рисунок дальнейших действий, совершенно упокоенный и уверенный в себе, я вошел в здание Генерального штаба.

Как бы там ни было, размышлял я, начать «разгон» следовало с частичной замены министров правительства, ибо только с его молчаливого согласия скромные митинги протеста могли перерасти в массовые выступления, бушующие ныне на улицах Петрограда. Первым кандидатом в списке предстоящего «парада отставок» стоял, разумеется, министр внутренних дел. Я решил отдать об этом приказ немедленно, как только рука коснется телефонной трубки.

Ступени парадной лестницы, покрытые красной ковровой дорожкой, медленно проплывали под моими ногами. Поднявшись на лестничную площадку, я задумчиво остановился. Что-то... смущало.

Хотя вина Протопопова в стремительном разворачивании восстания просматривалась очевидно, неочевидным представлялось другое — я не был уверен в его предательстве. Поведение министра внутренних дел в каком-то смысле оставалось в рамках обычной логики закоренелого бюрократа и могло объясняться не изменой, а нерешительностью и отсутствием способностей для разрешения нештатных ситуаций — как и в случае Хабалова. Но главное, собственно, заключалось даже не в том!

Я понятия не имел, на кого можно было бы заменить Протопопова на посту министра

полиции. Люди вокруг меня находились сплошь незнакомые, известные разве что по сухим *энциклопедическим* справкам, и *никого*, решительно никого моя каиновская шпаргалка не выставляла как надежного и упорного человека. В более ранние годы правления я мог бы указать на Витте или Столыпина, но ныне не наблюдалось фигуры, даже близко сравнимой с такими колоссами. Я уже беседовал об этой проблеме со своим главным кадровиком Фредериксом, однако он, топорща усы, только пожимал плечами. За последние два года мы с ним меняли министров правительства со скоростью патронов в стреляющем карабине, и ни одного подходящего кандидата посоветовать он был просто не в состоянии.

В сложившейся ситуации Протопопов выигрывал по сравнению с любыми другими потенциальными вариантами. Он УЖЕ был министром и, значит, хотя бы оставался знаком со структурой и функциями министерства. В качестве «товарищей министра» и руководителей департаментов были поставлены его люди, и значит, ему не придется перед подавлением выступления ломать голову над кадровыми вопросами, как приходится сейчас это делать мне. При полном отсутствии других кандидатов на кресло министра внутренних дел уже одно это служило достаточным аргументом, чтобы не менять его на скаку.

Махнув рукой, я продолжил подъем по лестнице, решив оставить Протопопова — не из доверия, а от элементарной безысходности. Смешно, но в гигантской России я не знал никого, кто был бы способен в ближайшие дни и часы сменить ублюдка на его месте. И все же...

Забастовки в Петрограде начались точно двадцать четвертого февраля, в день, когда я выезжал из столицы. Еще гремела музыка в Зимнем, и Николай со своими домашними изволил ужинать в парадной столовой, а тучи уже сгущались, лавочники переписывали ценники в магазинах, а фабриканты составляли черные списки для массовых увольнений. Аристократы, дымя сигарами и посасывая вино, трепались в своих салонах о необходимости социальных преобразований, а думцы, должно быть, в предвкушении потирали руки. И обо всем этом Протопопов знал.

Не представляю, на какие жертвы пришлось пойти фабрикантам, чтобы объявить массовые локауты. Чтобы решиться на такой шаг, владельцы заводов и фабрик должны получить очень сильные гарантии компенсации, чтобы в разгар войны решиться сорвать фронтные поставки. В дело как минимум были замешаны миллионы рублей, а может, даже и дойчмарок. А может, я неуютно поежился — и фунтов стерлингов. Последнее предположение, кстати, не являлось таким уж и смешным. При последнем визите союзники показали, что недовольны моей настойчивостью в вопросах турецких проливов, и сейчас, вполне вероятно, пытались найти замену несговорчивому монарху.

О введении карточной системы и милитаризации крупных заводов речь шла уже давно. На неоднократные замечания Николая министры постоянно докладывали, что «дело движется». Обвинять их в сознательном уклонении от введения карточек и отказе от национализации заводов, действительно, было невозможно. Россия в 1917 году оставалась единственной воюющей державой Европы, где хлеб свободно покупали в магазинах, а не получали по карточкам согласно установленной норме. При любом раскладе это следовало считать плюсом, а не минусом правительственной политики. Я был шокирован, когда узнал, но дело обстояло именно так! В Германии и во Франции уже давно жили впроголодь, и только в богатейшей России народ покупал продукты без каких-либо ограничений. События последних трех дней как будто являлись карой за относительно хорошее по сравнению с прочими странами состояние экономики. Эта истина казалась вывернутой наизнанку,

казалась полной, неопи­с­уе­мой глупостью, она противоречила логике — но оставалась фактом. Самое лучшее обеспечение продуктами во время войны привело к событиям, грозящим уничтожить страну.

Наконец мы с Фредериксом поднялись в комнату, и измотанный навалившейся работой связист протянул мне телефонную трубку.

* * *

Разговор с министром полиции звучал странно и угрожающе. Он произвел на меня впечатление гораздо худшее, чем недавняя «скромная» перепалка с начальником Штаба и сопливые рыдания начальника гарнизона. Обычно сдержанный розовощекий толстяк Протопопов чудовищно преобразился. Знакомый голос его казался неузнаваем. Куда делся этот привычный заискивающий тон сановника и лизоблюда?

Вальяжные, успокоительные нотки его доклада как будто гладили меня по голове — словно дурного полуслеп­ого щенка. Я оборвал министра самым решительным образом:

— Несете чушь, Александр Дмитриевич. И Хабалов, и министр Беляев уверены в том что беспорядки спланированы заранее и подготовлены Государственной думой, — заявил я прямо, стремясь услышать его реакцию. — Зная факты, сомневаться в этом может только полный кретин. Нити заговора, как я понимаю, тянутся к политическим союзам, сумевшим перетянуть на свою сторону купечество и фабрикантов.

— Это так, Ваше Величество, — произнес он совершенно обычно.

От такого заявления меня чуть не пере­косило.

— Что именно вам известно? — почти прорычал я в трубку.

— Ничего особенного, — ответил министр ровным голосом, в котором не дрогнула ни одна нотка, — о возможном заговоре мне докладывали очень давно. Дважды я докладывал о нем Вашему Величеству лично. Примерно месяц назад, 27 января сего года, я имел свидание с начальником отделения полиции по охране общественного порядка, руководителем службы тайных агентов генерал-майором Глобачевым, который докладывал мне о том, что Гучков и прочие лидеры Думы готовят государственный переворот. Авангардом движения Думы является рабочая группа военно-промышленного комитета Думы, ответственная за снабжение армии и тыла продуктами питания, а также за связь с крупнейшими фабрикантами. Заговор готовился почти открыто и носил, как мне казалось, чуть ли не театральный характер. Аристократы, думцы и богатейшие заводчики просто щеголяли друг перед другом свободой нравов и воззрений, собираясь в салонах, роскошных квартирах, балах и дорогих ресторанах — все это выглядело несерьезно. Глобачев тем не менее настаивал на немедленном аресте всех членов рабочей группы думского комитета, ибо, несмотря на несерьезность заговора, в нем участвовали очень известные люди, с огромными капиталами и влиянием. Мы, однако, не стали ничего делать, поскольку арест лидеров сделал бы невозможными добрые отношения с Думой и...

— Да в своем ли вы уме, Протопопов? — взорвался я. — И вы смаете спокойно об этом докладывать? Да я немедленно отдам приказ Хабалову арестовать вас и повесить в ближайшей подворотне!

На том конце провода выдержали укоризненную паузу и пояснили:

— Запрет на аресты исходил от вас, Государь... — Казалось, мой министр был

искренне сконфужен. — Глобачев обладал информацией о заговоре благодаря показаниям одного из армейских офицеров с Кавказского фронта. Перед тем как серьезно планировать переворот, отдельные члены думского комитета, уполномоченные остальными, посетили Тифлис, где встречались с любимцем армии, вашим родным дядей, генералом от кавалерии, Николай Николаевичем Романовым. То был не заговор Думы, Ваше Величество; в деле запутаны по меньшей мере шестнадцать Великих князей. Прибыв в Тифлис, посланцы вели почти открытые переговоры о замене Вашего Величества на престоле на Николай Николаевича. Переговоры велись от лица Гучкова и князя Львова — лидеров думских союзов. Николай Николаевич, как известно, отказался от трона — остался верным присяге. Однако если бы мы начали раскручивать нить, то уже одно участие в таких переговорах оказалось бы чревато для вашей Семьи потерей престижа. Николай Николаевича пришлось бы...

— Отставить, — подавленно прошептал я. — Значит, я сам запретил аресты... Вы правы, закончим на этом.

Министр, явно обрадованный завершением разговора с венценосным начальством, попрощался со мной и немедленно отключился. Беседа, которую я ожидал почти четыре часа, окончилась совершенно безрезультатно.

У меня просто не осталось физических сил на продолжение драки. Голова раскалывалась, ни слушать доклады, ни разговаривать по телефону, ни перечитывать телеграммы я был уже не в состоянии.

И все же кое-что мне следовало сегодня сделать во что бы то ни стало.

Подозвав Воейкова, я продиктовал самодержавную волю сегодня в последний раз. После обработки офицером канцелярии штаба она звучала дословно так:

*«Циркулярно, всем государственным учреждениям и фронтам.
На основании статьи 105-й Основных государственных законов повелеваем:
Государственную Думу распустить с назначением времени созыва вновь избранной Думы не позднее апреля 1917-го года. О времени числа производства новых выборов в Государственную думу последуют от нас особые указания.*

Николай».

Содержание телеграммы стало известно в Таврическом уже через десять минут.

Представительного органа в России более не существовало.

Любое обращение любого депутата к народу отныне являлось не легитимным.

Любое обращение любого депутата к толпе отныне можно было квалифицировать как измену.

Не знал я лишь одного — получив царскую телеграмму, Совет Думы, как и происходило при реальном Николае в реальном историческом Феврале, постановил не расходиться и оставаться на своих местах.

Именно с этой секунды хаотическое восстание масс превратилось в настоящую революцию!

С озверевшими людьми другого способа борьбы нет и быть не может. Вы знаете, я не злобив, но пишу убежденный в правоте своего мнения. Это больно и тяжело, но верю, что к горю и сраму нашему лишь казнь немногих предотвратит море крови!

*Из письма царя Николая адмиралу Дубасову, 1905 год
реальной истории*

25 февраля 1917 года.

Могилев

Утро началось тяжело. Продиктовав вчера телеграмму о роспуске Думы, совершенно измотанный, я кое-как добрался до «резиденции» в сопровождении Воейкова и бухнулся мешком на кровать. Спал мертво, а пробудился как от удара и резко вскочил, комкая простыню. Тело ощущалось, будто налитое свинцом. Голова болела ужасно, набухшие веки опускались на красные, несмотря на длительный отдых, глаза. Все общее самочувствие казалось отвратительным, а сквозь окно, из вчера еще залитой солнцем дали, таращились на меня серые, пухлые облака.

Перед сном Воейков заставил меня облачиться в ночную рубашку, и сейчас я чувствовал себя в ней как сбежавший из клиники пациент. Через силу я вытащил себя из постели, скинул нелепую ночную одежду, быстро умылся, натянул армейскую гимнастерку, опоясался, надел сапоги.

Затем почему-то снова подошел к зеркалу. Странно, но находясь в новом теле почти три дня, я не имел возможности внимательно его изучить. В Зимнем было полно зеркал, но останавливаться, чтобы неспешно рассмотреть себя, не хватало времени. В туалетной салона-вагона я также видел свое отражение, но ночевал с Фредериксом и изучать в этих условиях лицо и новое тело являлось не то чтобы дискомфортным, но просто излишним — у царского окружения и так имелась масса поводов для удивления странным поведением Императора, его изменившимися характером, темпераментом, даже манерой речи. Удобный случай для изучения представился только сейчас.

Медленно я провел рукой по небритой щеке.

Для сорока восьми лет и примитивного века, в котором еще не могли лечить сифилис и тиф, очень удивляла ухоженность Императора, которая, если говорить откровенно, показалась мне чрезмерной для мужчины. С другой стороны, размышляя я, царственная особа есть царственная особа, и ежедневные травяные примочки, паровые ванны, втирания, шампуни, бальзамы и прочие косметические средства, а также процедуры, которые, как подсказывала память, Николай был вынужден претерпевать, могли оказать положительное воздействие даже при общем низком уровне медицины. Все эти процедуры вовсе не

являлись, как станут говорить в будущем, признаком метросексуальности и определялись не желанием Николая хорошо выглядеть, а традицией этикета, к которой будущего государя приучали с детства. Коже далеко не юного самодержца позавидовали бы, ей-богу, многие модели из моего предапокалипсического времени и уж, тем более, всякая местная красавица.

Николай был сероглаз, имел открытое, простое лицо, поджарое, сильное тело, почти лишенное жира, сдержанные манеры, тихую речь, невысокий рост и необычайно крепкую нервную систему. Поведение Николая, за которым в первые часы своего пребывания в прошлом я старался только наблюдать, не подчиняя своей воле, являлось показательным в этом смысле.

Говорят, существует понятие — «царский характер». Это сумма качеств, позволяющая производить впечатление мощной личности и непробиваемой воли. У Николая это отсутствовало. *Впечатления* он не производил. Однако только ли «впечатление» составляет способность монарха править огромной державой? В сравнении с богатырской фигурой своего отца Александра Третьего, гнувшего в пальцах монеты, или же громогласной привычкой «повелевать» своего великого прадеда Николая Первого, нынешний государь действительно казался «тишайшим» — точно как царь Алексей, который служил ему своеобразным образцом для подражания. Но это был только фасад его личности.

Вопреки расхожему мнению, Николай оказался необычайно упрямым человеком, а вовсе не «тряпкой», как полагал я ранее, исходя из неполных о нем представлений. Разумеется, для правителя его характер показался мне не вполне подходящим, ибо вслух Николай почти никогда не отстаивал своих решений перед подданными, родственниками или послами держав. Он соглашался с их мнением или молчал, или же отвечал неопределенно. Однако почти ничто, кроме долгих доводов убеждения, не могло заставить русского Государя поменять свою позицию в каком-то вопросе, ибо отмалчиваясь и не возражая, Николай тем не менее всегда поступал по-своему, совершенно не думая о том, что его собеседникам казалось, будто им удалось его убедить.

Именно в этом — сочетании сильной воли и отсутствии внешнего пафоса — скрывалась главная трагедия Николая, которая в конце концов решила его судьбу. За тем, что многим казалось безволием, безынициативностью, скрывалась просто сильная выдержка. При известиях об ужасающих событиях своего царствования — смерти родственников от рук террористов, людских потерях в Великой Войне, даже покушениях на собственную жизнь — Николай почти не проявлял эмоций. Все это списывали на «вялость» натуры, на деле же за внешним спокойствием скрывался железный самоконтроль.

Действительно, излишняя эмоциональность есть удел слабых людей, не так ли?

Кричать и гневаться, топтать ногами и рубить головы легко, если ты при абсолютном отсутствии смелости являешься абсолютным же самодержцем. Николай мог убивать людей миллионами, как это делал чуть позже Иосиф Сталин в той же стране, чем и навел порядок, задавил Смуту. Однако царь даже не повышал голоса на подчиненных!

«Чем выше человек, тем скорее он должен помогать всем и никогда в обращении не напоминать своего положения», — это его слова.

Дело заключалось не в «неопытности» или «слабости» Николая, а в том особом, чрезвычайном историческом моменте, при котором моему несчастному реципиенту довелось царствовать. «Слабоволие», «внушаемость», «тупое упрямство» и прочие упреки, которыми бросались в него более поздние, в основном постреволюционные историки,

возможно и имели под собой почву, однако ни в коей степени не могли стать теми критическими факторами, что неминуемо привели к падению монархии. Уже упомянутые Александр Третий и Николай Первый были подготовлены в смысле образования не в пример хуже Николая Кровавого, однако справились и правили достаточно долго и благополучно.

Еще одной чертой, поразившей меня до самых глубин души, была религиозная вера русского Самодержца. Православие не являлось каким-то эффектным жестом царя, какой-то пропагандистской кампанией или «политической необходимостью», как можно было подумать про правителя «православной» страны. Религия составляла глубинную основу мировоззрения этого человека, самую суть его личности, фундамент индивидуального психотипа, если хотите.

Вера в Бога, идеи ответственности и долга являлись своего рода «самостью» Николая, что, в общем, легко объяснялось, учитывая суровое детство, военное воспитание, семейное почитание недалекого Государя-отца, а также многочисленные убийства родственников, которые окружали будущего «кровавого царя» с ранней юности. Когда мальчику стукнуло всего тринадцать лет, в парадный вход Зимнего внесли его деда — взорванного террористами царя Александра, с ошметками мяса вместо ног и торчащими из кровавой каши изломанными бедренными костями, — тут поневоле станешь религиозным!

Возможно, поэтому Николай относился к несению обязанностей монарха прежде всего как к тяжелой работе, к труду и, более того, как к своему священному, страшному, неподъемному, порой откровенно пугающему, но неизбывному долгу. Несчастный человек этот до дня своей смерти истово верил, что для стомиллионного русского этноса царская власть является благом, священной манной, а революционеры — только тонкий налет, кровавая пена на теле величайшего из народов...

С другой стороны, назвать Николая глупцом или неучем, запутавшимся в собственных заблуждениях, не поворачивался язык. «Глупец на престоле» в совершенстве владел четырьмя языками: родным русским, французским, английским и немецким. С иностранными послами в России, а также с многочисленными родственниками во всех дворах Европы он общался без переводчика — свободно. Кроме того, Николай окончил полный курс по программе Юридического и Экономического факультетов Петербургского университета, то есть имел минимум два высших образования по важнейшим для правителя специальностям. Начальный же курс образования будущего царя занимал *двенадцать лет* (это при распространенных тогда в России школах-трехлетках) и включал отнюдь не зубрежку молитв, традиционных для дворян иностранных языков, танцев и песнопений. В «детский» курс будущего Императора входили расширенные (по сравнению с принятыми на тот момент «гимназическими») программы по минералогии, химии, физике, ботанике, зоологии и даже анатомии. Добавьте к этому обширнейшую военную практику — два полных сезонных сбора в рядах лейб-гвардии Преображенского полка, двух сезонов в рядах лейб-гвардии Гусарского полка и один сбор в рядах артиллерии. По меркам будущей постреволюционной России это был полный двухлетний курс службы обычного призывника.

Как бы там ни было, роюсь в слоях его памяти, я убедился, что Николай являлся глубоко эрудированным человеком, не только начитанным, но и обладающим страстью к перу. Личный дневник Николая, который я нашел в прикроватной тумбе, поразил меня, пожалуй, даже больше того, что я отыскал в его голове. Воспоминания человека порой сумбурны и теряют яркость с течением времени. Слова же, переданные бумаге, не меняются никогда.

Забросив все, я с головой погрузился в чтение. Записи, сделанные на желтых страницах

рукой моего реципиента, отчасти можно было винить в позерстве, ибо писал наследник и император весьма цветисто, витиевато. Разумеется, Николай не мог не знать, что после смерти его тетради станут достоянием истории. Однако, написанные рукой ребенка, а затем взрослого в минуты ужаснейших потрясений, таких как смерть деда, отца и дяди, или величайших радостей, таких как рождение любимых детей, записки отражали особенности характера этого удивительного человека.

Впрочем, одна из записей поразила меня более всего, поскольку имела непосредственное отношение к моему собственному незавидному положению.

На последней странице дневника, заполненной как раз перед моим «вторжением», имелась следующая запись.

«Сегодня был в лесу. Как тихо. Все забываешь, все эти дразги, людскую суету. Здесь ближе к Богу и ближе к природе. Долго сидел, болтал ногой в ручье».

И ниже дата:

«Двадцать первое февраля».

Прочитав строки, я внутренне замер. Очарование, охватившее меня при знакомстве с царем Николаем по страницам его дневника, вдруг исчезло, снесенное ледяным ветром. Судя по предшествующим «запискам», в последние дни существования своей великой Империи, несчастный мой Император выезжал на автомобиле за город — на длительные многочасовые прогулки, полные безделья и философских раздумий. Пока в окопах умирали солдаты, их вождь и предводитель болтал сапогом в ручье!

Эта запись и дата, более чем что-то другое, давали характеристику моему реципиенту, перечеркивая все, что я узнал о Николае чуть ранее. Прекрасный человек, могучий, образованный, умный и волевой, он упустил ничтожный момент, являвшийся главным в жизни его Семьи и Державы. В минуту, когда царапались эти милые уютные строчки, судьба ломала хребет его Родине и любимой семье. Стране и армии в эти мгновения оставалось жить всего несколько дней. Неудивительно, что при подобном отношении Государя она их не пережила. Бездеятельность царя Николая невозможно было объяснить ничем — ни его внутренней сдержанностью, ни усталостью от постоянной борьбы. Человек может быть сколько угодно прекрасен, сколько угодно устал, сколько угодно сдержан. Однако факт остается фактом — страну Николай упустил, позволил свалиться в бездну. Именно — в эти дни.

Захлопнув тетрадь, я спрыгнул с кровати, сорвал со стены шинель и решительно направился к выходу. Со всем этим нужно было что-то делать — не допустить того, что произошло. Интересно, как развиваются события в столице?..

События между тем развивались плохо.

Алексеев, Иванов и некоторые прочие старшие офицеры при моем появлении в штабе вытянулись во фронт, но на их лицах читалось то ли презрение к венценосной персоне, то ли крайняя растерянность чем-то мне неизвестным.

— Что стряслось? Докладывайте! — приказал я, внутренне приготовившись к худшему.

Первым решился ответить генерал Алексеев. Воейков в присутствии старших чинов молчал.

— Всю ночь приходили телеграммы из Питера, Ваше Величество. Вчерашний указ возымел ужасное действие — Дума отказалась самораспуститься.

Я криво усмехнулся:

— А вы ожидали, что депутаты мирно разойдутся? Это известие вполне предсказуемо. Что там Беляев с Хабаловым? Похватали уже народных представителей?

Вместо ответа Алексеев молча протянул листы телеграмм.

Первая из них была именно от Беляева.

«Государь!»

К моему несчастью, нахожу полностью невозможным исполнение Вашего повеления ввиду отсутствия средств и неподчинения личного состава. Забастовки в Петрограде продолжаются, однако, к великому прискорбию моему, в беспорядках начали принимать участие войска. Приказов стрелять в митингующих и об аресте Думы не давал, поскольку опасаюсь вверенных мне частей. Хабаловым введено военное положение, однако работники коммерческих типографий отказываются печатать объявления. Никто из горожан о военном положении не осведомлен.

Сегодня ночью лейб-гвардии Преображенский и Волынский полки, покинув расположение казарм, ушли к Таврическому дворцу для охраны взбунтовавшихся депутатов. В Таврическом объявлен Временный комитет Государственной думы, заседающий под охраной солдат непрерывно.

К преображенцам присоединяются другие части. С развернутыми флагами в сопровождении военных оркестров присягают новому правительству. По сообщениям представителей градоначальства, в городе бастуют уже сто восемьдесят тысяч рабочих. Начались тотальные погромы булочных, пекарен, продуктовых лавок.

Людей убивают...»

Недоуменно я сложил телеграмму, выровнял сгиб ногтем и бросил бумагу на стол.

Сто восемьдесят тысяч бастующих?! Бунт гарнизона?! Новости впечатляли.

Итак, мой хваленый Беляев не только не предпринял мер для физического разгона зарвавшихся говорунов из Думы, но даже не смог расклеить объявлений о военном положении. Коммерческие типографии не принимают у военного министра заказ?! Смех, да и только! Нет, подлец, определенно подлец. С Хабаловым было ясно с самого начала — он является негодным исполнителем, но отчего оказался настолько слаб духом военный министр?

Я глянул на Алексеева:

— Дальше!

Телеграммы всю ночь действительно шли потоком. В руках начальника штаба находилась целая стопка, он протянул мне из нее два верхних листа. Взглянув на подпись, я понял — генерал отдавал мне сейчас самые важные сообщения.

Царю Николаю писал Председатель опальной Думы Родзянко. Оказалось, лидер недоношенной русской демократии попросту игнорировал мой указ о роспуске своего

паршивого «парламента». Первая телеграмма, в частности, гласила:

«Ваше Величество!»

В столице царит полнейшая анархия. Ваше правительство парализовано. Транспорт, продовольствие, топливо пришли в расстройство, части войск стреляют друг в друга. На улицах — беспорядочная пальба. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство.

Всякое промедление смерти подобно.

Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца.

Родзянко».

Ни слова о роспуске Думы. Меня будто нет!

Вторая телеграмма лидера оппозиции оказалась еще более краткой и красноречивой.

«Ваше Величество, положение стремительно ухудшается.

Надо принять немедленно меры о замене правительства, ибо завтра будет уже поздно. Настал последний час, когда решается судьба Родины и династии».

Я скривился — «Судьба Родины и династии», — надо же, сволочь, как загнул! Совершенно очевидно, что обе телеграммы руководителя Думы рассчитаны произвести впечатление на слабодушного государя, вызвать испуг и растерянность, нежели являются реальным сообщением или докладом. Слишком много пафоса, отметил я. Возможно, на «болтающего ногой» Николая послание действительно произвело бы впечатление, но на меня — совершенно нет. Аккуратно сложив обе телеграммы, я кинул их к первой, на стол.

— Когда пришла? — обратился я к Алексееву.

— Первое сообщение — через час после того, как вы изволили почивать, Ваше Величество. Второе недавно, в восемь утра.

— А что сразу не разбудили?

— Как можно, Ваше Величество?!

По-моему, Алексеев уже просто глумился. Я посмотрел на его очкастую рожу, но ничего там не обнаружил. Генерал держал себя беспристрастно, как будто ничего существенного не происходило. Можно бы отстранить Алексеева от командования прямо сейчас, но зачем? Заменить мне его было не на кого. Ни Фредериксом же, в самом деле.

— Это правда про измену войск гарнизона? — спросил я снова.

— Беляев пишет об этом, значит, вероятно, правда. Утром я также разговаривал с Хабаловым. Он подтверждает.

— Мыслимо ли такое? — Меня снова начала охватывать злость, так непристущая «старому» Николаю. — Вы же отбирали для контроля столицы наиболее преданные войска!

— А разве, Государь, там стоят какие-то другие? — подняв тонкую бровь, возразил генерал. — Таврический дворец охраняет собственный Его Императорского Величества лейб-гвардии Преображенский полк, созданный еще вашим славным предком Петром

Великим. Все дело в том, что гвардейскими полками командуют аристократы, а Дума наполовину состоит из представителей аристократии и сынков фабрикантов. Остальное несложно додумать... Армейские же стрелковые полки поддались всеобщему разложению. Кроме того, Хабалов сообщал, что в частях пустили слух, будто в течение недели все столичные подразделения отправят на фронт, на передовую... вот и поднялись.

— Кто мог пустить такой слух, как я понимаю, догадаться тоже несложно?

— Как скажете, Ваше Величество.

Тихо выругавшись, я ткнул ему пальцем в грудь.

— Нет уж, это вы как высший военный руководитель скажете мне, что теперь делать! В городе оказались неблагонадежные части, никчемный гарнизонный начальник и военный министр идиот, который даже не может заставить типографии печатать листовки!

— Все назначения подписаны вами, Ваше Величество, — уверенно возразил Алексеев. — Я неоднократно указывал на то, что генерал Хабалов не способен поддерживать в столице порядок, так же как Беляев — руководить военным ведомством во время войны. То же касается и прочих одиозных назначений...

В отчаянии я отмахнулся.

Все выглядело просто великолепно. Значит, как и в случае с Протопоповым, во всем виноват я сам, то есть царь Николай, остальные же — агнцы.

Совершенно обессиленный словами начальника Штаба, я отыскал глазами ближайший стул, сел и грузно отвалился на спинку. Сосредоточиться было трудно. Мысли путались. Сердце стучало ожесточенно — я словно слышал каждый его удар.

Наконец мне удалось успокоиться: мы с Николаем — разные люди, и то, что не вышло у одного, вполне может получиться у другого. Если мои министры бессильны, то единственной властью в городе на время бунта остается Государственная дума. Ее признает толпа, и, вероятно, с ней связаны заговорщики. Я подозвал к себе Воейкова:

— Вот что... свяжите меня с Родзянко!

* * *

В отличие от нерасторопного Протопопова, энергичный Родзянко вышел со мной на связь уже через час. Получив приглашение, председатель Государственной думы не собиравшись медлить и прибыл в распоряжение штаба на шикарном автомобиле в сопровождении вооруженного эскорта из преображенцев и волынских стрелков. Впрочем, теперь это уже был не председатель «подделки под парламент», каким его всегда почитали при Дворе. В данный момент со мной разговаривал настоящий полновластный хозяин затопленного бунтом многомиллионного города.

В распоряжение штаба петербургского гарнизона он прибыл явно без опаски. Во-первых, неприкосновенность гарантировал ему лично Император, а во-вторых, и я, и сам господин Родзянко прекрасно понимали, что стержень восстания не может быть заключен сейчас в одном человеке, пусть даже лидере Думы. Убей я его, останутся еще несколько сот депутатов и огромная толпа бастующих горожан.

Связист протянул мне трубку, я взял ее и снова отвалился на спинку стула.

— Депутаты Думы требуют немедленной отставки Вашего правительства, Государь, — начал Родзянко с ходу, едва поздоровавшись, будто разговаривал не с Императором, а с

одним из своих думских товарищей-крикунов. — Заметьте, этого требую не я, а все представительное собрание единодушно. На сегодняшний день полная замена министров является единственной мерой, способной остановить кровопролитие!

— Ах, вот в чем дело, — усмехнулся я, стараясь придать голосу по возможности вежливое выражение. — Видимо, поэтому вы затеяли игры в буйствующий народ? Трудно было с Путиловым договориться?

— Не будем бросаться друг в друга взаимными обвинениями, Ваше Величество, так далеко можно зайти, — проигнорировав вопрос, нагло парировал Родзянко. — Вы меня еще изменником назовите.

— А разве вы не изменник? — Я удивленно хмыкнул. — Формально после роспуска Думы вы более не являетесь ее председателем и вообще депутатом. Отказ подчиниться указу законной власти — указу о роспуске Думы — есть государственная измена чистой воды. Тем более во время войны.

— Вопрос лишь в том, что именно считать законной властью.

— Даже так?

— Давайте оставим это, Ваше Величество. — Родзянко посерьезнел. — Положение в столице, ей-богу, грозное. Оно вызывает у меня тревогу за судьбу родины и народа.

Я откровенно расхохотался.

— Полегче на поворотах, Михаил Владимирович, меньше пафоса, а то меня может стошнить.

— При слове «родина», Государь?

От наглости Председателя меня охватил необъяснимый задор.

— От ваших речей, милостивый государь! — воскликнул я. — Фразы вроде «родина и народ» не должны исходить из уст человека, только что предавшего и то, и другое!

Родзянко чуть помолчал.

— Мне кажется, государь, вы несколько изменились. Манера речи и поведения не вполне соответствует вашим обычным привычкам, — задумчиво произнес он.

— Да бросьте, перевороты в стране происходят не каждый день, так что мне несложно было измениться, — продолжил я, думая прекратить перепалку и вернуться к делу. — В любом случае вы требуете невозможного. Я прекрасно осведомлен, да вы и не скрывали, что Государственная дума в лице руководителей военно-промышленного комитета сознательно инициировала беспорядки в городе. Искусственное повышение цен на хлеб, массовые локауты, угрозы солдатам гарнизона отправкой на фронт. Охранка обо всем осведомлена. Прокрутить нити, которые приведут меня к фамилиям конкретных депутатов, несложно. Я предлагаю вам компромисс, Михаил Владимирович: никаких преследований депутатам Думы, если вы немедленно объявите о сложении полномочий и призовете народ к единству до окончания германской войны!

Председатель что-то нечленораздельно пробормотал (возможно, выругался), затем напряженно рассмеялся:

— Вы не поверите, но то же самое я могу предложить и вам, Ваше Величество. Слово и слово.

— Вы в уме ли?

— А вы? Кроме того, все зашло уже слишком далеко. — Голос Родзянко на мгновение показался мне уставшим и слабым. — Мы разбудили зверя, которого не так-то легко будет усмирить. Признаюсь, Ваше Величество, движение пролетариев возбудил организованный

нами локаут, однако мы просто физически не смогли бы договориться с владельцами всех предприятий. Но теперь бастуют все! Цены на хлеб подняли несколько крупных хлеботоргующих заведений. Однако сейчас, после массовых погромов булочных, в столице на самом деле нет хлеба — поставщики из страха не везут зерно, а мукомольни и хлебопекарни стоят, на них нет рабочих. Да что там! В Питере не осталось ни одной не разгромленной хлебной лавки.

Через день или два в столице начнется не искусственный, а настоящий голод, ибо миллион ртов съедает за день уйму продуктов. Ответьте, сможет ли это успокоить толпу и кого именно она почтет виновной в криках голодных детей?

— Вы ведь дворянин, не так ли? — попытался упрекнуть его я.

— Ах, бросьте риторику, Государь, сейчас не до нее! Риторика нам пригодится, но только Думе, а вовсе не старой власти. Сейчас ситуация предельно проста: я не могу повернуть назад. Во-первых, потому что не хочу, а во-вторых — потому что не в силах! — Голос Родзянко казался мне откровенным. — До расположения Штаба я ехал в сопровождении восставших солдат гарнизона. Они сидели на подножках моего автомобиля, сверкая пристегнутыми к винтовкам штыками. Как вы думаете, что будет, если я сейчас выйду к ним и объявлю, что сдаюсь? То же самое касается и всей Думы. Если Таврический хотя бы заикнется о том, чтобы идти на попятный перед «старой властью», нас перережут в течение десяти минут. И хорошо, если перережут, могут вытворить и похуже.

— Оставьте, жалости не вызывает, — покачал головой я.

— А жалость мне не нужна. Пожалейте лучше себя, Ваше Величество!

— Я сижу в Ставке в окружении армейских подразделений. Чего мне бояться?

Родзянко звонко рассмеялся:

— Телеграфа, Ваше Величество. Самым страшным оружием нашего времени являются не пушки и аэропланы, а телеграф! Пока еще бунтом охвачена только столица и три полка петроградского гарнизона. Но если ситуация затянется хотя бы на несколько дней, огонь неповиновения перекинется по телеграфным проводам на Москву, на Киев, на всю Россию. Подумайте, что будет тогда. Ни вы, ни я, ни даже генерал Алексеев не в состоянии контролировать бешенство многомиллионной толпы! Дайте мне ответственное министерство, признайте ограничение самодержавия в пользу представительной власти, и я попробую все утихомирить, превратить буйство масс во всенародный праздник. Ваше признание мы объявим величайшей победой революции. И тогда люди смирятся, я ручаюсь!

Я слушал Родзянко в трубку, но мне показалось, будто я вижу, как он жестикулирует руками.

— Вы и сейчас не понимаете, Государь, как не понимали нас никогда! — с напором продолжал он. — Я и мои соратники столкнули с горы огромный камень, который катится дальше уже без нас! Мы накануне великих событий, исхода которых почти невозможно предвидеть. Либеральная демократия требует от вас смены лиц, причем не только лиц, но и всей системы управления. Создайте правительство, ответственное не перед Царем — перед Думой, и тогда...

— Тогда я вас все же повешу, — произнес я отчетливо.

Родзянко осекся.

— Да, — повторил я уверенно, — точно, повешу. Не только вас лично, Михаил Владимирович, не обижайтесь, а вообще всю Думу до последнего человека.

Несколько мгновений председатель пораженно молчал, затем задышал в трубку

желчью.

— Я вижу... вы избрали самый опасный путь, решили пойти против своего народа...

— Против кучки зажавшихся ублюдков, вообразивших себя революционерами. Вы сами, Михаил Владимирович, один из крупнейших малороссийских землевладельцев. Каким образом ваши тысячи гектаров земли на Украине соотносятся со словом «народ»? Вы и народ — вещи не просто разные, а несовместимые. А ваш Гучков, он же банкир? А Львов, он же князь, голубая кровь в десятом поколении! С чего вы взяли, что вы — представители народа?

Родзянко притих. Молчал и только гулко дышал в телефонную трубку.

— Я вижу, вы действительно изменились, Государь, — прошипел он тихо наконец. — Еще вчера вы только кивали на мои требования, молчали и соглашались, а вот сейчас грозите мне карой...

— Опять громко сказано, Михаил Владимирович, — поправил я. — Кара вам будет на Страшном суде и в Чистилище. Я веду речь всего лишь об уголовном преследовании в рамках закона. Что я изменился — да. Тех депутатов, кто добровольно раскается и немедленно покинет столицу, я оставляю в живых. Всем остальным — только плаха. Итак, что насчет моего указа распустить Думу?

— Никогда! Что насчет требования Думы распустить правительство?

— Ответ тот же. Разумеется, правительство я в ближайшее время распушу за бездарность и некомпетентность, однако к формированию нового кабинета Дума не будет иметь ни малейшего отношения. Со своей стороны обещаю, как только кайзер Вильгельм подпишет капитуляцию, заверенная мной русская Конституция с ограниченными правами монарха отправится в новую Думу.

— Ложь!

— Вы не в себе, Родзянко. Вы только что упрекнули во лжи своего Императора. Может, повесить вас дважды? Сначала за шею, потом за ноги?

От возмущения председатель парламента задохнулся. Разумеется, он не верил Николаю и, в общем, имел на то полный резон. У моего реципиента имелась сотня возможностей благоприятно подписать Конституцию и, припевая, продолжить свою богатую, сытую, полную счастья жизнь монарха, который «царствует, но не правит». Однако Николай Второй из раза в раз отказывался от каждой возможности. Результат бессмысленного упрямства Императора был наблюдаем в данный момент, что называется, «на лицо».

Окажись я в его худощавом теле хотя бы в году 1913-м, я сделал бы самое простое — подписал Конституцию. При любом Основном законе власть монарха в «монархическом» государстве в любом случае останется огромной, не меньшей по крайней мере, чем власть президента. Но формальное утверждение красивой конституционной «бумажки» мгновенно бы сняло с Николая ответственность за любые политические, экономические или военные неудачи, возложив их на председателя Правительства, и значительно снизило социальное напряжение, убрав из рядов моих противников миллионы сторонников либерального строя, оставив в оппозиции только социалистов и террористов, а также превратило бы в союзников богатейших помещиков и фабрикантов. Существовало лишь одно «но»: в 1914-м началась война. Изменить сейчас государственный строй означало одно — встряхнуть общество, отвлечь его от главной задачи, над которой трудились и умирали три долгих года миллионы российских подданных, — от Победы!

Возмущение Родзянко тем временем миновало, председатель Думы пришел в себя.

— Я убежден... — произнес он очень тихо и тщательно подбирая слова. — Я убежден, Государь, что очень скоро вы пожалеете о принятом вами решении. Мы увидим, кто и кого будет вешать за ноги на столбах... Клянусь, не пройдет трех недель, как вспыхнет такая революция, которая сметет все!!!

Мой собеседник тоже не видел меня, но я обреченно кивнул.

— Согласен, — произнес я негромко. — Тут мне нечего возразить!

В отличие от Родзянко, мне было знакомо содержание каиновской *энциклопедии* известно заранее, чем закончится игра в русский бунт.

Революция сметет все. И прежде всего — самих псевдореволюционеров.

Родзянко немисливо повезет. Большинство его товарищей по измене расстреляют, повесят, зарубят шашками. Сам он скончается в изгнании в каком-то нищем югославском селе.

Услышав мой странный ответ, Родзянко удивленно притих, как будто напугавшись непонятного поведения Императора, которого знал уже много лет. Через несколько мгновений, сдержанно попрощавшись, мы окончили разговор.

Революция победила лишь потому, что в силу оригинальной исторической ситуации замечательно «дружно» слились разнородные классовые интересы, противоположные политические стремления. Связь англо-французского империализма с октябристско-кадетским капиталом России явилась фактором, ускорившим кризис путем организации прямого заговора против Николая Романова.

Ульянов-Ленин, 1917 год реальной истории

26 февраля 1917 гола.

Могилев

После схватки с председателем Думы и, как только что выяснилось, — моим главным политическим противником, я уходил из переговорного пункта с тяжелым сердцем, но все же — не без надежды. Главное, что я должен был сделать за эти четыре дня, наконец свершилось. Содержание переворота, такое непонятное в самом начале моего пути в этом мире, теперь прорисовывалось контрастно. Суть происходящего стала ясной, четкой, и мне отныне предстояло лишь действовать, а не думать.

Как ни крути, то было невиданным облегчением!

Конечно, ситуация с восстанием в городе по-прежнему оставалась сложной: бунтующий гарнизон насчитывал сорок тысяч штыков, бастовало, согласно последним данным, свыше двухсот тысяч рабочих. Если посчитать их семьи, а также жителей близлежащих сел и предместий, которые будут охвачены бунтом в ближайшие дни, количество душ, противопоставляющих себя моей власти, зашкалит за миллион.

Восстание, как нарыв, раздувалось и распухало, наливаясь гнилью.

И все же теперь мне стало легко.

Опасность грозила страшная, но сейчас я мог глядеть ей в лицо, не прятавшееся более за скрытой, неизвестной личной. Никаких загадок или недомолвок почти не осталось, и пусть я не знал пока всех заговорщиков по фамилиям, но после разгона массового восстания выяснить это, учитывая возможности охраны, станет совсем не сложно. Я знал теперь главное — где скрывается сердце многоголовой гидры. Оставалось лишь его раздавить!

Родзянко стал последним, с кем я разговаривал этим утром по телефону. После его признания почти ничто более меня не сдерживало и не волновало. Мы с Фредериксом находили довольно странным, что столь мерзкий человечешка сподобился так легко передо мной раскрыться, ну да Бог ему судья. Возможно, Родзянко решил, что уже все кончено. Размышляя об этом, я вспомнил жандарма Глобачева, того самого, что две недели назад докладывал о заговоре министру внутренних дел, с указанием всех подробностей.

Глобачев был полностью прав в своих оценках. Заговор думцев казался опереточным, похожим больше на комедийный фарс, правда, кровавый, нежели на реальный переворот. Очевидно, именно в «опереточности» заключались его успешность и сила. Никто не воспринимал заговор думцев всерьез, ни министр Протопопов, ни царь Николай. Тем более царь Николай!

Однако, услышав зов Думы, толпа, закормленная социалистическими теориями в течение многих лет, поднялась, сметая все на своем пути. Но не потому что обожала лидеров думцев или хотя бы понимала их требования, а просто... потому что позвали.

И вопрос заключался в одном: услышав призыв все той же Государственной думы остановиться, внемлет ли такому призыву толпа? Сам Родзянко в этом сильно сомневался. Должен ли сомневаться в подобном исходе я?

Как бы там ни было, закончив на сегодня с телефонными переговорами и чтением телеграмм, я решил отключиться и попробовать проанализировать новые обстоятельства. Выйдя из переговорного пункта в сопровождении Воейкова и министра Двора, я отправился с этой целью к себе в кабинет. Присел, растворившись в огромном диване, посмотрел на большую картину напротив. Картина в кабинете Верховного главнокомандующего Русской армией (то есть меня) изображала рябчиков и легавых. Собак, разумеется, а не преданных стране жандармов охраны.

Еще раз как будто сквозь туман собственных тягостных мыслей я обратил внимание, насколько кабинет моего реципиента неудобен для настоящей работы. Одинокий стол, стулья, кресла, письменный прибор. Полное отсутствие книг, карт, каких-то иных носителей информации. Ткань гобеленов на стенах, роскошный камин в углу.

Меня окружала тягостная картина.

Компьютер сюда, подумал я, Интернет, факс, электронную почту, мобильный телефон. В начале двадцатого века время текло очень медленно и неспешно. Эта тяжкая, тягучая, почти болотная неспешность, облицованная панелями роскоши и традиций, в сложившейся обстановке являлась абсолютно неприемлемой!

Ответ на мой главный вопрос явился в голову сам — будто из окружающей пустоты. Для того чтобы разрубить узел заговора, мне не нужно было выдумать нечто сложное. Чтобы решить задачу, необходимо было элементарно *ускориться!*

Я вскочил с дивана и начал вышагивать по комнате от стены к стене.

Четыре дня назад заговор можно было пресечь, просто уведомив население о запрете повышения цен на продукты.

Три дня назад — запретив мирный митинг женщин-социалисток.

Два дня назад — объявив город на военном положении и расставив повсюду вооруженные конные патрули.

А сейчас?

Подойдя к двери, я выглянул в коридор и решительно подозвал флигель-адъютанта.

— Вот что, Володя, пора нам заканчивать прохлаждаться. Через тридцать минут соберите срочный совет генералитета. Алексеев, Иванов, все генералы штаба — ко мне.

Воейков испарился как призрак.

Ровно через тридцать минут — минута в минуту все собрались. Уж что-что, а соблюдение формальной дисциплины в Русской армии оставалось на высоте. *Энциклопедия* Каина сообщала, что через две недели солдаты сами начнут выбирать себе офицеров, воинским чином старше унтера будет запрещено (на фронте!) носить оружие, а за

малейшую грубость по отношению к рядовому составу генералов и адмиралов будут раздирать на куски штыками. Назначенный через месяц после моего отречения Верховным Главнокомандующим генерал Брусилов после прибытия сюда же, в Могилев, станет пожимать руки и душевно обнимать солдат конвоя, но при этом даже не поздоровается с генералами Штаба. Неудивительно, что очень скоро уже фактически в выигранной войне Россия подпишет мир с немцами, согласно которому граница Германии будет проходить по Дону и через Смоленск. Страна потеряет гигантскую территорию почти с тридцатью процентами населения только потому, что десяток сытых изменников задумал поиграть в революционеров!

Пока еще дисциплина соблюдалась. Однако я чувствовал, что постепенное разложение армии расцветает у меня на глазах. Гниль, как водится, начинается с головы. Солдаты ровняли фронт при моем приближении и улыбались. Однако генералы — именно генералы, те самые, которых всего через пару недель станут вешать пачками, по трое на дерево, стрелять как плешивых собак и рубить им шашками позвонки на пустырях и кладбищах, — именно они стали первыми, кто начал проявлять мне непослушание.

Их преданность стала формальной.

Насколько подсказывала «энциклопедия», в течение последнего месяца Николай Второй трижды отдавал, например, приказ о передислокации Гвардейского экипажа в Царскосельский дворец для охраны детей и Императрицы, однако выполнено оно было только с третьего раза. Начальнику штаба потребовалось вторичное уведомление, чтоб он отдал соответствующее распоряжение командиру экипажа, а командиру экипажа — отдельное распоряжение, чтобы он поднял свой зад.

Получая приказ, каждый офицер обдумывал, осмысливал и как итог оспаривал решение вышестоящего командира. Затем выполнял, но высказывая при этом свое особое мнение, привычно и часто — просто из желания высказываться в пику поставленной над ним власти. Нет ничего удивительного, что при таком положении приказы офицеров точно так же выполнялись унтерами и солдатами. То есть — никак.

В обществе царил дух разложения, в котором был, несомненно и прежде всего, виноват сам Государь Император. Русское самодержавие, как всякая военная машина, эффективно функционирующая на протяжении сотен лет, по необходимости представляла собой массивную, гипертрофированно-централизованную систему. Масса системы в течение всей Истории гарантировала ей силу и мощь. Сверхцентрализация — способность управлять всем обществом из единого центра, а значит, максимальную эффективность во время военных противостояний. Разумеется, подобная конструкция имела множество издержек и недостатков, в частности, была крайне неповоротлива и не учитывала некоторых индивидуальных потребностей подданных. Например, потребности поиграть в парламентаризм. Однако при жестком центре и идеологическом единстве общества подобная система, ориентированная прежде всего на обеспечение внешней безопасности и экспансию, во все века во всех странах оказывалась более чем жизнеспособна.

Именно в этом заключалась еще одна трагедия Николая.

Вопреки опыту предшественников, последний царь великой России никогда не показывал *силу центра*. И тем самым допустил раскол общества.

Военная система подобна перевернутой пирамиде, в которой верхние слои стоят на тонкой вершине. Вершиной этой является Монарх — символический или реальный глава военной машины.

В лице моего носителя Россия получила самое страшное и, по сути, единственное, что способно ее свалить — Неуверенного Властителя.

Система лишилась фундамента. На троне был — слабый Царь.

* * *

Пока я думал над этим, все генералы, присутствовавшие на данный момент в Ставке, собрались в холле перед моими дверями. В кабинет вошел Воейков и доложил, что все ожидают.

— Просите, — махнул ему я.

Дверь открылась, и передо мной предстал цвет русского офицерства — элита армии и народа. Все валялись на диванах расслабленно, привыкшие, видимо, к тому, что аудиенции Государя следует дожидаться долго. Кто-то улыбался, кто-то говорил — они что-то обсуждали между собой, и, клянусь господом, темой обсуждения являлся я и моя немота перед лицом очевидного уже переворота думских говорунов.

Остатки совести все еще водились в их душах. Увидев стоящего в дверном проеме Императора, горе-вояки вскочили и подтянулись, ехидные улыбки сползли с разжиревших с лиц. Наконец все двинулись в кабинет.

Первым, разумеется, через порог переступил Алексеев.

Будущий лидер Белого движения и создатель Добровольческой армии, уроженец Твери и полный генерал от инфантерии, произведенный в этот чин «за отличие» под Мукденом и «личную отвагу» еще под Плевной, Его Высокопревосходительство полный генерал армии Михаил Васильевич Алексеев носил очки, имел лихие усы, торчащие жесткой щеткою в стороны, и грудь в аксельбантах.

Высокий открытый лоб его говорил о недюжинном уме, а глубокие морщины на лбу — о титаническом напряжении, в котором эта могучая, но страстная личность пребывала в последние сложные годы великого европейского противостояния.

Средний рост генерала увеличивал длинный френч, а далеко не атлетическую фигуру делали подтянутой и почти вызывающей благоговение блистательные погоны, железный крест под плотно застегнутым, отглаженным до скрипа воротником, и наградное Георгиевское оружие.

С трудом оторвавшись от завораживающей фигуры первого русского генерала, я дождался, когда вошедшие рассядутся, затем вышел вперед, к столу:

— Обрисовывать ситуацию, полагаю, никому не нужно, — начал я, опершись пальцами на покрывающее стол сукно, — большинство офицеров знакомы с событиями, происходящими в данный момент в Петрограде. Собранный сейчас военный совет созван с единственной целью — водворить порядок в нашей столице. По возможности — с наименьшим числом жертв как в корпусе возмездия, так и среди восставших. Мы не должны забывать, что речь идет не о немцах и австрийцах, с которыми мы находимся в состоянии войны, а нашем собственном народе. — Тут я немного скривился, вспомнив пафосные речи Родзянко. — Тем не менее, учитывая, что война продолжается и не за горами начало весенней кампании, обстановку я оцениваю как крайне сложную. Со дня на день пожар восстания может перекинуться как на другие города России, так и, что гораздо страшнее, на части армии, стоящие на германских фронтах. Восстанию нужно положить конец, причем в

ближайшее время. Хочу услышать мнение каждого, господа. Начать предлагаю с высказываний младших офицеров.

Самым младшим по званию оказался флигель-адъютант Воейков. Он поднялся.

— Я думаю, тут нечего размышлять, — решительно заявил молодой офицер. — Надо собирать преданные войска в железный кулак и давить бунтующий сброд.

— Называть «сбродом» русский народ как минимум пошло, — поправил его генерал Алексеев. — Вижу, офицер, вы забылись.

— Так точно, Ваше превосходительство! — отнюдь не стушевался Воейков. — Как бы там ни было, я выступаю за силовое решение проблемы, причем незамедлительно. Уверен, несколько крепких частей смогут без труда навести в столице порядок. А чем дольше мы тянем, тем больше риск распространения мятежа на прочие губернии и города. Пока что бунтом охвачены только столица и полки гарнизона. На фронтах все спокойно, в губерниях — тем более. Значит, нельзя давать гнилью разрастаться. Когда рана начинает гноить, ее следует вырезать раскаленным ножом.

— Согласен, — сказал генерал-лейтенант Кондировский, следовавший по чину сразу за Воейковым. — Гной нужно выжигать железом.

— Также согласен, — кивнул генерал Клембовский.

— Возражений нет, — заявил Иванов.

По очереди все встали и в той или иной степени подтвердили мнение моего флигель-адъютанта.

Остался только сам начгенштаба — лично генерал Алексеев. Я взглянул на него в упор:

— А вы что скажете, Михаил Васильевич?

Знаменитый полководец вздрогнул, затем скривился как от удара.

— Раз общее мнение таково, то я, разумеется, возражать не стану. Хотите, господа, затопить город кровью? Извольте... Ваше Величество, не думайте плохо, однако Питер с некоторых пор я считаю своим родным городом. И совершенно не представляю, как бомбить его артиллерийской шрапнелью или прорываться в штыки через Невский и Лиговку по баррикадам из тел пролетариев. Впрочем, лишнее говорю. Давайте собирать части и выступать.

Ответ Алексеева меня удовлетворил. Собственно, я хотел услышать мнение военных только потому, что сам не являлся специалистом в военной области. При обсуждении вопроса могли выясниться подробности, в которых я не разбирался, но которые могли быть важны для операции подавления. Само решение о немедленной отправке в столицу наиболее преданных войск я принял еще до начала совета. И сейчас только убедился в его верности. С одной стороны, полное единодушие генералитета меня настораживало. Все только покивали, согласились со мной, никто не предложил возможной альтернативы или не указал на детали, стоящие внимания. Возможно, успокаивал я себя, решение о силовой акции просто является простейшим из возможных и самым надежным, поэтому никто и не возражал. С другой стороны, я понятия не имел, как именно может осуществляться подобная операция, а никто из «профессионалов» не высказал никаких подробных комментариев.

Сообразно с ситуацией, после формального утверждения решения о вторжении в Питер, я попросил Алексеева ознакомить меня с диспозицией доступных военных сил.

Он пояснил — выходило, в общем, неплохо: без ущерба для обороноспособности фронтов начальник штаба мог выделить мне значительный контингент. От войск Северного фронта предполагалось отправить в Петроград 34-й Севский, 36-й Орловский, 2-й Лейб-

гусарский Павлоградский полки, а также два кавалерийских полка из находящейся в резерве 15-й кавалерийской дивизии.

Из войск Западного фронта выделялись два пехотных полка и особая пулеметная команда Кольта.

От сил Юго-Западного фронта под командованием Брусилова Алексеев предлагал выставить 67-й Тарутинский, 68-й Бородинский, 15-й Уланский Татарский, а также 3-й Уральский казачий полки. [4]

Кроме того, для усиления моего «ударного кулака» отдельные части предполагалось наскрести по гарнизонам: от Выборгской крепости — наиболее прочный батальон крепостной артиллерии, от коменданта Кронштадта — два батальона минеров. И я, и другие участники этого последнего перед карательной экспедиции совещания надеялись, что усилия именно этих, самых страшных частей артиллерии не понадобятся при подавлении бунта, однако лишними их никто не предполагал.

Наконец, ближайшим расквартированным в Прибалтике дивизиям и бригадам Северного фронта генерала Рузского предписывалось дополнительно выделить по одной пешей и одной конной батарее, имеющей по одному зарядному ящику на орудие, и прислать снаряды в хвосте движения войск.

Вся суeta с перемещениями совершалась с единственной целью — не допустить ослабления фронтов перед возможным усилением весенней активности немцев. С фронтов снимались исключительно запасные или резервные части, обычно (по решению командующего Алексеева) по одному полку с дивизии или бригады.

Менее всех пострадал от предполагаемых наборов в «корпус возмездия» (или «карательный корпус», как уже окрестили экспедицию некоторые из офицеров) именно Северный фронт, поскольку представлял собой наиболее опасный вектор немецкого наступления. Генерал Рузский охранял Ригу и Даугавпилс, а также дорогу из Питера в Могилев и далее на юг, через Минск и Киев — основную снабжающую артерию наших «германских» фронтов. Возможно, по этой причине Рузский сидел со своим штабом довольно далеко от линии Фронта — в Пскове, как раз на железной дороге.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Единственными частями, не собранными с фронтов по остаточному принципу, стали части конногвардейцев, расквартированные в Новгороде. По приказу Алексеева сразу три гвардейских полка — Семеновский, а также Третий и Четвертый Гвардейские — должны были выступить на мою защиту и присоединиться к «ударным частям» в окрестностях Петрограда. Кроме того, непосредственно из Ставки в Питер направлялся отборный Гвардии батальон Георгиевских кавалеров, который должен был выступить самым первым из всех.

В деле формирования армии я не смел возражать Алексею по простейшей причине — я совершенно ничего в его действиях не понимал. «Ударный кулак» мой в итоге напоминал собой скорее сборную солянку, нежели спаянное войной фронтовое соединение. Я спросил было об этом Воейкова — единственного, кому мог на данный момент доверять, на что флигель-адъютант справедливо заметил, что он также никогда не служил начальником генерального штаба, однако столь значительного числа опытных и мощных подразделений в любом случае будет более чем достаточно против слабо организованных бунтовщиков. Возможно, для митингов и демонстраций, для нападений на булочные и охоты за убегающими жандармами толпы пролетариев организованы достаточно хорошо, — отметил молодой офицер, — однако для ведения эффективных военных действий одних только

агитаторов-горлопанов недостаточно.

Алексеев живо набросал для меня список частей на бумаге. Я начал читать.

Каждая дивизия в царской армии включала, насколько я знал из данных библиотеки, примерно десять-двенадцать тысяч бойцов, так что выходило весьма недурно. Общая цифра доступных для подавления бунта частей составляла по меньшей мере шестьдесят тысяч человек. Не слишком много, если бы нам противостояли двести штыков регулярной армии, но вполне достаточно, чтобы разогнать двести тысяч невооруженных бунтовщиков и сорок тысяч солдат Петроградского гарнизона.

Безусловно, такая арифметика не радовать не могла. Похоже, радостно размышлял я, задача окажется проще, чем задумывалось. Митингующие и демонстранты очень слабо вооружены, а потому серьезной военной силы не представляют. Восставшие полки гарнизона вооружены прекрасно, но меньше нас числом и к тому же (я считал это главным) будут расколоты одним только фактом прибытия в столицу преданных власти частей.

На этой волне оптимистического подъема Николай Второй действительно показался мне безвольной сошкой, совершенно лишенной способности управлять. Подавить восстание казалось сейчас делом простого желания, которое по непонятной причине отсутствовало у Николая, но наличествовало у меня!

Загвоздка заключалась в другом. В отличие от того же Николая Второго, я не являлся штатным военным, а потому, как подсказывал простейший анализ, для управления экспедицией мне был необходим военный специалист. Воейков или Фредерикс, разумеется, отпадали, и взоры мои обратились прежде всего к офицерам генерального штаба.

На самом деле настоящих генералов при штабе находилось всего два — Алексеев и Иванов. Остальные, за исключением, может быть Лукомского, являлись высокопоставленными штабными работниками. Кандидатуру Алексеева я сразу отмел как по моральным мотивам, так и в сугубо практическом смысле — ведь никто, кроме Михаила Васильевича, военного профессора и автора планов по грядущему наступлению, управлять Фронтами не мог. В этом смысле Алексеев оставался незаменимым для меня человеком. Лукомский также отпал в силу давно известных еще до войны либеральных взглядов.

Оставался, таким образом, Иванов.

* * *

Закончив совет, я попросил остаться в комнате двух интересующих меня офицеров — Алексеева и Иванова. Остальные генералы, догадываясь, о чем пойдет речь, торопливо откланялись и вышли.

С будущим командиром «корпуса возмездия» мы говорили бурно и торопливо.

— Не буду ходить вокруг да около, Иван Иудович, — обратился я к Иванову, — обстановка крайне сложная. Мне необходим человек, способный возглавить непосредственное руководство экспедицией.

Иванов сдержанно кивнул. Алексеев пожал плечами — брови его напряженно стремились к переносице.

— Согласны?

— Воля Императора — закон для меня, Ваше Величество, — будто нехотя отвечал избранный мной «командир». — Так было при вашем отце, так есть сейчас, так будет всегда,

Государь.

Неоднозначный ответ. Я покачал головой.

— То есть вы согласны?

— Так точно, Ваше Величество!

— Тогда я хотел бы выслушать ваши соображения по поводу предстоящей операции.

На этот раз реакция генерала оказалась более адекватной.

— Ну, — протянул Иванов, словно собираясь с мыслями, — соображения тут вполне очевидны. Заговор готовился давно, об этом много шло сплетен, слухов. Распутина вот убили... Не знаю, я далек от этого, я солдат. Совершенно очевидным является центральное звено беспорядков. Разумеется, Дума. Однако опасность представляет не сборище говорунов и не толпы празднующегося народа, а возможный организованный отпор солдат гарнизона. Тем не менее в целом я согласен с Воейковым. В восставших частях заправляют не офицеры, а солдатские комитеты. Коллегиальные органы на войне непригодны. Бог даст, справимся, Ваше Величество.

Я задумчиво покачал головой. Или мои генералы действительно считали царя Николая идиотом и в силу давно выработанной привычки не посвящали его в оперативные планы, или... или Иванов был очередной пустозвон. Как было написано в *энциклопедии*, выражение «Бог даст, справимся» использовал некто генерал Куропаткин, отступая перед японцами под Мукденом...

— Я хотел бы услышать нечто более конкретное, Иван Иудович.

— Что именно?

— Понятия не имею. — Я помотал головой. — Да все! Порядок движения войск направления вторжения в город, тактические задачи для отдельных частей.

Иванов немного смутился.

— Разумеется, разработкой конкретных планов я не занимался. Прежде всего мне нужны полномочия, ведь назначения на пост командующего экспедицией еще не произведено. Но будьте спокойны, Ваше Величество, сценарий вторжения я разработаю в ближайшее время. Сейчас самое главное — собрать выделенные войска в кулак и подогнать их под стены города. Возможно, уже этого хватит, чтобы восстание прекратилось. Вспомните Москву в тысяча девятьсот пятом. Те же семеновцы в количестве двух тысяч штыков прошли по Пресне — этого хватило! Что же касается ближайших планов, то... Могилев слишком далеко от места событий. Предлагаю назначить местом сбора корпуса возмездия Царское Село и немедленно туда отправляться. По мере прибытия отдельных частей разберемся и с планами. Главное сейчас — не медлить!

Такие слова пришлись мне по душе. По крайней мере, это было что-то конкретное.

— Когда?

Генерал пожал плечами.

— Сегодня, — ответил он. — Из выделенных на бунт частей на территории Ставки размещается только гвардейский Георгиевский батальон. Если вы настаиваете на немедленных действиях, я готов выступить с ним на Царское сразу, как только определимся с железнодорожниками.

— А время на подготовку георгиевцам не требуется?

— Утром выступим в любом случае. Кстати... ограниченность пропускной способности железных дорог — одно из самых слабых мест плана. В ближайшие дни на Питер пойдет множество составов с войсками. Мне нужны полномочия, чтобы прекратить движение

пассажирских поездов и торговых составов на ближайших ветках.

— Хорошо. Приказ составим немедленно с предоставлением вам на время мятежа чрезвычайных полномочий на железных дорогах. Минута грозная, и нужно сделать все для ускорения прибытия войск в Петроград. С завтрашнего дня вам будут подчиняться все министры правительства, командующий Северным фронтом Рузский, гарнизоны прилегающих городов. Этого достаточно?

— Полагаю.

— Я еду с вами.

— Государь?..

— Мой бронепоезд вместе с составами для снарядов, о которых говорил Алексеев, поедет вслед за войсками.

Иванов опустил глаза.

— Экспедиция небезопасна, Ваше Величество... А присутствие ваше не обязательно. Смеею предположить, что вы вполне могли бы наблюдать за событиями из Ставки.

Я посмотрел на старика удивленно. Загорелый генерал вдруг стал бледен как мел. Неужели так переживает за мою безопасность? Ну что же, это делает старику честь. Видя, что я не возражаю, Иванов снова открыл рот, чтобы продолжить увещевания, но внезапно в разговор вмешался молчавший до этого Алексеев.

— Желание Императора — закон для подданных, не так ли, сударь? — спросил он. — А присутствие Его Величества в столице может быть полезным. Уже одно это, а не только прибытие войск может успокоить толпу.

Иванов со стуком захлопнул рот. Два старика буквально прожигали друг друга взглядами.

Я с опаской оглядел их обоих. Что еще за чертовщина?!

— Есть простой момент, государь, который, видимо, смущает генерала Иванова, — пояснил тем временем Алексеев. — Основная линия Могилев — Новгород, будет, безусловно, сильно загружена переброской войск. Ваш бронепоезд может стать помехой для движения составов с артиллерией и солдатами карательной армии. Впрочем, любые сложности преодолимы. Если вы отправитесь по объездной линии через Смоленск, Вязьму и Лихославль по Николаевской железной дороге на Псков, а оттуда на Царское через Тосно, то никаких препятствий для перемещения войск возмездия не создадите. За это время, кстати, закончится и развертывание полков. Вы это имели в виду, Иванов?

Выбранный мной генерал кивнул. Бледность его стала почти что мертвенной.

— Решать вам, государь, — произнес наконец он. — Генерал Алексеев прав. Воля Императора — закон для всех нас.

Засунув руки в карман, я покачался на каблуках. Я решительно ничего уже не понимал! Что творится вокруг?

Может, действительно арестовать Алексеева прямо сейчас? Или сменить Иванова?

Но на кого? И что делать потом — отменить экспедицию?

Прокрутив в голове возможные последствия этого странного поведения двух боевых генералов — единственных людей, на которых я мог положиться в столь грозный момент, я ничего не нашел. В конце концов, если бы Алексеев или Иванов действительно что-либо против меня замыслили, они могли бы повернуть переворот прямо здесь, в Могилеве. Подобрать преданные части, арестовать Николая или даже убить. Но нет, они бегают передо мной на карачках, кричат «Ваше Величество», исполняют приказы, изображают видимость

послушания. Войска собираются в Царском, я еду туда же, но через Вязьму и Лихославль. Какой-то подвох?

Да нет же, все чисто, бронепоезд полон охраны, на линии стоят преданные войска. А отправляться в Царское до прибытия туда «корпуса возмездия» глупо. Сидеть в Могилеве, ожидая результатов, еще глупее. А значит...

— Приготовьте мой бронепоезд, — приказал я. — Отправляюсь в Питер через Вязьму и Лихославль.

Солдат бронепоезда должен иметь крепкое сложение при небольшом росте, хорошо развитую мышечную систему, нормальные слух и зрение, крепкие нервы и твердость характера.

Из инструкции Русской армии для военнослужащих бронепоездов, 1917 год

28 февраля 1917 года.

Железнодорожная линия

Вязьма — Аухославль — Псков

Ночь, стук колес.

Из Могилева отбыли в пять вечера, двадцать восьмого числа — в последний день зимы. До часа «Х», отречения, оставалось всего два дня. Поведение генералов сильно волновало меня, однако донесения, получаемые на каждой станции через радиотелеграф, приходили спокойными и обнадеживающими. Казалось, абсолютно ничего не предвещало ужасных событий, нависших над огромной страной. Глядя на мелькающие за окнами столбы и простирающиеся широким ковром просторы, я размышлял: быть может, рельсы истории уже переложены и судьба моего венценосного реципиента коренным образом изменилась?

Все было странно. Алексеев сообщал, что войска прибывают в Могилев согласно графику и развертывания передовых частей в районе Царского следует ожидать через сутки, то есть именно тогда, когда я доберусь до места сбора. Далее последует штурм, но детали боевой операции, как это, ни странно, занимали меня сейчас меньше всего. Известно, что монарх не обязан быть гением и разбираться во всех вопросах. Для каждого дела найдутся профессионалы, в данном случае — военные офицеры, командиры частей и соединений. Генштаб обеспечил подавляющее превосходство правительственных частей над солдатами гарнизона, а дальше... дело за исполнителями. Вникать в подробности я не мог, прежде всего, потому, что ничего в них не смыслил. По словам Алексеева, все выглядело гладко. Соотношение численности, вооружения и качества подготовки войск находилось на моей стороне.

В то же время в сообщениях комгенштаба звучали едва слышные, но тревожные нотки. К моему огромному удивлению, кавалеры Георгиевского батальона отправились вслед за мной только следующим утром, спустя семнадцать часов после выхода царского бронепоезда [\[5\]](#) — Ставка откровенно не торопилась. Являлось ли это следствием обычной для русского командования халатности или в вялом выдвигании войск крылось нечто более сложное? Подобные мысли вызывали возмущение в измученной бессонницей голове, однако

усмотреть явной угрозы пока не удавалось. В конце концов, до Питера оставались еще сотни километров, а впереди простирались просторы, где не было ни единого бунтовщика.

Движение царского поезда на первый взгляд не вызывало трудностей. Солдаты, размещенные на станциях, где Воейков делал остановки для связи со Ставкой, встречали меня громким «Ура!», заранее выстраиваясь на перронах. В Смоленске и Вязьме с караваями выходили к поезду губернаторы, читали доклады, расшаркиваясь в преданности. Подобное отношение приходилось видеть и со стороны губернских обывателей. Безусловно, война прошла тяжким гребнем по каждой семье, жуткой гримасой отразилась на лице экономики, расстроила финансы, взвинтила стоимость продуктов, породила нищету и разруху, особенно в прифронтовой полосе. Однако сказать, что царя ненавидели, презирали — было невозможно. Я видел презрение в досадливых взглядах генералов, оно скрывалось в словах министров и аристократов, но не на лицах обычных губернских жителей. Вернувшиеся из окопов солдаты, измотанные тяжелым трудом крестьяне, бредущие со смены рабочие смотрели на голубые вагоны — а царский поезд был известен в этих краях каждому — с полей, с дорог и с перекрытий перронов с каким-то странным воодушевлением, немыслимым для ненавидящих или презирающих царя подданных. Все они хотели конца войны — это правда, но разве не этого хотел я сам? До победы над немцами оставалось дотянуться рукой, выдержать шесть или семь месяцев противостояния. Альтернативой являлись шесть лет Гражданской войны, и выбор казался мне предельно простым: шесть месяцев или шесть лет? Сто тысяч павших в победоносном рывке или пять миллионов — в братоубийственной бойне? Ответ для меня был не менее очевиден...

В качании поезда, в скольжении ледяных пустошей и в коротких остановках на станциях да в городах минул один день, за ним в ночь ускользнул и второй.

На рассвете следующего дня около шести часов утра второго марта одна тысяча девятьсот семнадцатого года, перебирая стальными колесами по примороженным стужей рельсам, наш поезд медленно вполз в Псковский уезд. Спустя полчаса в окне мелькнуло убогое здание очередного вокзала, и на деревянном щите, венчающем фасад под облезлой двускатной крышей, я прочитал надпись, намалеванную белой краской через кривенький трафарет:

«Станция Дно Николаевской железной дороги».

Дав два гудка, наш бронепоезд медленно остановился.

На Дне.

2 марта 1917 года.

Николаевская железная дорога.

Станция Дно

Давно освободив охрану от предрассудков, что мучили офицеров Свиты при

предыдущем владельце тела Николае Александровиче Романове, я курил на площадке салон-вагона совершенно свободно, в полнейшем и расслабленном одиночестве — с расстегнутым воротом гимнастерки, без шинели и без фуражки, зато с Георгиевским крестом, болтающимся на груди. [\[6\]](#)

Приоткрыв окошко, я с интересом глядел на приближающуюся к нам платформу. Платформа станции Дно была почти не освещена и выглядела совершенно пустынно. Ни военного, ни гражданского начальства, которое заранее предупредили о «высоком визите», на платформе не наблюдалось. Странно, но за все время пути это случилось первый раз, когда поезд Императора не встречали.

Отсутствие людей в столь раннюю пору меня не расстраивало. В отличие от остановок в Смоленске, Вязьме и Лихославле, я не проезжал через Дно впопыхах, торопясь следовать дальше. Согласно последнему сообщению Алексеева, передовые части придут в Царское Село как минимум через сутки, ехать же отсюда до Царского мне оставалось менее четырех часов. Это значило, что ждать сбор карательных легионов я буду «на Дне», поскольку являться в революционный пригород раньше войск просто глупо.

Судя по телеграммам губернаторов, списывавшихся с питерским градоначальством, известия о приближении войск и царя к Петербургу уже не были секретом для бунтовщиков. Вместе с этими известиями в городе нарастали беспокойство и паника. Солдаты гарнизона и горлопаны из социалистов уже не так озверело драли глотки на митингах, выступления и демонстрации прекратились, столицу охватывало то мрачное предчувствие, что окутывает зримым ужасом обреченные на штурм неприятеля города. И хотя Питер никто не оценивал как неприятельский город, последствия штурма пугали восставших со всей очевидностью — бунтующие солдаты озлобленно бродили по улицам, обирая прохожих и занимаясь уже почти откровенным мародерством в предчувствии скорой кары, а многочисленные пролетарии, еще вчера щеголявшие с алыми бантами на кепках, суетливо прятались от них по домам. На дорогах царило безмолвие. Кто мог — давно сбежал в пригород, а кто не мог — опасался произвола расставленных вдоль дорог «революционных» патрулей. На столицу накатывала... тишина.

Тем более удивительным в данных обстоятельствах казалось поведение Думы. Как мне докладывали, последняя почти никак не реагировала на скорое приближение своего неминуемого конца. Громогласных ораторов стало меньше, улицы очистились от демонстрантов, никто не пел гимнов свободе, однако попыток «мириться» заговорщики также не проявляли. «На что они надеются? — размышлял я. — Как мой Беляев, на божью помощь?»

Как бы там ни было, развязка стремительно приближалась, и шансов в ней у мятежников не имелось ни одного.

Станцию Дно как место ожидания царем поспевающих вслед карательных войск Алексеев назначил мне не случайно. Вот уже год после наступления немцев и знаменитого отката русской армии в 1915 году на станции размещался штаб Северного фронта, объединившего первую, пятую, шестую и двенадцатую русские армии. А значит, теоретически станция Дно являлась для Императора самой надежной и безопасной точкой на карте северо-западных губерний. В неисчислимом множестве здесь стояли преданные полки, и генерал Рузский, недавно назначенный Николаем, управлял отсюда огромным фронтом, простиравшимся от осажденной немцами Риги до самых Барановичей. Рузскому подчинялись сотни тысяч военнослужащих, и, разумеется, никакая Дума, никакой питерский

гарнизон, никакие бунтующие пролетарии или террористы-социалисты при всем желании не могли грозить сюда кулаками.

Поезд тем временем дополз до перрона. Где-то посередине платформы находилась каморка дежурного, а также начальника станции. На отдаленном же конце ее топтался по грязному снегу замерзший караульный солдат. На прибытие нашего поезда никто совершенно не реагировал. Наконец спустя почти десять минут одинокого «стояния» на платформу выгребся какой-то мрачный молодой офицер, мутным взором посмотрел на наш поезд и, не выказав ни малейших признаков суетливости, скрылся за дверью вокзала.

Все это насторожило меня.

Решив подготовиться к встрече, я вернулся в салон-вагон, опоясался, накинул шинель и фуражку. Вернулся и затем, пройдя в соседний вагон, вызвал Воейкова и охрану.

Минуло еще несколько минут, прежде чем я увидел приближающуюся к бронепоезду встречающую делегацию «местных». Возглавлял ее невысокий субъект в форме генерала армии. Перебирая толстыми ножками, он смешно перешагивал через рельсы. Вслед за ним спешили еще около двух десятков военных, все до единого — офицеры. Простых солдатских шинелей в толпе видно не было, не заметил я также перекинутых через плечо винтовок, пристегнутых штыков и уж тем более неуместных на занесенной снегом станции шашек и сабель. Приближающиеся люди, таким образом, на штурмовую группу не походили.

В лидере делегации без труда угадывался командующий Северным фронтом генерал Рузский. В этом не было сомнений хотя бы потому, что «на Дне» не имелось других полных «генералов армии». Круглолицый военачальник шел медленно, будто нехотя, и выражение его лица, очень бледное в тусклом свете луны и немногочисленных электрических фонарей, освещавших платформу, вдруг живо напомнило мне выражение лица Иванова, которое запомнилось мне при расставании.

— Не езжали бы, Ваше Величество, — сказал мне тогда Иванов еле слышно, — остались бы в Могилеве.

— Может, поделитесь со мной причиной? — спросил его я.

Но Иванов только спрятал глаза.

— Предчувствие, Государь. А причины нет, в самом деле. Переживать за царственную особу мне велит моя преданность, а...

— А еще преданность велит быть со мной откровенным. Предчувствие? Да черт с вами, генерал...

Я чувствовал тогда, что Иванов чего-то мне недосказывает, но пребывал в уверенности, что недосказанность эта касается опасности операции, каких-то военных аспектов, о которых ввиду безвольности или глупости Николая офицеры отказываются сообщать.

Однако сейчас, при взгляде сквозь замороженные стекла вагона на плотно сбитую фигуру командующего Северным фронтом в голову лезла, карабкалась, проползала крамольная мысль: до Царского можно ведь не добраться...

Казалось, Рузский нарочно двигался не спеша. Во всем его облике отражалась чудовищная борьба, захватившая сердце этого незнакомого мне человека. Голова генерала, как видно в тяжелом раздумье, была опущена вниз. За Рузским, отставая от него на полшага, брел, сумрачно сдвинув брови, генерал-лейтенант Данилов, а также прочие старшие офицеры северных армий, которых теперь, на коротком расстоянии, я узнавал одного за другим по фотографиям из *энциклопедии*. Все эти люди, как ни странно, казались страшно подавленными.

Подавленность приближающейся делегации постепенно передавалась и мне, ощущение чего-то страшно-неотвратимого вдруг заполнило мою черепную коробку. Контрастное отличие этой встречи от тех почти торжественных приемов, что мне оказывали в других губернских городах, завораживало, почти гипнотизировало меня. Гражданские лица, те самые, от которых я ожидал ненависти и бунта, встречали меня, подбрасывая в воздух шапки. А старшие офицеры моего штаба, цвет нации и дворянства — молчаливым кильватерным строем из сгорбленных мрачных фигур.

В одно из мгновений я хотел крикнуть немедленно отправляться, открыть огонь по бредущим меж рельсов сумрачным силуэтам и под парами, надрывая машины, убраться со «Дна». Но куда? Не эту ли станцию командующий Алексеев назвал самым надежным для меня местом?

Развернув к Воейкову бледное лицо, я велел ему встретить гостей.

Станция Дно. Тот же день.

Шесть десять утра

Мы стояли в салон-вагоне.

Присутствовали министр Двора граф Фредерикс, адъютант Воейков, я, командующий фронтом Рузский и два его офицера. Остальные, включая мою охрану и спутников Рузского во главе с Даниловым, остались ожидать за дверью — в тамбуре и соседнем вагоне.

Хотя ко мне явились офицеры собственной армии, диспозиция напоминала переговоры с врагом — трое на трое, две группы, одна напротив другой.

Впрочем, Рузский не был мне другом — я ощущал это кожей, почти подсознательно, сердцем и подкоркою мозга. Невнятно поприветствовав меня, Рузский ввалился в салон-вагон и кивнул мне, как равному, не отдав честь, не сказав ни слова. Он молча скинул припорошенную мелким снегом доху, затем знаком велел сделать то же самое своим офицерам. Ни слова не говоря, пришедшие побросали шинели и шубы на обитый шелком царский диван. Возмущенный нарушением этикета Воейков попытался было вмешаться, но я качнул головой, и несчастный мой адъютант отступил к вагонной стене. Он тоже почувствовал: молчание Рузского и его спутников служило прологом к чему-то ужасному.

Не дожидаясь очередной бесцеремонности, я предложил всем сесть.

Два спутника генерала так и сделали, однако сам Рузский остался стоять. Было видно, что он сильно волнуется и желает покончить с целью своего визита как можно скорей.

— Государь, — начал Рузский дрогнувшим голосом, видимо не в силах более сдерживать гнетущую его тяжесть, — с вашего позволения я начну, ибо разговор нам предстоит, возможно, долгий и нелिцеприятный.

— Неприятный для вас, я надеюсь, — пошутил я, хотя под ложечкой предательски засосало. — А впрочем, валяйте.

Рузский взглянул на меня чуть удивленно, но, видимо, собственные переживания занимали генерала на данный момент гораздо более необычного поведения Императора.

Шумно вздохнув, он продолжил:

— Утром, государь, я разговаривал с руководителем временного думского комитета, господином Родзянко...

Я молчал и только глядел на его лицо. По-видимому, Рузскому стало нехорошо. Он покраснел от стыда и, очевидно, злясь на себя, оскалился.

— Сообразно беседе с Родзянко, имею вам сообщить, государь, — произнес он быстро, торопясь высказать все приготовленное для этой, безусловно, «исторической» речи, — что части Северного фронта полностью одобряют действия думского комитета, и моим штабом принято решение действовать сообразно указаниям новой государственной власти.

Вот и все. Слова вылетели из уст. Неужели так просто?

Воейков дернулся было, но я осадил его взглядом. Изменника следовало выслушать до конца.

— Я сожалею, государь, но теперь уже трудно что-нибудь сделать. — Ободренный моим бездействием предатель быстро заговорил: — Вся страна, все прогрессивные люди великой России настаивают на реформах. Вы не слушались нас, государь... и мы... и мы решились на социальные преобразования сами... — Рузский от волнения начал глотать слова. — А теперь... придется вам отвечать. Во избежание кровопролития в Петрограде, Ваше Величество, вы должны сдаться на милость победителей!

Я сдержанно рассмеялся.

«Все прогрессивные люди Великой России», подумал я, сколько пафоса — опять как и в случае с Родзянко. Неужели эти слепцы действительно полагают себя представителями всей бескрайней, огромной, на самом деле «великой», вернее «чудовищно великой» страны?! Неужели они не осознают, что «прогрессивные» пролетарии и крестьяне, измученные и озлобленные войной «прогрессивные» солдаты уже через несколько дней начнут забивать им в плечи гвозди вместо погон, а в грудной клетке вырезать орлов, насиловать их чистеньких, обученных языкам дочерей и пьянствовать в дворянских дворцах?

Я с яростью взглянул на Рузского. Увидев царскую злость, Рузский в первое мгновение словно отшатнулся, однако сила противника вдруг вдохнула в бывшего генерала способность к продолжению натиска. Не имевший решимости атаковать беспомощное ничтожество, каковым являлся, по его мнению, падший царь Николай, он узрел во мне зверя. Чувство опасности взбодрило его, как всякого хорошего полководца.

— Далее! — прогремел он тверже. — Положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы, о котором мы просили вас, государь, еще совсем недавно, будет бессильно что-либо сделать, так как поднявшиеся на бунт массы не будут этим удовлетворены.

Он торжественно выдержал паузу, вдохнул больше воздуха и наконец провел завершающий штрих:

— Необходимо отречение Вашего Величества от престола!

Ноги мои онемели. Казалось, я ожидал этих слов, они были прямым следствием сообщения Рузского об измене, однако неожиданно и ужасно слова эти словно опустошили меня до самого дна. Смех и злость во мне вдруг притихли, будто пламя, притушенное водой. Едва увидев Рузского, бредущего ко мне через рельсы, я почувствовал, что тут меня ждет ловушка, но только сейчас, когда я сопоставил сказанное Рузским с моими собственными размышлениями, пришло понимание, что именно произошло.

Рузский стоял прямо передо мной, и его уверенность в собственных силах, его способность говорить с Императором столь открыто и дерзко говорила сама за себя.

Спровоженный Алексеевым, я оказался на «Дне», в центре лагеря вражеских сил, в ставке штаба подчиненного Ружскому фронту, среди сотен тысяч солдат, для которых он — повелитель. Или повелитель для них все-таки я? До момента Истории, обозначенного в *энциклопедии Каина* как час падения российского государства и фактически тысячелетней монархии, оставались еще почти сутки, но что это означало? Ничего абсолютно! Мышеловка захлопнулась уже сейчас, стальными зубьями расчленив жертве позвоночник.

Даже я, с полным отсутствием опыта заговоров и переворотов, мог бы спланировать действия Ружского. Окружить станцию всего лишь одним преданным батальоном, заранее объяснив бойцам суть действий. Перекрыть рельсы по ходу движения локомотива, чуть дальше за станцией. Наставить на поезд пару орудий прямой наводкой — вот и всего лишь. Никуда теперь я не денусь.

Не в силах сдержаться, я уперся взглядом в окно, тоскливо глядя в глаза своему отражению. «Конец», — прошептал мне тот, что глядел из покрытого изморозью стекла. Так вот о какой критической ситуации предупреждал меня Каин.

— Насколько я понимаю, — голос царя Николая казался сейчас чужим, — вы один из участников думского заговора, генерал?

— Обстановка требует...

— Отвечайте на вопрос!

Ружский засопел.

— Именно так, Ваше Величество, — ответил он сухо, — Северный фронт вам более не подчиняется. Подавление бунта в Питере — это преступление против народа. Мои солдаты не допустят братоубийственной бойни.

— Да откуда вы наслушались таких слов, генерал? — снова насмешливо спросил я.

— Это правда в последней инстанции. Народу нужна свобода!

— Даже ценой поражения в войне?!

— Войну необходимо прекратить.

— Каким образом? Вы ведь военный, Ружский, вы сами верите в то, что говорите? Каким образом можно прекратить войну желанием одной из сражающихся сторон? Только сдачей! Я могу прекратить войну немедленно, если подпишу с немцами безоговорочную капитуляцию и сдам им территорию до Киева и Смоленска! Вы в уме ли?!

Но генерал был упрям.

— Тем не менее, — произнес он негромко, — согласно решению Государственной думы, вы будете оставаться здесь до момента подписания отречения. Ни мои полки, ни вы лично не поедете в Петроград.

— Вы безумец, Ружский. Иванов уже в Царском Селе, Алексеев стягивает части для подавления бунта со всех фронтов. Ваш заговор обречен!

Казалось, Ружский весь задрожал. Большое круглое тело его затряслось как будто в конвульсиях — он страшно, задыхаясь, смеялся.

— Глупо, Ваше Величество, — произнес он, тряся щеками, ему было стыдно, ужасно стыдно, и он давил в себе дрожь, до боли стискивая кулаки. — Вы всегда были наивны и слепы, но не настолько же, как сейчас. Никто вас в Царском не ждет! Вы слышите? Там нет никого! Ни одно из подразделений, выделенных Алексеевым для экспедиции в Питер, не сдвинулось с места. Это даже не измена — полкам просто не отправили телеграммы с вашим приказом, а вы не соизволили перепроверить. Только Георгиевцы, восемьсот человек отправились вслед за вами, но мои войска разоружили их верстах в двадцати отсюда, почти

четыре часа назад. Иванов прибудет в Царское Село в абсолютнейшем одиночестве. Но он не разочаруется. Мы отправили его в Царское только для того, чтобы он сообщил все Императрице.

Рука моя коснулась взмокнувшего лба. Я провел ладонью по волосам и... молчал.

Расстегнул воротник, набрал больше воздуха, выдохнул.

Пухлое лицо Рузского сделалось совершенно пунцовым. Он отстранился от меня, словно стораю от стыда. Сопровождавшие его офицеры, Воейков, Фредерикс — никто на меня не смотрел. Выражения их лиц невозможно было передать.

— Через час здесь будут представители Думы, — продолжил Рузский сквозь заполняющий уши шум, — они привезут с собой текст отречения от престола. Вы подпишете его, государь, ибо таково решение избранных русского народа.

Не в силах больше выдерживать напряжение, я отмахнулся и откинулся на диван.

Как и Рузскому, мне было ужасно стыдно. Не за измену, разумеется, за собственную глупость. Сказано верно: двадцатый век — это век прогресса. Заговорщики всего лишь не отправили телеграммы верным частям. Чем не ход для политического переворота? Не нужно подсыпать яд, натаскивать наемных убийц...

Господи боже, так вот в чем весь фокус... Объездная дорога на Псков, стыдливое поведение Иванова, промедление Георгиевцев в Могилеве, неожиданный вызов меня Алексеевым в Ставку накануне спланированного в столице народного бунта — внезапно все встало на свои места. Так вот значит как, так просто! Представители Думы прибудут сюда через час с текстом отречения. Сюда, в расположение штаба фронта, в место, призванное служить самой крепкой опорой трона. Прибудут всего через час, притом что от Питера едва ли не сутки пути. Значит, все знали заранее, следили за бронепоездом, за телеграммами, за телефонными переговорами, за каждым шагом...

Какие же молодцы. Красавцы!

— Я полагал, что избранным русского народа последнюю тысячу лет является Самодержец, — обреченно произнес я, взглянув на генерала в упор.

— Ошибались, — тускло ответил Рузский.

— Значит, теперь народ представляет сборище представителей фабрикантов и кучка аристократов, купивших себе депутатские кресла? И кто же это решил?

— Не я.

— Но это же глупость! — воззвал я если не к преданности Рузского, в полном отсутствии которой уже не приходилось сомневаться, то хотя бы к разуму. — Вы грамотный человек, генерал, вам наверняка известна одобренная прошлой Думой процедура избрания депутатов. Нынешний состав представляет от силы пять процентов от всего населения, неужели вам это неизвестно? О каких представителях народа идет сейчас речь? Дума — это заседание капиталов, стремящихся к власти любой ценой! Эти глупцы готовы взорвать страну в разгар войны, в тот самый момент, когда мы приближаемся к решающей схватке с агрессором. Неужели вы, Рузский, русский генерал, не понимаете этого?!

— Решаю не я, — еще глуше произнес генерал.

— А кто, дьявол вас раздери?!!

Казалось, от этого возгласа Рузский вздрогнул как от пощечины.

— Это заговор Ставки, — хрипло заявил он. — Я всего лишь пешка. Так получилось, что вы с Императорским поездом прибыли именно на Дно и миссию поручили мне. Впрочем, неважно уже, это просто слова. Комитетом главнокомандующих фронтов мне

только велено задержать вас до прибытия думских.

— Ложь!

— Не верите? — Рузский нервно хохотнул. — На станции телеграф. Запросите Алексеева и командующих. А там... решайте.

* * *

Час спустя я нервно бродил по комнате. Никто не препятствовал, разумеется. Поезд окружили солдаты Рузского, пушки и пулеметы. Ожидали представителей думского комитета. Придворных из Свиты и атаманцев императорского конвоя пока никто не резал и не развешивал на деревьях, но соотношение сил было ясно с первого взгляда — сотню придворных невозможно противопоставить войскам огромного фронта. Многие из моих спутников еще ничего не знали. Все догадывались, что происходит нечто ужасное, но посоветовавшись с Воейковым и Фредериксом я решил не объявлять им подробности, дабы не обострять противостояние и избежать тотальной резни. Рузский не возражал.

Энциклопедия моя молчала, но царь Николай, оказавшись в сходных обстоятельствах, со всей очевидностью действовал, как и я, ибо других вариантов логика не предусматривала. Можно было устроить тут бойню, начать палить и рубиться шашками, но к чему? Ведь как бы там ни было, суть ситуации скрывалась отнюдь не в Рузском и не в делегатах от Думы. Прежде всего царь ждал мнений своих генералов — командующих штабов и фронтов. От них, а вовсе не от болтунов-депутатов и не от бастующих пролетариев сейчас зависело будущее Российской державы.

После нашего разговора Рузский ушел, и Фредерикс с Воейковым отправились с ним. В присутствии графа генерал сделал запросы в Ставку и далее — командующим фронтами. К солнечному полудню второго марта начали приходить их сумрачные ответы.

Я медленно перебирал телеграммы одну за другой, все глубже и глубже осознавая всю глубину окружавшего Николая предательства. Открытия впечатляли.

Первое сообщение поступило от генерала Брусилова — командующего Юго-Западным фронтом, героя войны и моего личного полководца-кумира. Популярный военачальник, обласканный медалями, орденами, всеми мыслимыми почестями и наградами, возможными на тот момент в армии и стране, писал своему государю дословно следующее.

*«Ставка. Его Императорскому Величеству
Государю Императору.*

Почитаю долгом своим представить на благовоззрение Вашего Величества тревогу свою за судьбу Родины и Народа. Ныне армия заключает в своих рядах представителей всех классов, профессий и убеждений, почему не может она не отразить в себе настроения всей страны. Дерзаю всеподданнейше доложить Вашему Величеству о крайней необходимости принять срочные меры для успокоения населения и позволяю себе думать, что при существующих ныне условиях обращенным к Вашему Величеству требованиям Думы надлежит дать полное и всецелое удовлетворение.

Брусилов».

Чтение «посланий» происходило все в том же вагоне-салоне, защищенном от зимней стужи трехслойным стеклопакетом и стальными стенами бронепоезда, мне, однако, казалось, что я держу в руках обжигающий пальцы лед. Подобные телеграммы пришли от всех, за исключением командующего Западным фронтом генерала армии Эверта, который, по словам Алексеева, отсутствовал на данный момент в своем штабе и разъезжал по окопам. Но все остальные — ответили. Телеграмму прислал даже командующий Балтийским флотом вице-адмирал Непенин, которого, если не обманывала меня каиновская *энциклопедия*, пьяные матросы исколют штыками, а потом пристрелят в сортире спустя всего несколько месяцев после моего отречения, которого с таким жаром сейчас добивался от меня вице-адмирал.

Все лидеры армии как один призывали царя «принести жертву на алтарь Отечества и Народа» — отказаться от власти. «Собаки!» — размышлял я, со злостью сминая бумаги. Слезы почти наворачивались на глаза. Сам Император был стойким и, вероятно, мог сдерживать свои чувства, однако я не являлся царем Николаем Вторым и не мог этого терпеть. Руки дрожали, перебирая обжигающе ледяные листы, глаза почти не видели текст.

Одна телеграмма поразила более всех. Длинная лента, пришедшая с Кавказского фронта, даже не наклеенная как обычно на телеграфный бланк для удобства чтения, вещала:

*«Ставка. Его Императорскому Величеству
Государю Императору от командующего Кавказским фронтом Великого
князя Н. Н. Романова».*

Это писал царю его родной дядя, Великий Князь. Тоже Романов. Текст гласил:

*«Я, как верноподданный, считаю по долгу своему и духу присяги необходимым
молить Ваше Величество спасти Россию и Вашего наследника, зная чувство
любви Ваше к Родине и к цесаревичу Алексею. Осенив себя крестным знаменем,
передайте ему Ваше наследие, другого выхода нет. Как никогда в жизни молю
Господа подкрепить Вас.*

Писано Тифлисе.

Великий князь, генерал от кавалерии, Николай Николаевич Романов».

Во рту стало кисло. Дочитав, я с отвращением сплюнул на пол, в очередной раз шокировав стоящего в этот момент рядом Фредерикса. Чертовы изменники! Должно быть, для самого Николая Второго только что прочитанное письмо явилось самым страшным ударом. Никто из его генералов не оказал ему поддержку, но это можно было еще перенести. Однако то, что даже родной дядя, ближайший из близких, внук самого Николая Первого, призывал его к отречению, просто не укладывалось в голове. Не только в его — в моей!

В отличие от моего реципиента, Великий Князь Николай Николаевич не являлся мне родственником, но до чего же было противно!

Масштабы заговора просто поражали. Охватывающий Думу, крупнейших заводчиков, министров правительства, верхушку армии и флота, тщательно продуманный и при этом, как показало будущее, совершенно безумный по результатам, — ведь он столкнет страну в пропасть...

«Нет уж, к дьяволу!» — внезапно подумал я. Царь Николай всегда обращался к Богу,

однако, учитывая обстоятельства, время Бога должно было сейчас убраться к чертям. Я не собирался сдаваться. И демоны, недоступные канонизированному православием Николаю, были вполне доступны никчемному хронокорректору со щенячьей кличкой Ники.

В конце концов для Ники и Каина это всего лишь попытка.

Скомкав послание Великого Князя, я привычно бросил его в ведро.

* * *

Наконец думские прибыли, о чем и доложил Воейков, войдя в салон и звонко щелкнув каблуками.

Дослушав флигель-адъютанта, я выбрался на платформу, чтобы вдохнуть свежего зимнего воздуха перед самыми страшными переговорами в своей жизни. На улице стоял легкий мороз. Шел снег.

Издали медленно пополз на станцию новый незнакомый мне поезд. Короткий, словно обрубленный, жуткий в мутном свечении звезд, отражавшихся в грязно-снежном покрове. Весь освещенный огнями, он состоял из паровоза с одним вагоном и медленно выдвигался из темноты. Это прибыли господа из Думы.

Господами, собственно, называл их генерал Рузский, именно так: «господа делегаты». Однако это было не просто вежливое обращение, принятое меж российскими подданными. На станцию Дно прибыли действительно Господа — господа моего будущего и будущего огромной древней страны.

Не знаю, почему, но руки мои при виде чужого поезда снова затряслись, хотя непосредственной опасности жизни или здоровью моему в этот печальный момент ничего не грозило. Я взглянул в вагонное стекло — в слабом отсвете станционных огней там отражалось смертельно бледное лицо царя Николая. Кожа выглядела коричневой, морщинистой, будто опаленной жаром. Под глазами налились чудовищные мешки — след бессонницы и переживаний. «Измена, трусость и обман!» ^[7] — кажется, так написал сам Николай в день отречения в своем дневнике. Разумеется, в той, реальной истории об этом писала энциклопедия. А что же напишу я? Воистину, лучше, чем царь, не скажешь.

Тем временем короткий состав окончательно остановился, дышал в морозную ночь раскаленным паром, стальные колеса замерли над стальным полотном. Какие-то фигуры начали прыгать с подножек. Не в силах более наблюдать за явлением изменников-победителей, я вернулся в вагон-салон.

Туда же через пару минут, победно блистая глазенками, ввалился генерал Рузский. Он не нуждался в думских, чтобы убить или низложить монарха — стрелкового батальона на это хватало с лихвой, однако в поддержке нуждались останки дырявой совести. Матерый вояка боялся *грешить* один.

— Господа депутаты прибыли, Ваше Величество, — с некоторым вызовом сообщил он мне. — Изволите принять, Государь?

Воейков фыркнул, глаза Фредерикса наполнились гневом.

— Разве у меня есть выбор? — спросил я Рузского, Не глядя на изменника и не оборачиваясь. — Просите.

Новые «господа» России вошли один за другим. На этот раз я обернулся и внимательно оглядел гостей.

Заочно знакомый по *энциклопедии* со многими участниками февральских событий я сразу узнал вошедших. Их было трое, и это меня удивило. В начальной версии истории царя Николая за отречением к нему явились только два депутата — Гучков и Шульгин. Об этом также скомкано сообщала *энциклопедия*. Вероятно, последняя беседа со мной все же оказала на Родзянко некоторое воздействие, и он явился дополнением в предательском трио.

Родзянко вошел вторым, Шульгин — третьим. Но первым, первым вошел Гучков.

Дальнейшая диспозиция не изменилась, оставшись той же, что и на переговорах с Рузским. Мы сели за небольшим столиком. Вокруг царили тепло и уют: зеленый шелк по стенам и мягкий электрический свет, изливающийся на него с потолка.

Политическую программу изложили мне, не стесняясь и сухо, суровым чиновничьим речитативом — почти дословно повторив слова командующего фронтом об отречении.

Мне оставалось лишь слушать и бессловесно кивать.

Вся эта игра с переворотами являлась не моим делом, ведь я не являлся *русскими* тем более *русским царем*. Однако страшное чувство вдруг заполнило меня изнутри. Я слабо знал историю. После знакомства с *энциклопедией*, возможно, немного лучше, чем среднестатистический обыватель, но все же до профессионального историка мне оставалось невообразимо далеко. Однако мне был известен простой несомненный факт: Россия являлась одной из величайших Империй, когда-либо созданных человечеством. По занимаемой территории чудовищная русская монархия превосходила Рим, Византию и империю Карла Великого вместе взятые.

И то, что ее конец вдруг явится столь ничтожной, позорной, убудочной данью, потаканием прихоти мелкой кучки интриганов, не рассчитавших бешенства голодной толпы, — было неправильно, не верно! Все было *не так*. Как будто Александр Великий скончался в начале своих славных походов. Как будто бы Цезарь умер от гриппа в Галлии, не перейдя Рубикон. Все это не укладывалось в голове...

И вдруг совершенно четко, как будто отщелкнув тумблером где-то в самой глубине чужого мозга, я понял ясно и чисто, словно увидев перед глазами картинку с потрясающим разрешением, в самых мельчайших деталях: такого нельзя было допускать!

Станция Дно.

В то же мгновение

— Я понял. Текст достаточно прост. Вы дадите мне время, хотя бы полчаса? — спросил я, выпрямившись из позы сгорбленного ничтожества и взглянув наконец на господ-депутатов в упор.

— Разумеется, Ваше Величество. — Гучков даже не улыбнулся.

— Прекратите паясничать, сударь, — прошипел Воейков. — Перед вами все-таки Император.

— А вы выметайтесь! — вскричал Гучков, чувствуя себя хозяином положения.

— Хватит, — попросил я.

Все замолчали. Воейков, бледный как тень. Самодовольный, но все же напряженный

Гучков. Вспотевший под мундиром Рузский, а также Шульгин, монархист, немой, дрожащий как осиновый лист.

Я вышел.

Вагон-салон, как любой другой вагон любого поезда, пусть даже личного Его Величества императорского бронесостава, имел два выхода: первый — в который вошли «Господа», и второй — через который я только что вышел. Тамбур мог вывести меня в следующий вагон, предназначенный для сна и отдыха, — там я мог остаться наедине с самим собой. Двери вагонов, ведущие на перрон, были закрыты, вдоль линии дежурили солдаты Рузского. Не революционные солдаты и не толпа из рабочих, разграбивших арсенал, — обычные солдаты обычной армии, серьезные, спаянные дисциплиной, отнюдь не бунтовщики. Вероятно, я мог бы раскрыть сейчас дверь, кинуться вниз, закричать. Конечно, меня бы узнали, и тогда, вероятно, призови я на помощь, кто-то из монархически настроенных стрелков вступился бы за меня. Только смысл?

Рузскому подчинялся весь фронт. И черт его знает, как отреагируют рядовые, если я велю им стрелять в своего командира.

Мозг лихорадочно соображал. Так вот о каком именно «критическом положении» меня предупреждал хронокорректор. Отпущенные мне семь дней я немыслимо заблуждался; с уверенностью, основанной на невежестве, я ожидал угрозы от всех: от социалистов, от рабочей партии, от бунтующих пролетариев, от гнева голодной толпы, от солдат гарнизона, не желающих воевать за «чуждые им интересы», от депутатов Думы, наконец, от промышленников и даже от зажавшихся аристократов. А оказалось... банальней.

Николая сверг заговор генералов!

Энциклопедия повествовала мне ясно о последующих событиях: после отречения Императора Дума — эти крикливые болтуны, способные лишь плести интриги, — не сможет удержать власть. А легитимности или веры у них, в отличие от меня, просто не хватит. Как только я поставлю подпись под отречением, все провалится в пропасть.

Только после отречения Императора рабочие партии начнут собирать отряды из пролетариев, только после этого, когда отпустятся вожжи, взбунтуется «красный флот». Только после этого начнутся солдатские мятежи, немыслимые в воюющей армии. Но пока еще не было ничего этого. Только кучка подонков в соседнем вагоне, демонстрации безработных в столице, стрельба в воздух резервных тыловых частей, не желающих отправляться на передовую.

Смешно. Но как я ни старался, я не смог преодолеть ту черту, которую не смог перейти и сам Николай Второй. Со всеми своими знаниями будущего, с моим «современным» взглядом и якобы более решительной волей я оказался бессилён против удара предателей в спину. Чуть более оперативные сборы в Ставке, чуть более быстрая отправка с «мнимыми» войсками на Петроград — и все. Результат тот же. Царь в западне, в окружении вражеских солдат с кучкой никчемных придворных. Через стенку сидят Гучков и Родзянко, я подпишу отречение. Или...

Кстати, что будет, если — «или»?..

Логика предписывала простейший выход: табакеркой в висок, как Павлу, удушение подушкой, как Петру Третьему. А проще — полет свинца в лоб. Двадцатый век, черт бы его побрал, это столетие неумеренного прогресса. Табакерки нынче не в моде.

Убьют. Потом объявят, что отрекся. Миллионы людей в губерниях и областях великой России не будут сличать подписи на бумагах. Есть телеграф. Есть газеты. Между прочим,

предыдущее, «реальное» отречение, по данным *энциклопедии*, было написано Николаем на телеграфном бланке простым карандашом — не пером! Тем не менее это не помешало.

Наследником является малолетний Алексей, а значит — мое отречение в его пользу всего лишь формальность. Один выстрел мне в голову — и императором автоматически станет маленький больной цесаревич.

«Ну что же, Николай Александрович, — криво усмехнулся я, обращаясь к своему „альтер эго“, — мое присутствие тебя не спасло. Мы опять проиграли».

Или?..

Каждый есть сам творец жизни своей, и да воздастся ему смерть, кою он заслужил деянием своим.

Фома Аквинский

Или!

Решившись, я медленно поднял голову и осмотрелся кругом. В отличие от «прошлого» Николая, мы с моим носителем *знали*, чем закончится его последний февраль. Царю пообещают спасение, возможность выезда в Англию вместе с семьей. Он откажется — ведь русский царь должен оставаться в России — и останется, в отличие, кстати, от большинства высших дворян, будущих белоэмигрантов. Дума гарантирует ему безопасность на всей территории великой и необъятной. Однако уже через десять дней после данного обещания семью Императора арестуют. Мне, а значит и Николаю, было прекрасно известно, чем закончится этот арест, *энциклопедия*сообщала об этом сжато, но очень доступно, рисуя перед глазами жуткую картину цареубийства. И если не ради себя, то ради жизни жены, четырех дочерей и малолетнего Алексея мы с Николаем должны были попытаться!

Нельзя сказать, действовал ли в этот момент лично я или царь Николай Второй. Мы не отличались сейчас один от другого — только лишь информацией, маленьким клочком знаний о будущем, не о фантастической технике или вершинах науки, а о будущем собственных жены и детей. В отличие от меня, никогда не носившего оружие, Николай являлся профессиональным военным и обращение с шашкой, конем, винтовкой, наганом не было ему чуждым, это являлось частью всякого дворянина — обыденным делом, не требующим усилий со стороны мозга. Привычным, как работа печени или сердца. Требовалась только воля, маленькое решение. Остальное — прошло на рефлексках.

В соседнем вагоне через дверь от меня находился сановник свиты адмирал Нилов. Я открыл дверь и вошел.

Массивная, скалообразная фигура адмирала с косой саженью в плечах произвела на меня впечатление в дни совместного путешествия своими размерами и скрытой в размерах мощью, однако сейчас придворный выглядел жалко. Выражение побитой собаки на некогда уверенном и сильном лице вызывало почти отвращение. Бывший капитан черноморского миноносца, в двадцать один год потопивший в бесстрашной лобовой атаке турецкий монитор, brave моряк, довоенный командир гвардейского экипажа и мой личный флаг-капитан, сейчас выглядел подавленным и несчастным.

Настроение царских вельмож, впрочем, в данный Момент меня совершенно не занимало.

— Константин Дмитриевич, — я обратился к нему с азартным задором в голосе, — мне нужен ваш револьвер.

— Ваше Величество?..

— Стоп. Вы не слышите меня, адмирал, — произнес я уже серьезней. — Сконцентрируйтесь и делайте то, что скажу. На вашем поясе — кобура, в ней находится револьвер, он мне нужен. Просто расстегните кобуру и протяните мне ваше оружие.

Огромный царедворец на мгновение замер, затем молча повиновался. Через секунду в

правой руке моей оказался револьвер. Будучи знакомым из *энциклопедии Каина* с основными системами вооружения сражающихся в Великой Войне держав, я без труда узнал в нем револьвер системы наган. В начале века наиболее перспективным образцом личного короткоствольного оружия считались именно револьверы, сочетавшие достаточную простоту с надежностью и многозарядным барабаном. Врученный мне экземпляр относился к модели 1895 года (утвержденный для русской армии как раз царем Николаем), но не бельгийской, а тульской сборки, калибра 7,62 с самовзводом от нажатия на спусковой крючок. Рукоять знаменитого пистолета украшала накладная серебряная пластина, остальные детали — черное воронение. Упрощенная мушка и литая, цельная рукоять делали русскую модель более простой и технологичной при сборке, нежели известный бельгийской вариант, но отнюдь не внешность и не простота составляли сейчас для меня главную ценность полученной смертоносной вещи. Откинув дверцу револьверного барабана, я глянул вовнутрь. Семь зверей глядели на меня из отверстий, сверкая золотистыми капсулами. Барабан был полон — и это было единственное, в чем я нуждался сейчас.

Защелкнув наган, я небрежно бросил его в карман черкески, кивнул адмиралу Свиты и, пройдя через тамбур, вернулся в вагон-салон.

* * *

Все, казалось, оставались на своих местах. По-прежнему в креслах развалились Гучков и Шульгин. Рузский со своим адъютантом застыли на входе немymi статуями, как будто охраняя новую власть силой оружия. И все же кое-что изменилось. Воейков, мой преданный спутник, стоял, понутив голову, будто отрубленную и пришитую заново — волосы сползли ему на лицо, фуражку он бросил на стол, не в силах пережить момент отречения Государя с покрытой головой. Фредерикс держался чуть лучше, но стоял белый как мел. Руки его сжимались в кулаки, но не от решимости драться, а чтобы сдержать в пальцах дрожь.

И напротив, победно светились глаза новых властелинов России. Глупцы! Пройдет всего девять месяцев, и страна, существующая тысячу лет, падет, не в силах совладать с дикой силой, вызванной вами к жизни.

Безумцы не ведали, что творили. Но мы с Николаем знали наверняка.

— Я готов, господа!

— Прекрасно, Ваше Величество. Мы готовы предоставить вам текст.

Родзянко дал знак, и генерал Рузский, выполняя еще и роль секретарши и мальчика на побегушках, несмотря на свою функцию главной военной силы переворота, послушно протянул мне листок.

Я бегло obeжал его взглядом. Так и есть, все же не врет виртуалка! Текст был прописан карандашом (почерк, очевидно, принадлежал Родзянко) на обычном почтовом бланке, куда вклеиваются отрезки телеграфной ленты, грубо и торопливо.

— Нормальной бумаги не хватило? — весело спросил я.

— Недостаток времени, Государь, — как ни в чем не бывало, оскалил зубы Родзянко. — Текст отречения составляли по дороге, в поезде. Бумаги и пера не нашли — откуда их взять в обычном железнодорожном составе? Да и торопились. У вас есть возражения против формы?

Я скупно пожал плечами. Возражений *по форме* у меня не было совершенно. Но мне не

правились *содержание*.

Холодные строчки гласили:

«МАНИФЕСТ

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно ниспослать России новое испытание. Начавшиеся внутренние волнения грозят бедственно отразиться на ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской армии, благо народа, все будущее нашего дорогого Отечества требует доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. В эти решительные дни мы почли своим долгом, в полном согласии с Государственной думой, ОТРЕЧЬСЯ от Престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть.

Да поможет Бог России.

Николай».

Таким был текст отречения. Ненавязчивым и простым. Полным духа патриотизма и благих намерений заговорщиков. Жаль не знают они, к чему это приведет!

Лицо мое, вероятно, на мгновение превратилось в деревянную маску. Невероятным усилием я заставил себя не показывать даже капли эмоций. Ни один мускул не дернулся, плотно сжатые губы не выдавили ни слова.

Сдерживая озноб в мгновенно озябших пальцах, я быстро подписал карандашом прозрачный бланк, небрежно бросил то и другое на стол. Как ни в чем не бывало, отвалился на спинку стула. «Отрекся — как батальон сдал», — писал по этому поводу сам Николай Второй. Возможно, так и совершаются самые страшные преступления против рода людского — элементарно и без эмоций.

Все, присутствующие в вагоне-салоне, облегченно зашевелились, впиваясь глазами в серый лист с отречением. На столе покоилась ничтожная бумажонка с карандашной подписью на телеграфном бланке, однако разрушительное могущество, заключенное в скромном типографском клочке, почувствовали все — до глубины потрохов.

— Без печати бумага недействительна, как и без официального бланка, — все еще цепляясь за что-то, пробормотал Воейков.

— Нас вполне устроит такая форма, — резко кашлянув, возразил Родзянко. — Ведь устроит, господа? Устроит. Нечего продлевать этот спектакль. Отречение подписано в присутствии делегатов Думы и генерала армии Рузского. Полагаю, этого вполне достаточно.

— А карандашная подпись? — усмехнулся я.

— Право, это глупый фарс, — пожал плечами Родзянко. — Мы полагали, что вы подпишете отречение пером — разумеется, но детские игры в формальности тут ни к чему. Вы же понимаете, в сложившихся обстоятельствах дело не в форме отречения, а в самом его факте.

— Пожалуй.

— Вот и прекрасно. — Родзянко, похоже, был вполне доволен итогом. — Форма отречения на самом деле не имеет значения, поскольку абдикация [\[8\]](#) Императора вообще не

предусмотрена русским законодательством. Император либо правит, либо мертв. Считайте, наше предложение о письменном отречении данью прогрессу и человечности. Некоторые представители генерального Штаба, в том числе присутствующие здесь, высказывались за более радикальное решение вопроса о передаче престола вашему сыну Алексею. Вы понимаете, о чем я?

Рузский засопел, он был единственным представителем Генерального штаба в вагон-салоне, и чрезмерно прозрачный намек Родзянко в моем присутствии *на цареубийство* был ему неприятен.

— Геморроидальные колики или апоплексический удар? — рискнул пошутить я, поминая убитых заговорщиками предков царя Николая.

— Вы догадливы, — мрачно подтвердил октябрист Гучков.

— А вы милосердны.

— Все шутите, Ваше Величество? — Лидер конституционалистов демонстративно пожал плечами. — Напрасно. Смею напомнить, что с этой минуты вы более не Император и юмор ваш может быть непонятен кому-то из бывших подданных.

Гучков потянулся к брошенному мной листку отречения и, на мгновение загородив меня от Рузского и Родзянко, встал перед столом. Открыв портфель, заложил бумагу и сел.

Рузский крикнул. Когда фигура Гучкова открыла меня для всеобщего обозрения, в руке моей мрачным зверем чернел наган адмирала Нилова.

Не вставая, не давая опомниться, ни слова не говоря, я начал стрелять.

Четыре выстрела подряд, четыре удара бойка. Рузский, его адъютант были вооружены. Дворянин Шульгин и участник бурской войны Гучков — также. Все четверо, я уверен, как и сам Николай, отменно обращались с оружием. Стрелял я как в тире — с короткой расстановкой, наводя ствол двумя руками и аккуратно прицеливаясь перед каждым выстрелом. Четыре пули, четыре мгновения, четыре снесенные головы. Очень медленно!

И если бы они попытались, то смогли бы ответить огнем. В прошлом Гучков слыл бретером и отличался удивительной храбростью, участвовал в трех дуэлях, в каждой из которых неизменно выходил победителем. Ни скорости, ни отваги ему было не занимать. Он мог бы броситься на меня и выбить наган, мог просто сбить на пол телом, чтобы спасти остальных.

Однако в вестерн мы не играли. Никто, включая генерала Рузского, не посмел даже дернуться. От растерянности изменники выпучили глаза, и лишь адъютант генерала, чуть быстрее других отойдя от шока, успел донести свою руку до кобуры.

В этом не было ничего удивительного. Умные и отважные люди, они, как и сам Николай, были готовы драться с открытым противником, проявлять чудеса героизма на полях германской войны, в схватках с турками и австрийцами. Но никто из них даже в мыслях не мог представить себе вооруженное противостояние с Государем!

Этим недугом — полным бессилием в сопротивлении *своим* — русские офицеры страдали во все времена.

Именно так сам царь Николай, его губернаторы и генералы до последнего не отдавали приказ стрелять по Демонстрантам в 1905 году — это же означало «стрелять в свой народ». И только когда в солдат начали палить из толпы, а московских жандармов развешали цветными гирляндами на деревьях, приказ стрелять наконец отдали — с чудовищным опозданием.

Именно так красных комдивов брали сотрудники НКВД. Героев Мировой и

Гражданской, бесстрашно кидавшихся с одной пашкой на пулеметы, имевших в своих квартирах именные маузеры и наганы, хватали и били молодчики из чернорабочих, едва умеющие стрелять. И ни один из арестованных не сопротивлялся, ибо такова была вера — в партию и народ!

В вагоне-салоне сработало аналогичное правило.

Гучков и Рузской смогли бы сразить любого — но только не Императора, пусть глубоко презируемого, но *абсолютно* неприкосновенного, как неприкосновенны для них были русское знамя и крест.

В следующее мгновение в царский салон ворвались солдаты Рузского, на ходу передергивая затворы. Но не успели они рассмотреть трупы, как узрели меня, космато громоздящегося на диване. Николай сидел чуть сутуло, уронив руку с пистолетом к бедру. Небольшого роста, худой и стройный, он казался сейчас широкоплечим гигантом, руки которого оплетали тугие жгуты мускулатуры, опускающиеся к земле под собственным весом. Чуть сгорбленная спина, провисшие длани, а главное — страшный взгляд... Лицо мое, вероятно, украшала нечеловеческая гримаса.

— Вон!!! — заорал я им, и стрелки, не успев даже раскрыть рта, вылетели обратно за дверь, как выброшенные ветром, — инстинкты, впитанные с рождения с молоком матери, не позволили им послушаться Царя-батюку.

Фредерикс и Воейков смотрели на меня с вытянутыми от ужаса лицами. Наверняка решили, что я тронулся умом прямо у них на глазах. Но я не тронулся. С ума сошел Николай. Он не стал вдруг безумцем, однако ужасная мысль о Семье, которую он любил больше жизни и которой остался предан до последней своей минуты, захлестывала его нечеловеческим — воистину царским гневом.

Страшным усилием загнав Николая обратно в глубину подсознания, я ткнул пальцем во Фредерикса, забыв о малейших правилах этикета.

— Позовите слуг, — услышал я собственный голос, — трупы сложите в тамбуре. Именно в тамбуре, граф, на улицу не выносить.

— Воейков! — Я обернулся к флигель-адъютанту. — Сейчас мне понадобится вся ваша преданность. На поезде останется Фердерикс и прислуга. Всех остальных, способных носить оружие офицеров немедленно соберите здесь. Выдать винтовки, пашки, наганы — все, что есть. На сборы — десять минут. И да простит Бог тех, кто встанет у меня на пути!

* * *

Медлить не стоило. Выстрелы из нагана наверняка уже засекли окружившие поезд изменники. Разоружив стрелков из сопровождения Рузского и депутатов, я выплянул из тамбура и помахал рукой одному из «местных» офицеров. Солдаты, окружившие бронепоезд, уже стояли, вскинув винтовки, и, по всей видимости, готовы были спустя мгновения лезть на штурм, однако появление Императора, моя спокойная речь и «обычное» поведение заставили их стушеваться.

— У нас самоубийство, — воскликнул я, подзывая офицера к себе. — Генерал Рузский только что застрелился, а представители Думы повторно присягнули мне на верность. Командование фронтом с этого момента я беру на себя. Немедленно сообщите об этом в Штаб фронта и известите командующего Алексеева.

С этими словами я лихо прыгнул на землю, затем развернулся к маячившему в проеме графу Фредериксу и погрозил ему кулаком.

— А вы, — нарочито громко обратился я к нему, — пресекайте впредь подобные вещи. Никого в поезд не впускать!

Стукнув ошалевшего от неожиданности офицера Рузского по плечу, я вновь обратился к нему:

— Немедленно прикажите бойцам оцепить станцию. Орудия следует развернуть для охраны периметра. Пулеметы с платформы уберите, поставьте на улицах для пресечения возможной атаки со стороны города.

Молодой капитан, впрочем, уже пришел в себя, Рузский не зря на него полагался.

— Генерал Рузский не мог застрелиться...

— Что?

— Я должен охранять периметр, но не от внешней угрозы. Мне велено окружить бронепоезд и никого отсюда не выпускать.

— Фамилия?! — заорал я, брызнув в лицо слюной.

— Ротмистр Лавиновский! — на автомате выпалил офицер, на которого впервые в жизни орал его Император.

— Бронепоезд оцепить для защиты от внешнего нападения, Лавиновский! Орудия развернуть! Два раза повторять не буду. Исполняйте!!!

Офицер убежал к стрелкам, словно подстегнутый кнутом. А я, немного подумав, вернулся обратно в вагон. Ситуация выглядела неудачно. Рузский оказался неплох и подобрал для исполнения задуманного надежных людей. Либо лично преданных ему, либо испытывавших нелюбовь к «прогнившему» монархическому режиму. Молодого ротного Лавиновского, как подсказывала память Императора, Николай Второй лично не знал. Следовательно, ротный или очень близок к Рузскому (вернее, был близок, усмехнулся я), либо анархист, социалист или приверженец иной разъедающей мозг отравы.

Как бы там ни было, фактический расклад удручал. Рузский оказался не одинок и хотя, пристрелив его, я обезглавил Северный фронт, в окружении мятежника наверняка находилось достаточно офицеров, посвященных в подробности переворота. Со смертью думской делегации также ничего не менялось. Лавиновскому, например, достаточно сейчас пристрелить меня, и дело сделано: очередным самодержцем автоматически становится цесаревич Алексей. Баста, как говорится, партия сыграна.

Самое смешное, что при столь значительном количестве противостоящих царю людей — сановников, генералов, думцев — отсутствовала центральная фигура, со смертью которой я мог бы рассчитывать на распад заговора. Все участвующие лица являлись одновременно всем и ничем. Возможно поэтому, команда изменников не смогла удержать власть в реальной истории, позволив пламени «русского бунта» безнаказанно расширяться. Плюс «бессмысленно» и, разумеется, «беспощадно».

Потерев лоб, я попробовал просчитать варианты. Что сейчас делает Лавиновский или любой другой из вовлеченных в заговор офицеров? Убить меня сразу по собственной инициативе у этих бесхребетных кишка топка — вон Рузский даже револьвер не достал, пока я расстреливал его сотоварищей. Следовательно, Лавиновскому наверняка потребуется моральная поддержка перед цареубийством — уж это как водится. Всякий Русский террорист, бомбист или заговорщик перед своей акцией нуждается в подкачке мозгов. Дабы знать, что он делает *мерзость* не потому что подонок, а из служения высшему идеалу!

У ротмистра сейчас кипит мозг — от усиленного поиска способа разрешить ситуацию. Он немного подумает, велит своим изготавиться к штурму поезда, затем бросится в штаб — за поддержкой. Там свяжется, допустим, с Алексеевым или кем-то из прочих, втянутых в заговор генералов. Да хоть с Брусиловым! Наверняка все изменники дежурят у телеграфа, ожидая известий об отречении и исходя испариной от волнений. Далее ротмистр возвращается, и императорский бронепоезд долбят из всех орудий. Потом прут на штурм и нанизывают оставшихся в живых на штыки. Достоверно?

Пожалуй. Иной вариант один — Лавиновский ни с кем не советуется и рвет меня в клочья прямо сейчас. Если учесть, что пушки и пулеметы пока молчат, первая версия «с задержкой» выглядит более натурально.

Хмурия брови, я вернулся в вагон-салон, достал папиросу и закурил. Затем, хлопая соединяющими вагоны дверями, прошел к машинисту через весь поезд, краем глаза фиксируя результаты усилий, которые предпринимал Воейков. У флигель-адъютанта оказался своего рода талант в организации людей в критической ситуации. Придворные вельможи выглядели немного нелепо с пашками, наганами и с винтовками за спиной, но мне не было дела до их военной выправки. Ведь дворяне, все до единого! И стрелять, безусловно, могут. Внешние двери поезда запирались наглухо. Моя светская горе-пехота рассаживалась вдоль окон.

На станции Дно нам ловить больше нечего, размышлял я. Необходимо спешно прорываться. Вот только куда? Следовавший за мной Фредерикс предложил дать бой прямо здесь, пришедший в себя адмирал Нилов уговаривал прорваться в автомобиле. Великолепная машина с отделкой золотом и кожаными сиденьями стояла в одном из вагонов — ее специально возили в поезде на случай, если Его Величеству царю Николаю вздумается покататься по окрестностям — в Могилеве или в Царском Селе. Прищулив глаз, я представил, как улепетьваю под огнем пулеметов на шикарном двухтонном кабриолете, держась за ручку из дорогого орехового дерева и отстреливаясь из нагана. Усмехнувшись, покачал головой.

Нет, побег на автомобиле однозначно следовало отставить — картина смотрелась нелепо. Ведь машинку прежде всего нужно было выгрузить из вагона, а делать это под огнем пулеметов несколько дискомфортно. Нилов между тем продолжал настаивать, уверяя, что в Юрьеве, который от Дна всего в ста верстах, находится штаб Шестой армии, возглавляемой генерал-лейтенантом Бонч-Бруевичем. С Ниловым они оставались близки еще со времени обучения в Академии. И адмирал головой ручался, что в Юрьеве будет совершенно безопасно. Железнодорожная ветка шла в Юрьев с небольшим крюком через станцию Выру, однако хорошего качества автомобильная грунтовка вела в Юрьев почти по идеальной прямой. Хорошего качества для России, разумеется.

Выслушав Нилова, немного подумав, я согласился. Если учесть ситуацию, в настоящий момент то было единственно возможное направление для бегства. Вот только отправляться в Юрьев я решил все же на бронепоезде, а не по шоссе.

Бронесостав мой включал следующие боевые и функциональные части.

Сам бронированный паровоз-тягач.

Так называемый «черный» или «запасной» паровоз, также бронированный.

За локомотивами — два бронированных вагона с офицерами Свиты.

Мой собственный вагон-салон, а также «ночной» вагон (те самые «голубые»).

Артиллерийская бронеплощадка с брустверами, выложенными мешками с песком.

А также два «завершающих» вагона с прислугой и персоналом.

Надо сказать, в «стандартный» армейский комплект бронепоезда в пору Великой Войны входили дополнительные вагоны с зенитными площадками и блиндированием, десантная и контрольная платформы, командная платформа для корректировки огня (нечто вроде мостика на крейсере или эсминце) и самое специфичное — таранный вагон с броневым «рылом» и так называемой «ударной» пушкой увеличенного калибра.

Составов, собранных по указанной «стандартной» схеме, в Европе бегали десятки, если не сотни, — как в развитых в «железнодорожном» смысле Франции и Германии, так и в отсталых Австрии, Турции, Болгарии и России. Однако мой царский поезд с «лишними» голубыми вагонами и вагонами для прислуги, без всякой натяжки называемый «самым главным железнодорожным составом России», подобными излишествами не обладал.

Тем не менее вооружен он был достаточно неплохо. Нилов, как бывший черноморский комендор, являлся специалистом в артиллерийском вооружении и сообщил, что на блиндированной платформе я располагаю двумя 105-мм орудиями и одним орудием «главного» калибра в 120-мм.

Кроме того, на первом из офицерских броневагонов, сразу за двумя локомотивами, на площадке перед броневым корпусом оказалась установлена небольшая 47-мм пушка.

В «стандартном» составе такие передовые вагоны обычно занимал десантный отряд. Решив не изобретать велосипед или в данном случае не пересматривать тактику действий бронепоездов, я велел своим новоиспеченным стрелкам расположиться в передовых бронированных вагонах на манер обычных армейских десантных партий. Оставив в салон-вагоне двух стрелков на всякий пожарный случай, Воейков, Фредерикс и я также перебрались в бронированные вагоны. Последние вагоны с прислугой можно было отцепить для облегчения состава, однако делать это под дулами артиллеристов не следовало.

Таранного вагона с ковшом-отбойником у меня не имелось, что сильно смущало — если перегорят пути, наскоком не возьмешь. Палить из орудий раньше времени я также не мог. Все стволы в данный момент оставались в походной «упаковке», заниматься же снятием чехлов на глазах вражеских стрелков было еще более неуместно, чем снимать с платформы царский автомобиль.

Пройдя передний броневагон с площадкой для 47-мм пушки, я оказался перед локомотивом и, быстро преодолев небольшое открытое пространство с чугунной плитой для орудия, нырнул в салон паровоза. Здесь все разительно отличалось от обстановки, царящей в «голубых» вагонах. Вместо роскоши я увидел огнедышащую топку паровой машины, почувствовал удушливый жар, копоть, взгляделся в черные лица угольщиков.

Старший машинист и два его помощника выглядели чище истопников, опрятная форма оставалась тщательно отутюжена (машинистам иногда приходилось являться пред царские очи, что и сказывалось на внешнем виде), однако страшное напряжение чувствовалось. Даже здесь. Как и Нилов, железнодорожники выглядели подавленно, смущенные видом стрелков, оцепивших поезд стальным кольцом.

— Как зовут? — обратился я к старшему.

— Громов Павел, — спокойно отвечал тот. — Лейб-Машинист Его Императорского Величества бронесостава... Вы, Ваше Величество, уж почитай три года изволите со мной кататься. Осенью аналогичным экипажем Ливадию посещали.

— Подзабыл, прости, — наплевав на статус, извинился я. — По батюшке как?

— Александрович буду, Государь.

— Давай, Павел Александрович, не подведи меня. — Абсолютно панибратски я хлопнул железнодорожника по спине. — Надо отсюда уходить. Понятно мысль излагаю?

— Так отчего ж непонятно-то? Я под парами до Владивостока ходил и обратно. Надо — уйдем.

— Так палить будут, однако, — в тон лейб-машинсту ответил я, тыкая пальцем в стекло. — Видишь, на платформе стоят пулеметы? Пехотное орудие в переулке спрятано! И это только то, что я отсюда вижу. Плюс винтовки и бронемашина рядом с вокзальной хибарой. Ты об этом подумал?

Пал Саныч замотал головой.

— Не посмеют в Императора стрелять.

— Посмеют, Саныч, еще как посмеют. Но делать нечего — топи свою адскую машинку и двигаем отсюда полегоньку.

Павел Александрович кивнул мне бородкой, дал знак истопчим, и поезд, накачивая давление в паровой котел, плавно скользнул по рельсам.

Лавиновский, по всей видимости, еще не вернулся. С момента нашего расставания минуло едва пять минут, и у восставшего ротмистра наверняка сейчас шла самая жара по обмену телеграфной корреспонденцией. Солдатики его, переживая, засуетились вдоль вокзала и на перроне, прислуга возле орудия в переулке задержалась вокруг своей техники. Поезд меж тем без гудков и предупреждений ускорился и двинул вперед.

Расчет тут был верный. Если бы мы начали стрелять, то изготовленные к пальбе орудия и пулеметы тут же вышибли бы из нас дурь. Но отсутствие непосредственного командира, только что беседовавшего со «свергаемым» Императором, отсутствие стоящего над ним генерала Рузского, заведовавшего всей этой кухней, немного выбило солдатусшек-изменников из надлежащего настроения. Пушка давно смотрела прямо в лоб головному локомотиву, но палить по царю без команды никто не решался.

— Давай! — заорал я Пал Санычу, глядя прямо в орудийный зев. — Валим, валим, пока не очнулись!

Набравший ход поезд мощно попер вперед.

В мгновение ока мы миновали орудийную засаду, платформу станции с пулеметами и таращащихся на нас безвольных стрелков. С вокзала выбежал надрывающийся Лавиновский, и только тут пришедшие в себя пехотинцы начали хаотично палить по нам из винтовок. Выстрелы мосинок затрещали, гулко отдаваясь в стенках вагонов, но было поздно уже, развернувшееся орудие дало залп, однако земля взрыхлилась от нас далеко — не попав по вагонам, снаряд ушел в перелет.

В этот момент движение поезда совершенно необъяснимо вдруг начало замедляться.

Вытаращив глаза, я с гневом бросился к машинисту, но тот лишь тыкал вперед раскрытой ладонью. За первым же поворотом, который мы только что проскочили, путь перегораживали грубо наваленные камни и бревна.

— Ну твари, — прокомментировал я совсем не по-царски, кровь ударила в голову, и почти не отдавая себе отчет, я заорал: — На таран!

— Чего?!

— Тарань говорю! В лоб!

Железнодорожник посмотрел на меня совершенно обалдевшими глазами, но послушаться не посмел — рванул к рукояткам.

— Угля, угля! — загремело в кабине. — Сыпь! Сыпь! Сыпь!

Поезд прыгнул вперед.

— Ваше Величество, шли бы назад в вагоны.

— Черта с два! Как думаешь, прошибем?!

— Завал-то? Думаю, да! Бронепоезд имеет вес не чета паре бревен. Пройдем, как масло!

— А что ж ты тогда тормозил, старый пень?

— Но как же?! В поезде — персона Императора, разве возможно?

— Как видишь! Они же меня к стенке и поставят, если остановимся. Выход один — прорываться. Либо с рельсов сойдем, либо...

Железнодорожник кивнул.

— Держи-иись! — заорал он мне и стоящему рядом Фредериксу.

Со страшным стоном состав вонзился в завал, бревна раскидало как щепки — брызгами в стороны, расплескивая мимо окон. В то же мгновение мир вокруг сотряс страшный, неопишуемой силы удар. Меня подкинуло в воздух, ударило в стену, вернуло обратно, чуть не вывернув ноги, и лихорадочно затрясло. Тряска эта продолжалась несколько страшных мгновений. Локомотив нешуточно дернулся, подпрыгнул, встряхнулся, но на рельсах, слава богу, многотонное чудовище устояло.

Вцепившись в спасший меня железный поручень, совершенно обалдевший от ужасающего таранного удара, я лихорадочно осмотрелся по сторонам. Все машинисты стояли. Однако Фредерикс, примостившийся от меня с краю, едва зацепившись за ручку входной двери, брыкнулся в воздухе и буквально вмялся в стекло. Оно треснуло вокруг него широкою паутиной, но все-таки удержало бедного царедворца внутри локомотива.

Мы с Санычем втащили министра Двора в салон и положили на диван. Выглядел он страшно — в кровавых ошметках, с синим лицом и в изодранной битыми сколами одежде.

— Ушли, в божью мать! — радостно заорал машинист, совершенно не обращая внимания на порезавшие руки осколки и императорскую особу. Однако тут же одумался и заявил поспокойней: — Получилось, Государь. Получилось!

Станция Дно, все еще вспыхивая за нами ружейными залпами и пулеметным треском, медленно таяла за заснеженными холмами.

3 марта 1917 года.

Станция Юрьев (Дерпт)

Командующий Шестой армией Северного фронта генерал-лейтенант Бонч-Бруевич формально подчинялся Рузскому. Однако то ли личное знакомство с Ниловым сыграло важную роль, то ли генерал-лейтенант вовремя одумался, узнав про наш прорыв со Дна, но орудийными залпами бронепоезд в Юрьеве никто не встречал. Впрочем, пулеметы и броневики предусмотрительно расставили вдоль железнодорожного полотна. Может, просто для безопасности? Совершенно обычно, как на десятках станций перед визитом к Рузскому, на станции Юрьев выстроились встречающие армейские офицеры. Вдоль путей шумели радостные, возбужденные приездом монарха рядовые стрелки и даже местные гражданские обыватели.

Тем не менее встретил нас Бонч-Бруевич достаточно необычно.

— Что происходит, Государь? — без лишнего пиетета обратился он ко мне, едва отдав честь и поздоровавшись. — Я только что получил от Рузского телеграмму. Ознакомитесь?

С этими словами он протянул мне телеграфный листок с краткой вклейкой.

«Бронепоезд Государя Императора немедленно задержать, используя любые средства.»

Рузский».

Вероятно, это баловался с аппаратом ротмистр Лавиновский.

— Порвите и в камин, — миролюбиво посоветовал я Бонч-Бруевичу. — Это какой-то сумасшедший до телеграфа дорвался. А генерал Рузский мертв.

— Действительно? — Бонч-Бруевич смотрел на меня изучающе.

Тут, если честно, меня начал бесить этот разговор.

— Труп в вагоне, — произнес я отрывисто. — Изволите осмотреть?

Бонч-Бруевич взглянул на меня удивленно — он тоже знал Царя долгую череду лет, и, очевидно, Николай Второй на его памяти ни с кем так резко не разговаривал. Ну и дьявол со всеми политесами, заключил я! Моему реципиенту, если не ошибаюсь, еще в начале правления дали совсем не подходящее прозвище Кровавый. Однако оправдывать прозвище Николай Второй (вернее, мы с ним вдвоем) начал едва ли час назад.

Странно, но Петру Первому, строившему Петроград на костях и лично рубившему стрельцам головы, дали титул Великий. Ивану Четвертому, жарившему подданных на огромных, специально для того сделанных сковородах, — гордое имя Грозный. Александру Первому, вступившему на престол благодаря убийству отца — Благословенный. Александру Второму, ни за грош продавшему Аляску американцам — Освободитель. Отцу Николая, Александру Третьему — Миротворец. За что же моего венценосца окрестили Кровавым?! Не за то ли, что за двадцать один год его трагического правления казнено преступников и бунтарей вдвое меньше, чем убили чиновников за то же время бомбисты и террористы?

Родись Николай Второй чуть ближе к концу двадцатого века — его почитали бы идеальным монархом. Примерный семьянин, любящий отец, верный муж, невероятно преданный своей стране человек, для которого слово «долг» являлось величайшим из всех понятий. В начале двадцатого века русский царь был самым богатым человеком планеты — но жил очень скромно. Его называли и самым могущественным правителем — ведь ни в одной из великих держав, ни один из государственных лидеров не обладал абсолютной наследственной властью. Даже кайзера Германии ограничивал Сейм, не говоря об английских монархах. И при этом Николай никогда не использовал свою власть для личных потребностей!

Безусловно, Николая Второго нельзя назвать образцом государственного человека, дальновидным политиком и вождем. Безусловно, в том плачевном положении, в котором оказалась страна накануне революционного февраля, была виновата не только германская разведка, изменники-социалисты, заговорщики-генералы или придворная камарилья, но прежде всего — он сам как глава рухнувшего государства, как абсолютный монарх, находящийся на самом «верху», но не сумевший предотвратить взрыв «низов». Однако имя Кровавый последний царь точно не заслужил. А впрочем...

Глядя в глаза сомневающемуся Бонч-Бруевичу, я вызывающе усмехнулся. Быть может, еще заслужит?

— Не стойте столбом, генерал, — подбодрил я нерешительного командира. — Вижу, вы разрываетесь, повиноваться ли мне или арестовать, исполнив телеграмму Рузского? Отвечаю, сударь: повиноваться!

Генерал некоторое время смотрел на мое лицо (не в глаза), затем послушно кивнул, и словно надломилось в нем что-то. Я понял — теперь он со мной.

— Идемте же вниз, генерал, — дождал я его до конца.

Бонч-Бруевич сделал рукой приглашающий жест и легонечко поклонился, пропуская меня вперед. Друг за другом мы спустились с перрона.

Поведение командующего Шестой армией живо напомнило мне поведение старика Иванова. Быть предателем и изменять однажды данной присяге дворянину и офицеру претило, однако о заговоре он знал и более того, был с ним согласен. И если бы кто-то (только не он) пустил бы мне пулю в лоб или заставил подписать отречение, этот, очередной встреченный мной генерал вряд ли бы горевал. Нилов меж тем завлек старого друга беседой. Я не разбирался в психологии, однако подсознательно понимал — теперь, когда я принят в Юрьеве вместе с Ниловым, мой гостеприимный хозяин не рискнет меня задерживать и тем более покушаться.

В здании штаба нас живо напоили горячим чаем, хозяин даже предложил выделить нам отдельный дом для размещения на ночь. Однако я отказался. Проспать страну с потрохами я мог и в вагон-салоне, в стенах которого подручные Фредерикса сейчас живо заделывали сквозные дыры от винтовочных пуль. Интересовал меня в Юрьеве отнюдь не отдых, а как всегда — телеграф.

Оставив часть свиты, я отправился в отделение связи вместе с Воейковым и отрядом охраны. Бонч-Бруевич не возражал и даже вызвался сопровождать. Мы толпой ввалились в переговорную, пригласили телеграфистов.

Старший офицер связи, старый усатый дядька в форме майора инженерных войск смотрел на происходящее с интересом — я мог бы поклясться, что в суть действий Рузского на соседней станции он вполне посвящен. Дядька представился мне фон Фауфеном и происходил, очевидно, из курляндских дворян. Полагаю, он одинаково равнодушно отправил бы телеграммы о подавлении заговора и телеграммы о цареубийстве.

— Еще раз, от имени генерала Рузского и представителей Думы, дайте связь с командующим фронтами, — говорил я, стоя у него за спиной. — Повторите, что в Псков прибыли представители думского комитета, требующие отречения Государя. Император готов отречься в случае, если большинство генералов согласны с мнением Думы. Пишите — Рузский собирает мнения командующих. Однако мне нужна связь не только с командующим фронтами. Отправьте запросы начальникам армий и корпусов, а также отдельных дивизий. Ну же, телеграфируйте!

Без лишних разговоров фон Фауфен повиновался — человек он был уже пожилой и быстро меняющуюся политическую конъюнктуру рассматривал философски.

Секунды поплыли. Аппараты отстукивали сообщения, сигналы скользили в эфир и по проводам. Вскоре ответы с фронтов начали возвращаться. На бланки их наклеивать не успевали. Я читал послания генералов прямо с теплой телеграфной ленты, отрывая ее кусками с бобины.

Как я и подозревал, Рузский врал. Брусилов, Николай Николаевич Романов, сам

Рузский, командующий балтфлотом Непенин действительно предали своего Императора. Однако командующий Западным фронтом Эверт, румынский главнокомандующий Сахаров, адмирал Черноморского флота Колчак оставались преданы мне, Рузский и Алексеев даже не отправляли им известий о готовящемся на Дне отречении!

Еще более характерными оказались ответы командующих отдельными армиями и корпусами — в преданности клялись почти поголовно. Среди же командиров дивизионного уровня заговорщики отсутствовали вообще! Чем ниже был уровень командиров, тем яростнее клялись в верности и однажды данной присяге.

Собрав ленты, я с торжественной и, что уж скрывать, откровенно издевательской миной вручил их Бонч-Бруевичу.

— Почитайте, — сказал ему я, — потом идите на станцию и велите пулеметным командам убираться обратно в казармы. В том, что совершил на Дне Рузский, я вашей вины не вижу. Пока что не вижу. Вам ясно?

Бонч-Бруевич, надо отдать ему должное, взгляд мой выдержал. Сдержанно кивнул, отдал честь и только затем отвернулся. Потом вышел из комнаты.

Я вытер со лба мокрый пот.

Итак, результаты опроса впечатляли. Большая часть Русской армии все-таки осталась с Царем. В реальной истории Николай Второй, подавленный предательством ВСЕЙ АРМИИ не смог сдержать руку и подписал отречение от престола. В отличие от него, я знал теперь, что предательства армии не было. Был лишь заговор кучки высших военачальников.

А телеграммы все продолжали идти. Механический самописец стучал по ленте чернилами. Сообщений пришли уже десятки, едва ли не сотни. Командиров частей и соединений корбила сама мысль отречения! Особенно меня поразили две самые короткие телеграммы.

Текст их обращался не к генералу Рузскому, как в прочих, а лично к царю Николаю, словно сообщавшие знали, что Император прочтет их, и не желали обращаться к клятвопреступникам вроде Рузского, являвшимся предателями хотя бы потому, что рискнули проводить этот позорный «опрос».

Первая телеграмма пришла с Кавказского фронта — от генерала Хана Нахичеванского, азербайджанца, одного из знатнейших офицеров России. Текст гласил:

«До нас дошли сведения, Государь, о невозможных событиях.

Прошу Вас не отказать повергнуть к стопам Вашего Величества безграничную преданность гвардейской кавалерии и готовность умереть за своего обожжаемого Монарха.

Генерал Хан Нахичеванский».

Вторая телеграмма поразила меня еще более.

Она прибыла от генерал-графа Келлера, лихого украинца, почитаемого в войсках «первой пашкой» Империи, корпус которого стоял сейчас на Румынском фронте.

В отличие от генерала Хана Нахичеванского, бывшего восточным человеком, а потому имевшего склонность к витиевтому слогу и позе, Келлер был краток и прост.

Телеграмма его буквально ударила меня в лоб.

*«Мой конный корпус не верит, что Ты, Государь, добровольно отрекся.
Прикажи, Царь, придем и защитим Тебя.*

Келлер». [\[9\]](#)

Прочитав телеграмму, я почувствовал, как сердце затрепетало. «Измена, трусость и обман», — говорил Николай Второй о событиях своего последнего февраля. О нет, прошептал я себе. Пожалуй, стоит сказать иначе: Преданность, Мужество, Долг.

Русская армия не предала своего монарха. Не предала — это была еще одна скотская уловка заговорщиков!

— Телеграфируйте циркулярно, — приказал я, с огромным трудом сдерживая в горле волнение, — всем фронтам, армиям, дивизиям и корпусам.

«Командирам армий, корпусов и дивизий.

Русским солдатам и офицерам.

Заговор Русского подавлен.

Думские предатели — Родзянко, Гучков и Шульгин расстреляны за измену.

*Клятвопреступникам, поступившимся присягой и честью, наказание будет одно
— немедленная расправа.*

Военным руководителям всех уровней предписываю проявить полную энергию при подавлении любых антиправительственных действий или высказываний с применением к изменникам Родины самой решительной репрессии, вплоть до расстрела на месте любых лиц, в том числе вышестоящих офицеров и представителей высшей государственной власти, призывающих к крамоле, заговору или измене против священной особы русского Императора.

Николай».

Закончив основную телеграмму, я перевел дух. Однако мне требовалось как минимум еще две. Я продолжал диктовать.

«Генералу Хану Нахичеванскому.

Безграничную преданность — принимаю.

Приказание одно — реквизируйте поезда и двигайтесь на столицу.

Жду в Юрьеве через три дня.

Николай».

Самую последнюю телеграмму я решился отправить графу Федору Келлеру, чьи слова поразили меня до самой глубины души. В отличие от двух предыдущих, я отправил ее без подписи и без указания адресата, зачитав текст предельно коротко.

«Давеча ты писал мне: придем и защитим.

Говорю тебе:

ПРИДИ ЖЕ И ЗАЩИТИ!»

— Тчк, — закончил диктовать я.

— Это все? — удивился телеграфист.

— Этого даже больше, чем надо!

Всего через час, как доложил мне Воейков несколько позже, Третий кавалерийский корпус генерала графа Федора Келлера выступил на столицу.

С нами Бог!

Девиз на Большом гербе Российской империи

Заняв череп царственного Николая, я стал обладателем его личных воспоминаний. В глубине этого довольно обширного «склада» хранился ценный для меня эпизод.

В начале января все того же злосчастного одна тысяча девятьсот семнадцатого года Николаю Второму поведали удивительную историю, которая не заинтересовала венценосного реципиента, но крайне волновала сейчас меня.

В тот далекий день в кабинет Зимнего дворца, отделанный деревянными панелями и зеленым сукном, вошел приземистый человек в гражданском мундире, с явными повадками жандармского служащего. В чем именно проявляются подобные повадки, сказать точно нельзя. Возможно, в коротких точных движениях, умных, пронзающих насквозь глазах, в пружинной походке, будто идущий сдерживает kloкочущую внутри бешеную энергию — описать такое невозможно, поскольку заключается оно не в совокупности признаков, но в общем впечатлении, производимом сотрудниками государственной безопасности. Не знаю, поражал ли Глобачев своей внешностью царя Николая, однако то, что шеф жандармского отделения *произвел впечатление на меня*, не поддавалось сомнению.

Как прочие руководители ведомств, Глобачев явился в тот день на доклад. Первая фраза, произнесенная царедворцем от контрразведки, и услышанная мной при ознакомлении с памятью Николая, повергла мой разум помощника хронокорректора в шок.

Жандарм открыто и прямо докладывал русскому Государю о предстоящем заговоре военно-промышленного комитета. Дословно звучали фразы: «Гучков и Коновалов готовят государственный переворот». Шеф жандармов делился не просто догадками, но приводил доказательства, называя состав участников предполагаемого «ответственного министерства» по фамилиям. Состав этот, если сравнивать его с реальной историей, почти до последнего человека совпадал с будущим составом Временного правительства, известным мне по данным *энциклопедии*. Глобачев докладывал: авангардом думского заговора является рабочая группа Государственной думы, почти открыто ведущая на деньги предпринимателей, высших чиновников и дворян подрывную работу среди рабочих, призывая к открытому мятежу. Какие там большевики с эсерами, — лидеры левых партий сидели по тюрьмам, ссылкам да за границей. Ни Ленин, ни Троцкий, ни прочие будущие «демоны революции» не имели к происходящему в Петрограде зимой 1917 года ни малейшего отношения. Страну разваливали изнутри отнюдь не социалисты — это делали «свои», представители высших классов, имущих власть и богатство!

Глобачев требовал немедленно арестовать заговорщиков — представителей военно-промышленного комитета, однако... до самого визита на станцию Дно Гучков и прочие лидеры депутатов продолжали разгуливать на свободе. «Что это? — думал я. — Царя Николая поразила болезненная слепота? Детская наивность? Глупость? Мягкосердечность? Слабохарактерность?» Ответа на эти вопросы отыскать было невозможно. Логика поведения последнего русского Императора ускользала от меня.

Единственной причиной, которую я отыскивал, являлась подготовка к победе — именно

так! В то время как общество, по словам одного из депутатов мятежной Думы, «делало все для войны, но для войны с порядком, все для победы, но для победы над властью», Царь поступал с точностью до наоборот.

Все для войны — для настоящей войны с Германией.

Все для победы — для настоящей победы над внешним врагом.

Мощное наступление русской и союзнических армий в апреле 1917-го, по мысли монарха, должно было сочетаться с разгромом думской оппозиции. Смешно, но ту же версию впоследствии открыто подтверждали и сами заговорщики. В энциклопедии, например, я нашел текст мемуаров депутата Милюкова — одного из виднейших лидеров оппозиции. Милюков писал:

«...Твердое решение воспользоваться войной для производства переворота принято нами вскоре после начала войны, ждать мы не могли, ибо знали, что в конце апреля наша армия должна перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство, вызвали б в стране взрыв патриотизма и ликования. История проклянет пролетариев, но она проклянет и нас, вызвавших бурю...»

Это писал заговорщик — вот так и никак иначе!

Царь оттягивал схватку с врагами, пытаясь победить на полях сражений, лелея надежду, что после победы над немцами внутреннее напряжение в стране спадет само собой и оппозиция смирится, не придется ему никого вешать и разгонять.

Оппозиция в то же время ускоряла подготовку к перевороту, чтобы успеть до победы в войне, ибо иначе народ невозможно будет поднять на бунт!

Все это жуткое несоответствие, изуверская «обратная логика» просто не помещались в голове, настолько циничными и в то же время настолько безумными казались подобные размышления. Действия думцев даже невозможно было считать обычным предательством. То, что вытворяли заговорщики (бунт во время войны, бунт против царя-победителя, «чтобы успеть до его победы»), казалось неким извращением, умозаклчением-перевертышем, неспособным уместиться в рамках привычного человеческого сознания.

Откидывая подобные «общефилософские» мысли, я снова и снова заставлял себя возвращаться к размышлениям о насущном. В один из дней, примерно неделю спустя от прибытия в Юрьев, я с самого утра болтался в комнате телеграфистов, то падая на стул, то неспешно прохаживаясь вдоль окон, задернутых тонкой, пропыленной годами тюлью. Воейков и Фредерикс отсутствовали. Сопровождающие лица, исключая нескольких стрелков конвоя, размещались в вагонах царского поезда, однако я, желая в эти критические для страны дни получать новости из первых рук, решительно отказался возвращаться к себе вагон-салон. Под царскую опочивальню приспособили кабинет местного коменданта, на диване которого я проводил долгие ночные часы бессонницы и стремительно несущиеся Дни рядом с громоздким аппаратом связи.

Иногда, отрываясь от текущего управления военной операцией, состоявшей на данном этапе в согласовании многочисленных перемещений армейских подразделений в Юрьев с фронтов, я позволял себе немного отвлечься и побыть обычным человеком, а не руководителем гигантской военной машины. Более всего в этом смысле меня занимал граф Фредерикс, тяжело раненный во время прорыва бронепоезда с достопамятной станции Дно.

Я заходил к нему в «санитарную», врач набрасывал мне на плечи белый халат, и я смотрел на старческое лицо, рассеченное многочисленными морщинами и ужасными шрамами, оставленными каленым стеклом.

Фредерикс чувствовал себя плохо, однако отлежавшись, мог говорить, и мы беседовали с ним на разные отвлеченные темы. Я рассказывал ему пошлые, бородатые анекдоты, неизвестно откуда всплывшие в памяти ископаемого трупа, найденного во льдах, и мы добродушно смеялись. Министр Двора — преодолевая боль в рассеченном до костей лице, его собеседник — преодолевая ужас от творящихся в столице народных волнений.

В один из визитов, впрочем, мне стало совсем не до смеха.

— Как чувствуете себя, граф? — спросил в тот день я, заглянув в палату к старому царедворцу. — Надеюсь, примете своего постылого сюзерена?

Тот слабо пошевелил рукой в ответ.

— Ну... если вы обещаете не заговорить меня до смерти, Ваше Величество, — улыбнулся Фредерикс под бинтами.

Я вошел, посмотрел на него и тут же остановился, пораженный странною мыслью.

Глаза моего министра, обычно веселые и радостные при появлении обожаемого монарха, показались мне злыми и черными.

Я окинул его взглядом еще раз.

— Что-то случилось?

— Да. Я хотел бы приватно поговорить.

По моему знаку сопровождающие медики и охрана немедленно удалились. Фредерикс сверлил меня взглядом.

— Ну здравствуйте, Ники, — произнес он с холодной усмешкой. — Я вижу, вы не скучали.

* * *

Сердце бешено застучало, и догадка кольнула его раскаленной иглой. Министр Двора не мог так обращаться к Николаю Второму, даже оставшись наедине. Да и тон, которым фразу произнесли, сомнений не оставлял. Передо мной сидел...

— Каин?!

Граф Фредерикс неспешно кивнул. Глаза его, обычно лучащиеся преданностью и добротой, теперь наполнились бездной жуткого, морозного мрака.

— Стало быть, узнали.

— Вас трудно забыть.

— Разумеется. Признаюсь, вы первый посторонний субъект, используемый мной для хронокорректировки. Признаюсь еще раз — этот опыт начал меня разочаровывать. Стрельба в ковбойском стиле не к лицу Императору России, вы не находите?

Неизвестно отчего, фраза меня разозлила.

— А вы чего ожидали? — Я прошел вперед и сел перед ним на стул. — Вы не оставили инструкций, и я действовал так, как счел нужным.

— Сочли неверно. Предложенная вам ситуация была довольно проста. Для ликвидации бунта вам следовало всего лишь подписать основной закон, конституцию. Возможно, сменить министров на предложенных Думой кандидатов, сделав это чуть раньше первого

удара заговорщиков. Обнародованный текст ограничивающего самодержавие закона, обещание подконтрольного народу министерства решили бы проблему молниеносно! Я полагал, что вы как представитель более поздней земной цивилизации догадаетесь совершить этот простейший и, признайтесь, довольно очевидный шаг. Николай потерял несколько дней — даже часов, — что и решило судьбу монархии. Обещанием народного правительства невозможно остановить вал стачек и демонстраций на третий или четвертый день бунта. Но в первый или второй день, до измены гарнизона и запрета офицеров стрелять по демонстрантам, это разрешило бы проблему одним ударом.

— Да бросьте, — взмахнув рукой, возразил я. — Реформы невозможны во время войны!

— Не о реформах речь, — уверенно заявил Каин, — всего лишь о легком маневре, способном рассеять ряды заговорщиков. Вам известно, что стачки и массовые выступления спровоцированы крупными фабрикантами и аристократией — клоунами и дураками, лагерь которых крайне неоднороден и разобщен. Если бы вы объявили о частичном согласии с их требованиями, коалиция аристократов, высших военных офицеров, крупного капитала, думцев, крупнейших землевладельцев, правительственных чиновников и даже царской родни — огромная группа людей, и без того рваная донельзя, развалилась бы мгновенно. Противостоящий вам фронт распался, и организованные выступления масс в Петрограде просто бы не начались! При всех своих моральных достоинствах, Николай был упрям, и упрямство его погубило. К 23 февраля в заговор были втянуты представители всех политических сил — даже монархисты, что просто немыслимо! Царя можно понять — недалекий отец завещал ему сохранять устои Империи, Николай почти маниакально верил в русскую народность, православие и царизм — три столпа имперской идеологии, понимаемые им в лучшем смысле указанных слов. Он постоянно, публично и с полным внутренним убеждением клялся соблюдать нерушимость абсолютизма — и соблюдал. Но почему вы не поступили иначе?! У вас же не было вечно пьяного и малообразованного отца, помешанного на идеях самодержавия, и не было деда, которого убили террористы-социалисты? Откуда такое упорство?

Каин покачал головой.

— Вы умудрились протянуть собственную агонию почти до отречения, — продолжил он. — Более того, как и царь Николай, вы подписали текст отречения, по сути, проиграв предложенную мной партию. Понимаете? Вы совершили действие, которое является Точкой Фокуса. Краеугольным камнем моей хронокорректировки было внесение изменений, при которых Николай не подписывает отречение. Результат, достигнутый вами, обратно противоположен моему замыслу!

Во мне вспыхнул гнев.

— Вы сами твердили, что результатом хронокорректировки является максимальный эффект при минимальном воздействии, — возмущенно заявил я. — Исходя из ваших же пояснений, результатом вмешательства можно считать не подписание отречения Николаем Вторым, а сам факт сохранения монархии. Последний царь жив, черт возьми, и это значит, что его царство цело! А бумага, подписанная мной в вагоне, не значит ничего. Кроме того, я хочу обратить внимание на минимальность моего воздействия. В вашем понимании минимум вмешательства заключается в подписании мной Конституции и не подписании отречения. В моем понимании этот минимум — четыре выстрела нагана. В упор, в тех людей, что посмели предъявить царю условия заговорщиков. Чем отличаются наши методы? Четыре пули или одна подпись? Результат неизменен. Империя жива!

Каин прищурился.

— Вы действительно изменились, — загадочно произнес он. — Еще недавно вы не смели повышать на меня голос. Царские замашки?

Я стушевался и покачал головой.

— Простите, всего лишь нервы.

Потом я снова поднял глаза, и мы немного помолчали, рассматривая друг друга — бессмысленное дело, если учесть, что разум и память, спрятанные под чужими черепами, не имели к телам носителей ни малейшего отношения. В одно из мгновений я вдруг подумал, что Каин сейчас исчезнет из тела царского министра, как в прошлый раз, а потому неожиданно схватил его за укутанную бинтами руку. Каин поморщился от боли.

— И что же теперь? — спросил я, не зная, как продолжать.

Министр Двора молчал.

Наконец после долгого размышления, не отрывая от меня взгляда, он медленно произнес:

— Возможно, вы правы, Ники. По здравом размышлении, результат предполагаемого мной воздействия почти не отличается результата, к которому пришли вы, используя собственный способ. Ваш метод затянул сроки и увеличил риск, однако в целом, мне кажется, корректировка развивается в правильном направлении. Однако восстание не подавлено. Ваши скачки по железным дорогам дали бунту страшную фору. Теперь, в отличие от декоративных выступлений семидневной давности, волнение масс действительно угрожает существованию Империи. Подписание конституции и народное министерство уже не помогут, ибо ситуация с некоторых пор не контролируется заговорщиками. Отныне вам противостоят не предатели-депутаты с изменниками генералами, но огромный восставший город! Выбора у вас нет — идите в Питер, Ники, и если вы сможете избежать последствий собственной недальновидности, то... я сохраню вам жизнь.

При этих словах я вздрогнул.

— Я возьму город, Каин. Не сомневайтесь!

Государь не напрасно носит свой меч: он Божий слуга, отмститель для творящего злое.

Апостол Павел. Послание к римлянам, 13:4

10 марта 1917 года. Юрьев

Сутки спустя я изучал карту Питера с тщательно прорисованным на ней расположением мятежных полков гарнизона. О силах так называемых революционных дружин, организовавшихся из массы праздношатающихся безработных Путиловского завода и других промышленных предприятий, вооруженных оружием из разграбленного арсенала, осененных бодростью духа из винных погребов, мне было ничего не известно. Как ни смешно, но штабная разведка, располагавшая сведениями о дислокации и численности немецких или австрийских частей за линией фронта, не имела понятия, что происходит в столице России, почти под боком новой Ставки главнокомандующего.

Царская ставка и соответственно штаб карательной армии обосновались в Юрьеве. После известных сложностей я не решался путешествовать от станции к станции без серьезного военного сопровождения, а потому до прибытия в Юрьев крупных армейских сочинений оставался у Бонч-Бруевича. Выбрав сторону, командующий шестой армией выказывал полное послушание, беспрекословно выполняя мои распоряжения и приказы. После прибытия с Кавказа первых карательных полков Ставку можно было переместить ближе к Питеру, но, посоветовавшись с Ниловым и Воейковым, я решил по-прежнему руководить операцией из эстляндского Юрьева, несмотря на неудобства, связанные с его удаленностью от Петрограда. В последнее время, впрочем, меня волновали не столько мысли о будущем России, сколько мое собственное в нем положение.

«Если вы сможете избежать последствий собственной недальновидности, я сохраню вам жизнь!» — эти слова Каина запали мне в душу. Последняя фраза многое меняла в наших с ним и без того сложных отношениях. Эта фраза переворачивала с ног на голову буквально все. Почти мгновенно, из спасителя и творца хронокорректор превращался в главную и страшную угрозу. Подавление восстания отныне являлось не просто задачей, стоящей перед русским царем или Ники-хронокорректором, — оно стало задачей личного выживания. Я сомневался, что Каин убьет своего помощника в случае провала, однако смысл фразы оставался вполне прозрачен — от моей эффективности зависела моя жизнь! Не важно, сотрет ли Каин мою матрицу из мозга Николая Второго или отправит меня в другое время, другое тело, другую страну. Суть заключалась в ином — с момента произнесения фразы Каин перестал быть мне другом, наставником, он просто использовал меня — *применял*.

Думая об этом, я злился, потом впадал в ужасную меланхолию. Главный вопрос заключался не в опасности наказания. Разум терзала иная мысль — что ждет меня в случае удачи? При утилитарном подходе к использованию помощника результат успешного завершения миссии мог не отличаться от ее провала. Циничный хронокорректор способен

уничтожить и проигравшего, и победителя — сразу, как перестану быть нужным. При этой мысли по позвоночнику скользила ледяная змея. С каждой минутой существования я острее осознавал кошмарность сложившейся ситуации. От паники спасало одно, как ни странно, — безвыходность положения. Ничего, кроме как разделаться с восставшей столицей, мне отныне не оставалось!

Вооруженные силы Петрограда, точнее — расквартированный там гарнизон, примкнули к беспчинствам «мятежа пекарей» на третий день после начала беспорядков. За прошедшее время все полицейские учреждения, суды и отделения жандармерии оказались разгромлены. От правительства и министерств не поступало сигналов более пяти суток. Беляев с Хабаловым либо лишились доступа к телеграфу, либо были убиты. Разведка в столице Империи не предполагалась никаким из планов ведения германской войны, и специальную агентуру в главном русском городе не держали. Именно в этом, если забыть о зависимости от Каина, состояла сегодня моя главная проблема.

Отсутствие разведданных существенно затрудняло и без того скомканную подготовку к подавлению переворота. Нам предстояла сложная военная операция — именно военная, ведь нам противостояли не только анархически настроенные толпы, но и регулярные полки гарнизона, — и без разведки, вслепую, принимать решения казалось невозможно.

Посоветовавшись с Воейковым, ставшего в эти решающие дни ближайшим из моих слуг, я решил компенсировать указанный недостаток простейшим из доступных мне способов. Вызвав Бонч-Бруевича, все еще несколько подавленного своей пассивной ролью в заговоре Рузского, я спросил, есть ли в гвардейском корпусе его Шестой армии бойцы, хорошо знакомые с Петроградом. По-прежнему сдержанный, Бонч-Бруевич взглянул на меня чуть изумленно, потом доложил, что таковые люди присутствуют у него в избытке. Близость столицы сказывалась на составе армий Северного фронта, и коренных питерцев в Юрьеве квартировало достаточно.

В ходе дальнейшей беседы мы отобрали примерно сотню наиболее преданных, по его мнению, конногвардейцев. К чести Бонч-Бруевича, львиную долю фамилий в списке он называл на память (сотню!), не роясь в полковых журналах. Неспособный противодействовать заговорщикам, готовый предать меня несколько дней назад, теперь он ручался головой за каждого из отобранных бойцов. Как я надеялся, на совесть, а не на страх.

— Не подведут, — заверил меня командарм. — Фамилии каждого помню лишь потому, что ребята в основном старой закалки, из остатков довоенной императорской гвардии, большая часть которой полегла на фронтах. Вся сотня — старые кони. Если не они — то никто.

Я кивнул, и смешанная сотня драгун, гусар и казаков маленькими группами, тройками и даже парами устремилась на север и восток — к пылающей пожаром столице. Без шашек, с одними наганами и незначительным провиантом, в гражданских тулупах поверх мундиров, чтобы слиться со снующей по окраинам Питера суетливой толпой, наша наспех созданная разведка растворилась в снежных просторах, едва начавших оттаивать с приходом первых весенних дней. Бездействовать в ожидании их возвращения я не собирался.

Не разбираясь в военной тактике, политике и даже государственном управлении, я находился гораздо в худшем положении, нежели реальный царь Николай. Последний имел военное образование и более чем двадцатилетний опыт правления государством, пусть не слишком удачный. В отличие от настоящего Императора, мне все казалось новым и незнакомым, я ничего не знал, за исключением отрывочных данных *энциклопедии*, и ничего

не умел.

По сравнению с реальной историей, я опережал мятежников ровно на один шаг. Царь выжил, избежал заключения и ареста — но и только. Утешая себя подобными размышлениями, я вызвал к себе «профессионалов» — генералов Келлера и Нахичеванского, тех командующих корпусами, которые первыми откликнулись на мой зов о помощи. Из длинного списка армейских частей, отобранных для подавления бунта, их соединения прибыли раньше других и оставались на данный момент единственными крупными силами, подвластными мне в Юрьеве за исключением Шестой армии Бонч-Бруевича. Остальные «карательные» войска выдвигались медленно. Объяснялась медлительность просто: далеко не все дивизии и корпуса осмеливались покинуть места дислокации, не имея на то приказов командующих фронтами. Заговор Рузского они осуждали, царю проявили преданность, однако двигать полки без подтверждения штабов фронта, а также генерального штаба в Могилеве решались не многие и не сразу.

С самого далекого Румынского фронта, например, где командующим стоял генерал армии Сахаров, резко отрицательно относившийся к заговорщикам, отобранные полки прибывали быстрее, чем с ближайших Западного и Юго-Западного фронтов, где заправляли Брусилов и генерал армии Эверт. Последний, как и Иванов с Бонч-Бруевичем, производил на меня двусмысленное впечатление. К заговорщикам он не присоединился во время «опроса», однако высылать мне помощь явно не торопился.

На Кавказском фронте, где командующим значился мой двоюродный дядя и тезка Николай Николаевич Романов, дела обстояли еще хуже. Из отобранного списка кавказских частей вырвался только генерал Хан Нахичеванский, остальные пока лишь грузились в вагоны. Перемещение большой армейской массы, и без того весьма сложное для громоздкой и неповоротливой русской военной машины, осуществлялось со множеством накладок. Иногда я подозревал, что распоряжения выполняются медленно не только в силу нежелания или сопротивления близких к заговорщикам генералов, а в силу традиционной для России бюрократической медлительности.

В конце концов, после множества согласований и даже угроз с моей стороны, после отставок и арестов (расстрелов пока удалось избежать), процесс сдвинулся с места. Полки и дивизии поплыли к Юрьеву, стуча по рельсам стальными колесами железнодорожных составов. Люди, лошади, продовольствие, орудия, пулеметы, боезапас — все это снималось с полей германской войны и мчалось в Эстляндию. Оставшиеся на фронтах части (а мы снимали с фронтов едва ли пять процентов от общей армейской массы) занимали освободившиеся на линии брешки. Немцы, по счастью, активности не проявляли, слишком ослабленные годами противостояния и тяжелым внутренним положением.

Одновременно с решением важнейшего «транспортного вопроса» пришлось заниматься крупными кадровыми перестановками. Брусилова, несмотря на его почти культовый статус после знаменитой Луцкой операции, от командования Юго-Западным фронтом пришлось отстранить. Западный фронт остался пока под командованием Эверта, и контроль над переброской частей под Юрьев удалось наладить благодаря нескольким жестким предупреждениям.

С верховным руководителем армии генералом Алексеевым дело обстояло сложнее. Одной из самых первых телеграмм, а если говорить точно — четвертой циркулярной телеграммой, отправленной сразу вслед за посланиями Келлеру и Нахичеванскому, я оповестил командующих армиями и корпусами о смещении Алексеева «с трона», то есть с

должности начген-штаба.

Руководителем Главной квартиры назначался командующий Румынским фронтом генерал Сахаров, Алексееву же предписывалось немедленно прибыть в Юрьев для дачи показаний об участии в заговоре военно-промышленного комитета. Молча, как агнец на заклание, генерал-изменник явился ко мне спустя всего несколько часов после отправки сообщения. В подобной «жертвенности» я лично не находил ничего удивительного. Смещение всемогущего главнокомандующего произошло тихо и незаметно — как и в реальном прошлом России, когда министры Временного правительства, бывшие заговорщики и соучастники Алексеева, соблазнявшие его на дворцовый переворот, немедленно забыли о нем, как только указанный переворот совершился. Могущественный временщик, командующий многомиллионными армиями и протянувшимися через пол-Европы фронтами, спокойно сдался «по приказу», разве что поплакавшись в письмах на несправедливую судьбу своим приятелям и знакомым.

В данный момент мой самый страшный «военный» оппонент находился в Юрьеве в одной из стационарных изб, приспособленной Воейковым под импровизированную тюрьму. Ни о суде, ни о расправе над изменником речь не шла — заниматься подобным не имелось ни времени, ни желания. Вместе с Алексеевым полетели головы большинства прочих изменников, фамилии которых стали известны благодаря «опросу». Как и в случае с Алексеевым, головы прочим предателям я рубил не топором, а лентами телеграмм.

Получив короткое сообщение со словами «отстранен от командования», Николай Николаевич Романов отныне грыз виноград в Тифлисе в частном особняке. Арестовать Великого Князя не поднималась рука, все же он приходился ближайшим родственником.

Смещенный Брусилов прибыл в Могилев на место Лукомского заниматься призывом и обучением новобранцев, которых собирали по русским губерниям в преддверии весеннего наступления.

Лукомский, напротив, занял место Брусилова на Юго-Западном фронте, которым командовал в позапрошлом году, до перевода в генштаб.

Северный фронт контролировал лично я, соотнося свои действия с рекомендациями Бонч-Бруевича, графа Келлера и Хана Нахичеванского. Последние двое, собственно, и составляли ныне мой личный военный совет.

По приглашению Воейкова оба явились в мой кабинет. Келлер ворвался в комнату браво и вытянулся, пристукнув кованым сапогом. Нахичеванский, напротив, вальяжно заплыл в помещение, как подобает восточному хану. Впрочем, смотрел Гусейн серьезно и преданно, а огонь, танцевавший в его глубоких черных глазах, пылал не менее горячо.

— Ну-с, господа, как успехи? — начал я с ходу, едва поздоровавшись со своими, по большому счету единственными соратниками. — Что с железной дорогой на Питер? Как дела с прибытием подкреплений?

Оба переглянулись, затем Келлер выступил вперед.

— С рельсами на Питер плохо, Ваше Величество. Севернее Великих Лук и восточнее Ивангорода железную дорогу почти невозможно использовать. Один из наших локомотивов попробовал проскочить за Псков, однако утром вернулся обратно. Известно, что часть дороги за Лихославлем разобрана, начальник станции исчез, железнодорожные рабочие разбежались. Ушли недалеко, — Келлер хмыкнул, — дуракам не хватило ума, так что мы взяли всех, просто почесав ближайшее село. Как оказалось, мастеровые ПЧ проживают рядом со станцией, бежать поленились, расползлись по домам, под бок своим неумытым

барышням. Разобранные рельсы также отыскали без труда. Они же, сиречь местные мастеровые, сами и разобрали. Рельсы сложили метрах в двадцати от дороги, присыпали землей и ветками, поскольку, как объяснил мне один из подонков, вывозить было не на чем, да и лень — революции они не сочувствуют, Думу презируют, а дорогу разобрали просто так, из любви к свободе. — Келлер чуть помолчал. — Я разозлился, Государь, хотел вешать, потом передумал. Дураки они, не враги. Сами разобрали, теперь сами укладывают.

— Так почему плохо, раз рельсы укладывают? — удивился я.

— Время, — ответил Келлер, — уложат только к завтраму. Я все же пригрозил стрелять за простой, пашут как лошади, однако по дороге проедем только в понедельник к ночи. Проблема не в этом — вокруг Питера сотни станций, а дураков на станциях еще больше. Призыв думцев к тотальному неподчинению власти и разбору путей слышали все. Если на каждую остановку тратить сутки, дойдем к столице едва через неделю!

— Понятно. — Я тяжело вздохнул. — Гусейн, что у вас?

— Сахаров вчера добрался до Могилева, принял дела, Ваше Величество, — доложил Нахичеванский, — до понедельника ждет последние резервы с Кавказского фронта, а также от Эверта. Потом выступает. Будет в Юрьеве, учитывая самые благоприятные обстоятельства не ранее чем через три дня. Полагаю, нам надо выдвигаться на Петроград без него.

— Но как? — возмутился Келлер. — Рельсов нет, дорога до Питера нами не контролируется!

Нахичеванский посмотрел на графа с восточным высокомерием, как породистый кот смотрит на пробегающего под окном мохнатого волкодава.

— Железная дорога, милостивый государь, соединила Псков и Санкт-Петербург всего лишь лет десять назад, — произнес он нравоучительным тоном, — однако кавалерия каким-то немыслимым способом умудрялась перемещаться по Европе и до этого. Вы не находите, граф?

Теперь переглянулись мы с Келлером.

— Согласен, — кивнул гигант-украинец, решив не вступать в перепалку с котообразным азербайджанцем. — Это опасно, учитывая наш ограниченный контингент, но возможно.

Приняв решение, я немедленно вызвал в кабинет флегматичного Бонч-Бруевича. Командир Шестой армии явился скоро, и лик его по-прежнему выражал невыразимое смирение перед неизбежным во всякой войне, а уж тем более революции, случаем. Коротко мы изложили генерал-лейтенанту суть дела: Сахаров с последними карательными частями прибудет через три дня — ждать не будем. Имеющиеся силы карательной армии выступают на Петроград походным порядком незамедлительно.

— Глупость, — тут же заявил Бонч-Бруевич, недовольно помотав подбородком, — войск слишком мало, в столице почти двести тысяч бунтовщиков.

— Алексеев когда-то заверял, что восстание возможно подавить парой преданных батальонов, — возразил стоящий в углу Воейков.

— Да мало ли что твердил Алексеев, — возмутился генерал-лейтенант. — Пара батальонов действительно могла бы уладить дело неделю дня назад, до массового локаута на Путиловском. Сейчас, когда сотни тысяч сознательно оставлены без работы, каждый пролетарий — наш враг! Бунтовщики взяли арсенал, оружия и боеприпасов у них хватает. А пулеметы гарнизона? А резервная артиллерия для обороны столицы, вы помните о них? Если подходить к взятию города как чисто к военной операции, как штабист я могу заявить очевидное: до подхода Сахарова и резервов, без решительного перевеса в численности,

операция невозможна!

Задумчиво я постучал пальцами по столешнице. Бонч-Бруевич, вероятно, был прав: за его плечами стоял трехлетний опыт истребительной европейской войны. Атаковать вооруженный миллионный город, такой незащищенный еще несколько дней назад, силами двух неполных кавалерийских корпусов и Шестой армии общей численностью около сорока тысяч штыков, большую часть которых необходимо оставить на фронте для защиты от немцев, казалось делом бессмысленным и провальным, ибо по простейшим подсчетам бунтовщики превосходили нас в численности, как минимум, в шесть раз. Бывший адвокат Керенский, ставший после смерти Гучкова и Родзянко лидером Думского комитета, оказался не дураком, а в каком-то смысле — гораздо более дальновидным деятелем, нежели прошлые предводители оппозиции. В кратчайшие сроки, как сообщали беглецы из города, в восставшем Питере были организованы вооруженные дружины рабочих. В отличие от бесчинствующих вояк гарнизона, склонных к мародерству, грабежам, разбою и бессмысленной стрельбе, отряды пролетариев оказались дисциплинированы и спаяны некой силой, именуемой социалистами чувством классового единства. У них не имелось военного опыта, однако присутствовали дух и решимость. В схватке с правительственными войсками, развращенными идеями «братства и равенства», эта решимость могла оказаться страшной силой!

Келлер заверял меня, что в его Третьем кавалерийском корпусе колебаний не будет и быть не может, по крайней мере, в присутствии государя. Определенно, я верил в это. Самого Николая могли считать ничтожеством и безвольным глупцом, но монархическая идея, к которой мужчин приучали с детства, впитанная с молоком матери, пусть и развращенная ныне либеральной демагогией и марксистской пропагандой, жила в душах русских, в немыслимой глубине, накрытая страхом смерти и усталостью от войны, — но жила.

Под предводительством Керенского болтуны из Думы, ранее напоминавшие клоунов, поразили меня в эти дни своей энергией и напором. В бешеном темпе в Петрограде возникло Временное правительство, которое, в отличие от Временного думского комитета, попыталось овладеть всеми сферами государственного управления на деле, а не на словах. Если учесть арест большинства моих министров и полное бездействие не арестованных, деятельность эта не могла оказаться безрезультатной.

Уже к вечеру первого дня своего существования Временные ввязались в отчаянную схватку за кровеносную систему России — железнодорожное полотно, являвшееся в эти напряженные дни едва ли не важнейшим фактором победы. Битву за железную дорогу вели не штыками и пулями, а как всегда — телеграфом. Хотя результат этой борьбы при всеобщем бардаке, охватившем огромную страну всего за неделю, выглядел несерьезно, он причинил мне множество нервных часов, проведенных за тягостными раздумьями. Особую активность в жизненно важном вопросе проявил некий член Государственной думы инженер-депутат Бубликов. Он заверял коллег, что в первую очередь новое правительство обязано установить контроль над железными дорогами, чтобы предотвратить отправку карательных войск в столицу. В сущности, Бубликов размышлял правильно, однако метод для осуществления своих целей выбрал достаточно идиотский.

По его мнению, для контроля над железной дорогой было достаточно просто занять Министерство путей сообщения преданными войсками. Еще до моего запланированного отречения Бубликов как один из участников заговора думского комитета заранее составил

воззвание к железнодорожникам с горячим призывом поддержать новую власть. Сейчас указанное сообщение живо рассылали по станциям. В ответ в тот же день я приказал Сахарову принять самые неотложные меры для обеспечения бесперебойной работы железных дорог если не в окрестностях Петрограда, то хотя бы в остальных российских губерниях. Беспорядки велел решительно пресекать, не стесняясь самых жестоких мер. Но главное — сопровождать карательные мероприятия активнейшей пропагандой: казнят не бастующих либералов или социалистов, а агентов немецкой разведки, изменников, продавших родину и народ.

Подобные утверждения, безусловно, являлись ложью или, по крайней мере, достаточно искаженной правдой, однако иных мер я просто не находил. Саботаж железнодорожников угрожал не только мне лично и организованной нами карательной экспедиции, он угрожал уже фронту. Срыв поставок хотя бы на несколько суток мог оставить войска без пищи и боеприпасов в случае внезапной атаки немцев, мог стать для страны роковым. Призывы о забастовках, приемлемые в мирное время, сейчас звучали призывами к смерти. Разобранный метр пути в этот грозный момент всеобщего напряжения был в тысячу раз страшнее открытого перехода к врагу!

В частности, Сахарову сообщалось:

«Командующим армиями и отдельными корпусами.

Незамедлительно донести о необходимости иметь наготове специально сформированные и подготовленные отряды для поездов в составе двух рот, не менее чем с четырьмя пулеметами на каждую, для немедленного направления в угрожающие пункты железнодорожной линии в случае порчи пути, мостов и станций.

Бронепоезда привести в повышенную готовность. Любые меры противодействия и саботажа пресекать жесточайше и без каких-либо проволочек.

Единственным адекватным наказанием для лиц, причастных к беспорядкам на Линии, считаю смертную казнь по упрощенной процедуре.

Николай».

Возможно, меры были жестокими но опять же иного выхода я не видел, а самое главное, короткие строчки *энциклопедии*, перечислявшие жертвы предстоящей Гражданской войны — шесть миллионов! — оправдывали для меня любую жестокость. Вырезать тысячу человек сейчас и спасти в будущем сотни тысяч. То был справедливый обмен.

— Не стреляйте, — разъяснял я по телефону ошалевшим от подобной звериной жестокости генералам. — Вешайте — как можно больше и чаще, непременно вешайте, а не просто расстреливайте у стенки. Самое главное — пропаганда. На теле каждого казненного должна висеть табличка, прибитая к гнилому телу гвоздем: «Предатель Родины», а также фамилия, имя, дата расстрела, указание на статью Уголовного закона. И запретить снимать до полного подавления бунта! Люди должны это видеть, вдыхать трупный запах, осознавать. Пусть у воронов будет пища, а у безумцев — пища для размышлений! [\[10\]](#)

Помимо призывов к жестокости я запросил Петроград о судьбе министра путей сообщения и получил вежливый ответ (от думцев), что министерство уже не может

исполнять своих функций. На этот случай при Ставке находился товарищ министра путей сообщения генерал Кисляков, к которому и должны были перейти соответствующие функции в экстраординарных обстоятельствах, неизбежных на всякой войне. Однако и тут меня подвела кадровая политика царя Николая. Кисляков, трусливая рожа, отбыл в Питер сразу после моего задержания на станции Дно «в помощь министру». Как выяснилось позднее, стремительное это исчезновение совершилось Кисляковым по приказу самого Алексеева. Это, в общем-то, был уже откровенный акт измены со стороны начгенштаба, так как контроль над железными дорогами после исчезновения Кислякова автоматически переходил к революционному правительству в лице инженера Бубликова.

Все это, впрочем, была суета. В действительности чей-либо контроль над железными дорогами в самый страшный период восстания являлся такой же иллюзией, как боеспособность 180-тысячного гарнизона Петрограда. По мнению Нахичеванского, отправившего на станции Любань и Тосно тысячу сабель для захвата указанных пунктов после Лихославля и Дна, сообщение о волнениях на железной дороге в этом районе было сильно преувеличено. Беспорядки в Любани носили местный характер, и их вскоре прекратили. Все попытки Бубликова и его помощника генерал-майора Ломоносова (питерский гарнизон) остановить царские поезда в районе Бологое закончились неудачей. Ни один пункт инструкций, присылаемых из Петрограда, железнодорожниками выполнен не был. Усилий местного начальства и вооруженной силы, сопровождавшей царские поезда, оказалось достаточно, чтобы очистить себе дорогу.

То же самое подтверждал сейчас и граф Келлер. Полотно действительно разбирали — но отнюдь не организованные революционеры, подчиненные думскому правительству. Это делали по собственной инициативе балбесы-мастеровые, наслушавшиеся отчаянных призывов из Петербурга смести старую власть. «Мы наш, мы новый мир построим», — горланили они под первач и шли снимать рельсы, совершенно не обремененные указами «Временных министров».

Тем не менее активность Думы и нового правительства начинала меня пугать. В губернские центры чуть ли не ежечасно приходили сообщения с указаниями противодействовать старой власти. Объявлялось, что Питер занят, карательные войска разогнаны, царь казнен, а дивизии и корпуса на фронтах один за другим присягают Российской республике. Учитывая общую обстановку недовольства моим правлением и усталости от войны, эти призывы заключали в себе существенную угрозу. Я опасался не столько восстания в провинциальных губерниях и городах, сколько способности в такой обстановке удержать фронт, — уши ведь были не только у люмпенов в Костроме и Тамбове, но и у немецкой Главной квартиры.

Дума проявляла бешеную энергию не только в распространении пропаганды всеобщего бунта, но и в практических делах в самом Петрограде. Пока мы в Юрьеве стягивали войска и готовились к штурму, депутаты-изменники деятельно готовились к его отражению.

Питерский гарнизон представлял сам по себе не великую опасность, однако, подкрепленный мощью новоиспеченных рабочих дружин, набранных из мастеровых, еще недавно прятавшихся от солдат гарнизона по домам и баракам, он стал страшной силой, ибо численность противостоящих нам восставших отрядов приближалась к полумиллиону штыков: сто восемьдесят тысяч солдат гарнизона и более двухсот тысяч — дружинников-пролетариев.

Без железной дороги, без автомобилей конные армии Келлера и Нахичеванского

доберутся к столице через несколько дней. Были ли у нас эти дни? Германский штаб наверняка прекрасно осведомлен о восстании в России и о том, что я стягиваю к столице лучшие части, оголяя и ослабляя участки фронта. Сам Бог велел Вильгельму атаковать в эти дни! Возможно, для масштабного наступления немцы пока не готовы — у них не хватает людей, средств и сил, уже полгода они балансируют на грани поражения и краха, однако сконцентрироваться и ударить — просто обязаны. Я бы, по крайней мере, такую возможность не упускал — при любом положении армии и экономики.

Неделю назад, когда все только начиналось, положение Питера и засевших в нем бунтовщиков казалось полностью обреченным. Однако сейчас — не тогда. Ситуация менялась по-прежнему необычайно стремительно (в который уж раз!), и я за ней хронически не успевал.

В Москве и в губернской глубинке, развороченной столичными призывами к бунту, росло волнение населения. Дух восстания, весть о котором разносилась по телеграфным проводам быстрее ветра и молнии, просачивался в официальную прессу, и уж тем более в запрещенную. Семена эти находили весьма благодатную почву. Уставшие от войны рабочие толковали о революции все сильнее, бросая злобные взгляды в спины хозяевам и управленцам. Забастовки вспыхивали пока стихийно, без политических требований и не связанные напрямую с событиями в столице, однако слова «Долой!» звучали сильнее и чаще. Даже в армии, считавшейся оплотом власти, в частях, охраняющих фронт, за несколько дней это хаотическое брожение усилилось. Агитация и «беседы» велись, как докладывали новые командующие фронтов, почти открыто, дисциплина падала, доходя порой в удаленных частях до открытого враждебного неповиновения, и капральская палка, а также традиционная жестокость дисциплинарных взысканий уже совершенно не помогали.

Столбы гигантской державы, подточенные тяготами войны, огромными потерями на фронтах, бездарностью руководства, да и, что говорить, собственной безвольностью, беспомощностью и бесталанностью царя Николая, дали трещину, накренились со страшным скрипом от ничтожнейшего толчка — давно раскрытого охранкой заговора болтунов и стали заваливаться у меня на глазах, готовые окончательно рухнуть и погрести меня под обломками!

Время, оставшееся для кардинального решения вопроса, я чувствовал, измерялось уже часами. В любое мгновение, как в далеком 1905-м, могли грянуть кровавыми бунтами промышленные города, вспыхнуть пламенем измученный бездействием и бесславным стоянием на базах Балтийский флот, оплыть потоком массовых дезертиров армия. В отличие от девятисот пятого, сражались мы сейчас не с Японией, и ценой за бардак и безвольность станут не далекие острова и железная дорога в Китае, а исконные русские территории.

Дума, понимая, что не в силах противостоять регулярным частям и в военном плане обречена на разгром, бросалась страшными лозунгами — она предлагала народу Мир! Слово это, вылетая из уст изменников-демагогов, разрывало мне перепонки.

Мир невозможен на пике войны, когда крупинка может сдвинуть чашу весов в одну или в другую сторону. Это понимал каждый здравомыслящий человек, однако можно ли считать здравомыслящим солдата, измученного недоеданием и страхом смерти, три года просидевшего в промерзших или отсыревших окопах, спящего на одной половине шинели и прикрывавшегося другой? Каждый человек в русской армии мечтал сейчас об одном — о мире.

С этим словом, предательски брошенным из столицы и громовым раскатом

промчавшимся по фронтам, в России начиналась новая полоса.

Прошлым вечером Воейков докладывал мне о двух случаях самосуда над офицерами. В царской армии офицерский корпус состоял в основном из выходцев из имущих слоев, за исключением унтеров, набравшихся в годы войны из отличившихся рядовых. Классовое разделение армии присутствовало, таким образом, налицо. В отличие от Воейкова, я знал — если мы проиграем, то через месяц отказ подчиняться приказам, спонтанные убийства офицеров по любому поводу и даже публичные казни командующих фронтов станут явью и буквально затопят армию. После призыва о мире, обращенного к заплешивейшей и загнившей в окопах, обильно наглотавшейся вражеского свинца и собственной крови армии, этот поток не остановит уже никто.

Будем мыслить спокойно, остановил себя я. Как всегда, наш главный критерий — время. Всю прошлую неделю я бессовестно упускал его, растрачивал по мелочам, позволяя самому бесценному из ресурсов — секундам ускользать между пальцами. Враг переигрывал меня из шага в шаг, и самым обидным являлось то, что враг-то, по сути, противостоял мне совершенно никчемный и неподготовленный, глупый, ничтожный фигляр, но тем не менее он переигрывал меня постоянно.

Слепые комедианты из Думы затеяли глупый фарс, но сейчас врагом являлись вовсе не депутаты, а раскаленная войной и слабостью власти революционная ситуация.

В течение более чем пятнадцати лет аристократы и фабриканты, финансисты, банкиры, иностранцы-концессионеры, продажные чиновники и просто бестолковые управленцы доводили народ до ручки — с моего молчаливого одобрения.

Социалисты почти открыто призывали к низвержению власти, кидались бомбами и стреляли в министров, либеральные думские «демосфены» пропагандировали модные западные идеи, что в среде малограмотного населения, едва вылезшего из вчерашнего средневековья, было гораздо страшнее бомб.

И что же? Все это время мой царь Николай бездействовал, позволяя разрастаться раковым клеткам. В стране царили не царь и правительство, а откровеннейший беспорядок, безделье, равнодушие и при этом — самое главное! — почти открытая антиправительственная пропаганда. А самодержец, носитель верховной власти, бездейательно смотрел на этот бардак и умудрился ввязаться со всем этим беспределом в кровавую Мировую войну. Заговорщики в Думе и предатели-генералы служили лишь поводом для запала, сигналом к выстрелу, искрой, от которой вспыхнул огромный артиллерийский запас. Порох, способный взорваться от этой искры, оказался давно готов.

Со всем этим можно было совладать, кабы не приближалась весна. Прекрасно помня последние переговоры с представителями Антанты всего месяца назад — в январе, я знал, что весна 1917 года как по замыслам союзников, так и в кабинетах Центральных держав должна начаться серией кровавых наступлений. Никто ни в Берлине, ни в Вене, ни в Лондоне, ни в Париже не сомневался, что в одна тысяча девятьсот семнадцатом Великая война завершится. В том, измененном мире, из руин которого явились мы с Каином, война затянется до 1918 года, но только из-за выхода из нее России. В новой же реальности все будет так, как должно. Площадкой для решающей схватки должна стать Фокальная Точка — избранный Каином проклятый семнадцатый год. И если немцы начнут сейчас, когда части сняты с фронтов...

С бунтом следовало заканчивать немедленно! План Келлера и Нахичеванского — годен, заключил я. Собрать все силы, наступать на Питер с юга и с запада — походным порядком,

наплевав на железнодорожное полотно. Есть ли иные способы ускорить продвижение войск, кроме железной дороги? Для начала двадцатого века — почти ничего. Автомобильный парк Русской армии ничтожен. Машинами можно перебросить роты и батальоны, но не дивизии и не полки. Авиация — детская, с бумажными крыльями в прямом смысле слова, об использовании ее для переброски военных соединений в начале века нечего даже думать: дирижабли и кукурузники не в состоянии перебрасывать через губернии кавалерийские корпуса. Неужели ничего другого не остается?

Мысль явилась внезапно, как будто сверху, ниоткуда.

Развернувшись на каблуках к ожидавшим моего мнения командующим корпусов, я произнес:

— План Хана Нахичеванского — одобряю. Готовьте полки. Двумя армейскими соединениями выступаем на Петроград походным порядком. Движение осуществляется по сходящимся направлениям со стороны Пскова и Нарвы. Продвижение по первой линии возглавите вы, Келлер, по второй соответственно вы, Гусейн-хан. Добавить хочу лишь одно... в Питер оба корпуса отправятся без меня.

Не дожидаясь недоуменных вопросов, я подозвал к себе Воейкова.

— Вот что, любезный, мне немедленно нужен Непенин. Да, именно. Адмирал.

У России есть только два союзника: ее армия и ее флот.

Александр III

11 марта 1917 года.

Финский залив

Серые воды лупили в броневые пластины, накатываясь на клепаные обводы мрачными, свинцового цвета валами. Безоблачная высь над моей головой казалась бездонной, обрушивая на фуражки и палубу свет миллиардов далеких звезд. На востоке грязной струной виделся Петроград, подернутый низкими сизыми дымами. В обратной стороне, к закату, перед взором моим, широко раздаваясь в сторону к северу и к югу, развертывался дивной лентой безбрежный водный путь. Он вел взгляд мой в Финский залив и далее, к Балтийскому морю, где за свинцовыми водами стояли Хельсинки и Свеаборг, Аланды и шведский Стокгольм. Льда не было там, на западе. Лед сковывал наш путь впереди.

Балтийский флот, основа мощи и морского величия Российской Империи, пять месяцев в году был намертво скован льдами. На зиму, часть осени и весны, западный берег Ботнического залива, Финский залив и Невская губа покрывались незыблемыми торосами, не давая прохода судам.

В мирное время корабли вставали на Большой рейд Кронштадта сразу по завершении летней кампании — то есть в сентябре-октябре, втягиваясь в главную военно-морскую гавань, разоружались и оставались мирно спать на всю зиму, до следующей весны. В военное время все изменилось — ходили столько, сколько возможно, почти до конца ноября. Однако в зимние месяцы, вне зависимости от настроения командиров броненосных эскадр, воды вблизи Питера сковывались иною броней — ледяною.

Беды в этом не было. В плане большой политики казалось обидным, что могучий океанский флот России отстаивается в портах, однако в тактическом смысле оледенение прибрежных вод столицы Империи никак не влияло на ведение боевых действий на море. По словам сопровождавшего меня адмирала Нилова, стратегическое применение сил России в ходе Великой войны ограничивалось стоянием в гаванях и обороной рубежей в соответствии с оперативными планами, утвержденными еще в 1907–1914 годах и разработанными с учетом реального соотношения сил на Балтике.

Иностранные державы тех лет страдали «дредноутной лихорадкой» — созданием гигантских эскадр, и мимо России дорогостоящая эпидемия не прошла. Работы по постройке кораблей шли с полным напряжением сил и ресурсов. Морской министр адмирал Григорович добился доверия Государственной думы, и огромные кредиты, отпущенные на выполнение программы, поглощались Морведом с выдающимся аппетитом.

На Балтике была создана Центральная минно-артиллерийская позиция, идея сражения

на которой стала основой применения сил Балтфлота.

Позиция располагалась в Финском заливе в районе между Ревелем (будущий Таллинн) и Гельсингфорсом (будущий Хельсинки). Одним флангом линия опиралась на укрепления Поркала-удд, другим на крепость Петра Великого, сиречь сам город Ревель. В случае прорыва германского флота водное пространство между указанными укреплениями засыпалось тысячами мин.

В районе Моонзундского архипелага Центральную оборонительную позицию дополняла Передовая позиция между островом Даго и полуостровом Гангэ, а также «Тыловая позиция», по меридиану острова Гогланд. Таким образом, подступы к столице для неприятельского флота надежно перекрывались, и ни одно вражеское судно в принципе не могло оказаться в водах Невской губы. Русские превратили Петроград в неприступную крепость. В то же время я не был склонен рассматривать последнее утверждение как догму.

В начале двадцатого века существовало два технических средства, способных перемещать крупные военные силы быстро и на дальние расстояния — железная дорога и флот. Первое оказалось недоступно, что делало выбор необычайно простым.

Навигация в Финском заливе, согласно данным Нилова, заканчивалась в ноябре и начиналась в апреле. [\[11\]](#) Но только для боевых кораблей. Гражданские суда кочевали между Питером, Ораниенбаумом, Ревелем, Кронштадтом и Гельсингфорсом в марте и даже ранее.

Благодаря ледоколам!

Сутки до описываемых событий.

Поздний вечер 10 марта 1917 года.

Ревель, гавань Балтфлота

При мысли о ледоколах в голове возникало видение стальных титанов, бредущих сквозь ледяное поле по Северному Ледовитому океану. Мрачные железные монстры наползают на белую твердь, раскалывая глыбы величиной с дом чудовищной массой. За тушами разрубающих лед гигантов вереницей ползут торговые караваны...

В Ревельской гавани, однако, Нилов показал совершенно иное. Я увидел перед собой несколько неброских судов, напоминающих буксиры или даже рыбацкие шаланды. Выкрашенные в красный цвет ниже ватерлинии и смотрящие облупленной черной краской выше, с рулевой рубкой, похожей на ржавый лифт, и одинокой трубой, кособоко указывающей на хмурые облака, суденышки не производили впечатления, но казались приземистыми и выносливыми.

По пути в Ревель адмирал рассказывал мне, что первый в мире ледокол был создан как раз для увеличения срока навигации по Финскому заливу по указанию русского судовладельца Михаила Бритнева в далеком в 1864 году.

В Кронштадте небольшому пароходу «Пайлот», принадлежащему Бритневу, срезали нос под незначительным углом к линии киля, в результате чего судно могло наползать на лед и ломать его своей тяжестью. В некотором смысле идея была не нова, за образец Бритнев взял

форму торосных лодок, применяемых поморами в далеком Средневековье.

22 апреля 1864 года первый в истории ледокол впервые вышел на пробу в Финский залив, пройдя из Кронштадта в Ораниенбаум. Осенью того же 1864 года знаменитый в будущем русский адмирал Макаров писал по этому поводу:

«Маленький пароходик совершил невозможное — расширил время навигации осенью и зимой на несколько недель!»

Передо мной сейчас стояли три ледокола, наследников легендарного «Пайлота»: «Ермак», «Волынец» и «Тармо». Справа и слева от ледоколов на рейде, как на параде, выстроились стальные красавцы Балтийского флота — знаменитые линкоры «Слава» и «Андрей Первозванный», «Император Павел I» и ветеран Цусимского боя блистательный «Цесаревич». Чуть далее, в сторону к бескрайнему водному полю, сверкали стальными бортами новейшие «Гангут» и «Полтава», «Петропавловск» и «Севастополь». По обе стороны от чудовищных туш линкоров курили в небо легкими прозрачными дымками крейсера, эскадренные миноносцы, плавучие краны, минные заградители, транспорты. Тут и там между могучих гигантов прятались баркасы и паровые катера.

Непенин, в гости к которому спешили мы с Шиловым, находился в чине вице-адмирала. В отличие от Нилова, он являлся не царедворцем, а руководителем страшной военной силы, именуемой русским Балтийским флотом, и чтобы осуществить задуманное, нам следовало явиться к нему.

Обдумав ситуацию, я решил не телеграфировать о прибытии заранее. Отставки последней недели миновали вице-адмирала, и я надеялся, что фокус, который прошел с Бонч-Бруевичем, получится и с Непениным. Командующего Балтфлотом нельзя было считать откровенным заговорщиком как Рузского или Алексеева, но он принял отречение царя, как сделали Иванов или Великий Князь Николай Николаевич, — об этом не стоило забывать. Таким образом, позиция вице-адмирала могла внушать шансы, но могла оказаться западней.

Спрыгнув с подножки «царского автомобиля», который до этого времени бесполезной ношей хранился на бронепоезде, я подошел к будке КПП, предвещающей въезд на территорию порта. Вслед за мной из авто вышел Воейков, однако я остановил его жестом и попросил вернуться в кабину. Ни пропусков, ни паролей у нас не было, а потому заморачиваться с формальностями я желания не имел.

— К адмиралу Непенину, — просто заявил я, наклонившись к окну дежурного.

Матрос недовольно поднял на меня взгляд, но после мгновенного узнавания по скуластому лицу его прокатилась вся гамма чувств, ведомая человеку. Не знаю, как постовой относился к царю и самодержавию, читал ли Маркса и какими словами крыл войну, сидя за чаркой «смирновки» с товарищами по службе, однако при виде своего Самодержца реакция не могла быть иной.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ваше Величество! — выпалил моряк, выскочил на улицу и немедленно поднял шлагбаум.

— Куда? — спросил я, возвращаясь в автомобиль.

— Третий этаж, канцелярия, — проорал он, взирая на меня округлившимися глазами. — Вон там, Государь!

И показал мне на здание.

Когда мы вошли, Непенин сидел за столом. Ни охрана, ни адъютанты не посмели остановить царя, а потому я ввалился к командующему флотом совершенно неожиданно.

Вице-адмирал поднял взгляд. Совсем недавно этот человек предал меня, отрекшись от клятвы верности и призвав к отречению от престола. Однако сейчас, перед лицом своего сюзерена, даже мысль об измене не смела коснуться его сознания.

Не знаю, в чем заключалось тут дело. Большая часть российских жителей все же воспринимала самодержавие негативно, раздраженное поражениями в войне и внешней слабостью Императора. Однако даже в прошлой версии русской истории, известной мне из виртуальных статей, большинство революционеров и заговорщиков приходили в растерянность перед лицом «царствующего ничтожества», а конвоиры, охранявшие Императора после ареста, испытывали при нем робость и стыд, за исключением, может быть, последней, специально присланной большевиками команды царубийц.

Разумеется, в этом не было заключено ничего мистического, и физически ощутимая каждым россиянином аура Самодержца объяснялась рациональными соображениями. Монарх не может быть просто человеком. Он является символом, олицетворением страны, ее истории, ее народа. Возможно, поэтому ни один из злейших клеветников Николая, от Керенского до Свердлова, наедине с арестованным монархом не смели бросать ему в лицо обвинений, провозглашаемых на митингах перед толпами.

Ибо ты можешь изменить своему Знамени, бросить на поле боя, сжечь, сломать и даже отдать врагу. Но ненавидеть его — никогда. Особенно если оно смотрит тебе в глаза.

— Мне нужна ваша помощь, господин вице-адмирал, — просто заявил я.

— Все что угодно, Ваше Величество!

Утро следующего дня началось человеческим ураганом. Стихия подошла незаметно — в четыре утра, как только пробили склянки, на флагманском крейсере «Рюрик» к клотику мачты поползли сигналы: сняться с якоря!

С этим сигналом Большой рейд вздрогнул. Со всех сторон послышался зубовный скрежет цепей, стон стали, ужасные гром и рычание силовых агрегатов, завывание сотен рвущих перепонки сирен, — под полыхание андреевских флагов Балтфлот покидал свою базу.

По совету Непенина корабли эскадры разбили на три отряда — согласно количеству ледоколов. Каждый отряд соответственно вели «Ермак», «Волынец» и «Тармо». Эскадры за ними построились в кильватерную колонну. Шли по ранжиру: впереди дредноуты, затем крейсера, за ними эсминцы и, наконец, транспортные суда с пехотным десантом, замыкающие незамысловатый походный ордер.

Первый отряд включал «Андрея Первозванного», «Славу» и «Императора Павла».

Второй — «Полтаву», «Севастополь» и «Петропавловск».

Третий отряд возглавляли два линкора — «Цесаревич» и «Гангут».

За линкорами двигались крейсера, также распределенные по трем колоннам: «Рюрик» и «Адмирал Макаров» — в первой, «Богатырь» и «Олег» — во второй, наконец «Диана» и «Аврора» — в третьей. Затем следовали эсминцы и транспорты, в основном бывшие гражданские пароходы. Более мелкие суда и подводные лодки остались в Ревельской гавани.

Линкоры возглавили кильватерный ордер не случайно. Ледоколы с трудом разламывали мерзлое поле, и пробитый ими фарватер был узок для морских кораблей. «Гангуту», «Андрею Первозванному» и «Полтаве» приходилось тяжелыми бронированными корпусами

по возможности его расширять. Продвигаясь сквозь замерзшее море, три несчастных линкора содрогались от сокрушительных ледяных ударов.

За время пути от Тарту к Ревелю я успел подробно ознакомиться с судьбой Балтийского флота, и сейчас она казалась мне странной. По данным *энциклопедии*, новейших кораблей, построенных по образцу знаменитого британского «Дредноута», на 1917 год в Балтфлоте имелось целых двенадцать. Однако в годы Великой войны они не участвовали ни в одном сражении и стояли прикованные к причальным стенкам. Война на море, исходя из ее пассивно-оборонительной тактики, принимала для России такой характер, что линейный флот, на который потрачено было столько надежд и усилий, не требовался. Однако будущее российских кораблей, подробно расписанное в *энциклопедии*, казалось еще более гнетущим.

Строительство *четырёх* новейших линкоров-супердредноутов, ^[12] потребовавшее затрат колоссальных средств и сил непосредственно во время войны, явилось напрасным рывком — после революции они не были достроены, после Гражданской — проданы на слом.

Восемь новейших крейсеров ^[13] так и не вступили в строй. После революции либо взорваны англичанами, либо переделаны в плавучие базы и танкеры.

Два крейсера, построенные и едва спущенные на воду в немецком Данциге, ^[14] конфискованы немцами в первый же день войны — то есть буквально подарены врагу.

Девять эсминцев, заложенные на Мюльграбенской верфи в Риге, ^[15] также не достроены, а их паросиловые установки, изготовленные в Германии и полностью оплаченные российским золотом, использованы на немецких эсминцах.

Однако будущее *достроенных кораблей* поражало меня еще более.

Читая справку, описывающую историю русских военных судов после революции, я только моргал глазами, не вполне веря содержанию прочитанных фраз.

«Взорван англичанами при отступлении интервентов», «конфискован Германией по условиям Брестского мира», «интернирован во Францию по окончании войны», «после революции отбуксирован в Турцию», «продан на слом датской фирме», и, пожалуй, самое достойное в позорном списке — «разобран на металл в Петрограде»...

Судьба корабля, говорят, подобна судьбе человека. А значит, линкорам и крейсерам, что я вел сейчас к устью Невы, было за что сражаться.

За свое будущее или за достойную смерть!

* * *

Всего отряд для пиратского налета на собственную столицу насчитывал восемь линкоров, шесть крейсеров, двадцать судов сопровождения, одиннадцать тысяч (!) человек штатного экипажа и восемнадцать тысяч бойцов абордажных команд.

В качестве первоначального флагмана для экспедиции я выбрал «Гангут». Традиционно флагманским кораблем Балтийского флота являлся не сверхдредноут, а легкий быстроходный крейсер. Для Непенина во время войны таковым был новейший Рюрик, однако я не видел необходимости следовать примеру вице-адмирала. В морском сражении, возможно, это имело смысл, однако для нашего рейда являлось новацией бесполезной. Как было принято в эпоху парусных кораблей и эскадренных броненосцев, я выбрал в качестве флагмана самый могучий линейный корабль.

Старые линкоры типа «Андрея Первозванного» или «Императора Павла» имели 926 человек экипажа и бронированный корпус в 140 метров от кормы до носового тарана.

Новейшие «Гангут», «Петропавловск», «Полтава», «Севастополь» — 1094 человека по штату и длину корпуса почти в 200 метров!

Нахождение на подобном стальном чудовище было явлением фантастичным, невообразимым — оно вдыхало в меня восторг. На верхней палубе хозяйничал трескучий мороз, а внизу, в машинном отделении, стояла невыносимая жара — котлы держались на максимальном давлении. Выдавая пределы мощности, паровые машины влекли нас сквозь толщу льда. Вперед, только вперед!

Вскоре гавань скрылась из виду, один за другим потекли часы. С движением времени скрежет бортов о заснеженные торосы становился ужасным, гнетущим. Корабли, казалось, с трудом выдерживали сопротивление льда, достигающего местами толщины метра и более. Спускаясь вниз, я слышал, как сдавали заклепки, срезаемые льдом с броневых листов с характерными щелчками. Тут и там появлялись течи. Машинисты устраняли их, то стоя в ледяной воде, то вдыхая грудью адский жар топок.

В первый день прошли всего десять миль. С наступлением ночи движение поневоле прекратилось — для устранения течей. До полуночи заделывали швы на «Гангуте» и «Первозванном». Ночью мороз стал крепче. Матросы сотнями высыпали на лед, долбили его ломами и пешнями, чтобы суда не вмерзли. Это не помогло — только утром, когда ледоколы медленно проползли вокруг эскадры, освобождая из ледяного плена, кильватерные колонны снова тронулись в свой тягостный путь.

Второй день был не лучше — израненные льдом «Гангут» и «Андрей Первозванный» уже шли в колоннах третьими — за ледоколом и передовым кораблем. Только «Полтава» по-прежнему лидировала в своем порядке, следуя сразу за кормой «Ермака». Однако уже к полудню из-за сильной течи ее сменил «Севастополь». В ярком солнечном свете ледяная гладь казалась ясной и ровной, оттого передовые суда держались сейчас уверенней. К вечеру миновали траверз маяка Южный Гогландский. Затем, меняя флагманские дредноуты, ползли сквозь бескрайнее поле льда всю ночь напролет.

Следующий день оказался более сложным. Несмотря на весну, лед в Финском стоял еще тяжелый и крепкий, корабли то и дело останавливались, ледоколы не успевали выручать их из ледяного плена.

В 8 часов утра застрял в тисках «Цесаревич». Его спас «Ермак», однако в 10 часов линкор снова остановился. Ледокол опять выручил. Однако еще часом позже встали все три передовых сверхдредноута — лед словно могучими клещами вырывал из эскадры широкогрудые корабли! Ледоколы освобождали их, то вырываясь вперед, то возвращаясь обратно, однако время убегало неумолимо.

К вечеру появились большие торосы — целые горы ледяных глыб. Они образовались из осенней шуги перед ледоставом и теперь представляли целые крепости, еще более замедляя и без того ничтожную скорость нашего продвижения. Фарватер пришлось прокладывать змейкой.

Третья ночь застала флот между островами Гогланд и Лавенсари. Здесь Непенин провел осмотр повреждений. Эсминцы и гражданские корабли, к моему немалому удивлению, оказались повреждены меньше — как выяснилось, пробитый сверхдредноутами фарватер был для них очень широк. Максимальные повреждения обнаружились именно на линкорах, ведь фарватер небольших ледоколов оказался для них слишком тесен. К неописуемому

страданию экипажей, не обошлось без потерь. На героической «Полтаве», дольше всех линкоров выдерживавшей натиск льда, обнаружилась сильная течь. Корпус треснул. Посоветовавшись с Непениным, дредноут решили оставить во льдах с небольшой командой.

Утром вынесли новый вердикт: сцепить ледоколы и действовать двумя тягами, чтобы разбивать ледяные горы. Попробовали — получилось. Новый способ принес некоторое облегчение: он позволил расширить фарватер, и огромные линейные корабли наконец смогли идти чуть свободней. Это, впрочем, продолжалось недолго. На залив стал опускаться густой туман, который скоро охватил все вокруг. Стемнело так, будто вернулась ночь. Почти до полудня корабли застыли на месте. Когда к обеду туман рассеялся, и мы снова двинулись — медленно, останавливаясь то и дело. «Гангут» с «Севастополем», опять ставшие «передовыми» за ледоколами, давали задний ход, затем с разбега крошили заторы! Между кораблями сновали «Ермак» и «Тармо», помогая колоннам продвигаться по узкому коридору, края которого подчас возвышались над палубой эсминцев и гражданских судов. Не шли по морю — ползли словно по тоннелю. Каждый метр давался с чудовищным напряжением, изматывая нервы командам, сминая броню кораблям.

К полуночи наконец вожделенное совершилось. Передовые колонны вышли к траверзу Толбухинского маяка, а вскоре, освещенный луной и звездами, передо мной открылся золоченый купол Кронштадтского Морского собора. Весть с мостика мгновенно разнеслась по судам, скользя к трюмам от радиорубок. Узнав о приближении цели, замученные изнурительным трудом, люди вздохнули с облегчением, словно набрались свежих сил. Пугающие ледяные торосы под бронированными бортами вдруг застучали для нас победным грохотом, а на мачтах боевых кораблей торжествующе запылал триколор.

В пять вечера передовой «Петропавловск» миновал траверз Большого Кронштадтского рейда. Еще часом позже мой флот оставил Кронштадт за кормой.

Вскоре показался Васильевский остров и вместе с ним, о чудо, свободная водная полоса — прибрежный фарватер, пробитый питерскими ледоколами между торговым столичным портом и устьем Большой Невы.

В преддверии схватки три колонны выстроились в одну. Избитые сверхдредноуты, с мятой броней и потерявшие ход, вышли в конец походного ордера. Впереди, обогнав ледоколы, линкоры и транспортные суда, теперь шли быстроходные крейсера. Первыми — «Рюрик», «Макаров», затем «Олег» и «Баян».

Замыкали передовую партию устаревшие «Аврора» с «Дианой». Мы с Непениным перебрались на «Аврору» — старый рейдер, весь путь из Ревеля шедший в конце походного строя, а потому наименее пострадавший от битвы со льдом. Наименее боеспособная по сравнению с прочими военными кораблями, она должна была стать моим штабом. На клотике ее мачты над серым морем и городом взвился штандарт Императора.

В одиннадцать ночи действующий флагман Балтфлота бронепалубный крейсер-разведчик I ранга «Рюрик» пересек бронированным форштевнем условную границу Санкт-Петербурга.

Императорский флот бесшумно входил в бунтующую столицу.

15 марта 1917 года.

Черными глыбами корабли вползали в Неву. Движение их казалось мне медленным, однако для царящего вокруг неспешного века скольжение стальных туш было скорым необычайно. Электричество в Петрограде отсутствовало уже месяц, а потому в домах вдоль Набережной и Галерной горели освещенные лучиной окошки. Жители наверняка заметили наш визит. Возможно, некто расторопный из сочувствующих революции обывателей уже спешил предупредить моего врага о приходе эскадры. Только вот некого было предупреждать в этот час!

Теоретически революционная Дума заседала всю ночь и, действительно, кто-то из депутатов толкался в Таврическом до утра. Однако министры Временного правительства, от которых зависело сейчас все, в поздний час находились в собственных роскошных квартирах. Бдительность мятежного гарнизона также соответствовала представлениям «солдат революции» о дисциплине. Оставшихся в живых офицеров заставляли согласовывать приказы с «Комитетом избранных депутатов» не только полковых, но даже батальонных и ротных. Каждый боец мог пристрелить командира любого ранга без разговоров. В этих условиях речь о дисциплинарных взысканиях, послушании и субординации, разумеется, не велась. Дозорных с грехом пополам высылали, но занимались дозоры и патрули в основном грабежами и мародерством. Пока царские корабли выходили к траверзу Зимнего, большая часть гарнизонных войск почивали или пьянствовали в бараках.

Наименее разложившиеся отряды охраняли южные подступы к столице, с которых ожидалось вторжение карательных корпусов Келлера и Нахичеванского. На Витебском и Московском шоссе, что протянулись к Питеру от южных его границ, Временные и Советы каким-то чудом умудрились поставить боеспособные патрули. Менее боеспособные, но многочисленные и мощные армейские подразделения размещались в казармах по всей столице. Однако в центре многомиллионного города наличные силы бунтовщиков ограничивались Преображенским полком, квартировавшим в эти суетливые дни в Петропавловской крепости. От преображенцев выделялись караульные группы для охраны Зимнего, Адмиралтейства, Генерального штаба, почты, телеграфа и прочих наиболее важных строений.

Дальнейшие события разворачивались молниеносно по заранее прописанному нами с Непениным плану. Крейсера разошлись по реке, заняв входы в притоки Невы и каналы. Линкоры вползли степенно, встав в Центре позиции, напротив Заячьего и Васильевского островов, вдоль Дворцовой набережной и Сенатской.

С мостика «Авроры» я видел, как комендоры боковых орудий «Севастополя» и «Гангута» разворачивают стволы к Петропавловской крепости и Зимнему дворцу. Вслед за бортовой артиллерией развернулся и главный калибр линкоров — великолепные 305-миллиметровки. Однако гигантские башенные орудия уткнулись взором только в одну сторону — в стены Петропавловской крепости, игнорируя прочие строения вдоль Невы. Эскадра замерла, как готовящийся к прыжку хищник.

Непенин неспешно поднес к губам рожок громкоговорителя и четко отдал команду. Повинуясь негромкому слову, пронесшемуся мгновенно сквозь переплетение проводов, стальные громады барбетов взорвались громовым раскатом. Боковые орудия молчали, однако главного калибра мне с лихвой хватило для впечатлений. Рывок зарядов отдался в

свинцовом небе вспышками пламени и гулкой вибрацией бронированных корпусов. Чудовищные шестиметровые стволы качнулись дружною колоннадой, и с ужасающим грохотом фугасы в железных рубашках умчались к цели!

В первые мгновения Петрова крепость окуталась густым дымом и пыльным маревом из осколков каменных стен и поднятого в воздух песка. Когда же коричнево-серая эта туча рассеялась, я увидел, что бастионы и стены знаменитой цитадели осели, обрушились внутрь слоями, как будто песочный замок, омытый шальной волной. Бастионы лишились привычной своей угловатости, контрфорсы оплыли и обрушились внутрь.

Стоящий рядом Непенин пояснил, что бомбардировка крепости не ставит целью ее разрушение или уничтожение засевших преображенцев. Задача поставлена значительно уже — подавить крепостную артиллерию и пулеметы. В противном случае даже легкие орудия Петропавловки, глядя жерлами стволов в стоящую на Неве эскадру, могли стрелять по кораблям прямой наводкой, в упор. Дело, впрочем, решилось с первым же залпом. При виде чадящих пылью руин, в обломках которых покоился сейчас шпиль собора Петра и Павла, могилы царственных предков Николая и знаменитый Монетный двор, не хотелось даже думать о том, что творится сейчас внутри уничтоженной цитадели.

Тем временем Непенин проговорил в трубку очередную команду, и орудия стали медленно разворачиваться. Абордажные команды с эсминцев, транспортов и торговых судов заспешили к гранитным набережным Невы, к Васильевскому острову и Зимнему. Десантные боты, дружно работая веслами, стремительно понеслись по воде. Массивное тело «Гангута» продвинулось чуть вперед, и орудия титанического линкора, способные выдавать по четыре гигантских снаряда в минуту, тупыми обрубками дул усталились на пустующий Невский проспект. Великий царь Петр когда-то планировал улицы «идеально», то есть ровными линиями. Стволы корабельных орудий смотрели сейчас только вдоль этих линий, простреливая столицу практически насквозь. Спустя секунду на «Гангуте» включился морской прожектор, и погруженный в грязно-снежную дрему Невский проспект осветился электрическим светом.

— Пристрелочный, — сказал в трубку Непенин. — По Аничкову. Пли!

Главный калибр линкора оглушительно рывкнул, снаряд ушел за Фонтанку. Полуобернувшись ко мне, Непенин кивнул. Этот жест означал «отлично». Кто бы ни двинулся сейчас через Лиговку, Невский, Измайловский или Московский проспекты, он будет смят, разорван и погребен корабельной артиллерией.

Высадка между тем завершалась. Защелкали глухие винтовочные выстрелы на развалинах Петропавловки, и скоро, почти бесшумно, разворачивались на Набережной наши абордажные партии. Десант раскручивался сжатой стальной пружиной. Без выстрелов взяли Зимний. Преображенцы бросали винтовки, едва завидев матросов, вливавшихся прямо в парадный вход. Отдельные отряды неслись к почте и телеграфу, станциям, вельможным дворцам и правительственным зданиям. С линкоров и крейсеров спускали снятые в Ревеле пулеметы. Мы закреплялись на захваченных позициях, готовясь перейти к обороне. Крайний рубеж постановили с Непениным закрепить на Фонтанке — на охват большей территории уже не хватало сил.

Последнюю линию соответственно составляли застывшие на Неве корабли. Ночь медленно скользила во тьму, накрывая северную столицу злыми, тревожными крыльями. Тридцать минут спустя вернулись конные атаманы, посланные мной в город с первыми партиями морского десанта. Гарнизон Питера пробудился. Разбуженные громом падения

Петропавловской крепости, мятежники протирали глаза, натягивали портки, хватали винтовки и спешили к захваченному мной маленькому плацдарму. Лишенным лидеров, правительственных зданий, связи, электричества, центра своего города, а главное — единой координации и сплоченности восставшим требовалось время, чтобы прийти в себя. Делиться этим важнейшим ресурсом я совершенно не собирался.

— Что с обороной? — спросил я Непенина, едва дозорные казаки оставили мостик.

— По плану, — кивнул вице-адмирал. — Через кордоны не пролетит муха, Ваше Величество. Орудия линкоров простреливают полгорода насквозь. В районе Сенатской из незадействованных отрядов у нас собрался крупный резерв, и, я полагаю, не стоит ограничиваться обороной.

Он показал перчаткой через Неву.

— Предлагаю разделить резерв на два отряда. Первый рванет к Путиловскому, второй десантируем на Петроградскую сторону. Кроме того, можно начать бомбардировку восставших казарм и заводов, где базируются рабочие дружины. Если сейчас приступим, к утру останется только щебень.

— Остыньте. — Я похлопал его по плечу. — Нам вовсе не надо брать город штурмом или выкуривать восставших из берлог огнем артиллерии. Из здания телеграфа нужно *заранее* сообщить во все города Империи, что восстание в столице полностью подавлено правительственными войсками. Для населения расклеим листовки: беспорядки прекратить, всем сложившим оружие — полная амнистия и никакого уголовного преследования; хлеб в город будет завезен в ближайшие дни, локауты на заводах отменены. Но самое главное — казармам и заводам отправим парламентеров с простым сообщением: царь ждет делегатов от солдат и рабочих завтра, к двенадцати часам дня...

Я развернулся к вице-адмиралу на каблуках. — С условиями сдачи, разумеется!

* * *

Население Петрограда на самом деле ничего не решало. Расклеенные листовки с призывом прекратить восстание носили скорее «сопутствующий» характер и никаких особых надежд я на них не возлагал.

Слабым аргументом являлись и орудия дредноутов, ибо я сильно сомневался, что моряки станут бомбить рабочие предместья с женщинами и детьми даже по личному приказу царя. Расстрел столицы из двенадцатидюймовых орудий действительно сделал бы Меня «Кровавым», превратил в чудовище в глазах подданных, но главное, в случае упорства восставших не стал бы решающим фактором для победы.

Наличие людского резерва для атаки на Петроградку или Путиловский тем более не играло роли, поскольку взять бунтующий город полностью у меня не хватало сил. И все же решение, принятое отдельными полками и рабочими комитетами крупнейших заводов, не казалось мне необычным, ибо являлось для них единственным в сложившихся обстоятельствах.

Каждая рота и каждый комитет в этот краткое, но чрезвычайно напряженное время принимали решение о своем будущем отдельно от прочих. Делегации от одного полка или завода другому носились по городу совершенно бесцельно, убивая время в массовых митингах и шумных голосованиях, а оставшиеся на свободе ораторы революции надрывали

глотки в пламенных призывах «не сдаваться режиму». В результате к девяти часам утра следующего дня батальон самокатчиков договорился с Советом казачьих войск выступать к Фонтанке «воевать» с царем, однако уже после принятого полковым Советом решения рядовые казаки заявили, что без пехоты с одними броневиками выступать не пойдут. Да и маловато двух частей против флота.

Депутаты Думы, представители революционных партий, а также просто сочувствующие лица не унимались: срочно созвав Временный комитет, отдельные «активисты» попытались уговорить Уральский пехотный полк присоединиться к атаке самокатчиков и кубанцев на центр города. Уговорили. Пошли. Казачки сообщили что уже «седлают коней», но на деле седлали их слишком долго — вследствие невыясненных, но вполне понятных всем обстоятельств. Уральцы, простояв на площади перед Витебским вокзалом почти три часа, злобно матерясь, вернулись в казармы.

То же происходило с рабочими дружинами. Гордо разгуливать патрулями с винтовками за плечом пролетарии за две недели выучились на славу. Однако желанием лезть на пушки и пулеметы в условиях ожидающегося завоза хлеба, а также карательных частей с передовой никто из мастеровых не горел. Обещание амнистии и отмены локаутов буквально выпаривало из пролетарских дружин боевые единицы за каждый час этого «мирного» противостояния. Несчастные жители столицы, по самое горло наевшиеся бунта и митингов за последние две недели, вздыхали с облегчением, что кровавая феерия насилия, голода, грабежей и беспорядков наконец-то подходит к концу.

В то же время мы с Непениным не сбавляли напор. В качестве средств агитации выступали не только листовки и ожидание переговоров. Укрепив за ночные часы линию обороны, — за мостами мы наваливали баррикады, как раз в духе революционеров, — отдельные отряды десанта заняли Витебский вокзал, затем Московский вокзал, Троицкий рынок, Шереметевский дворец, Таврический дворец и наконец Смольный институт. Абордажными командами на шлюпах захватили также ближайшие к центру мосты через Неву.

В единую линию обороны новые здания не включались, оставаясь как бы анклавами на вражеской территории, однако нужное впечатление эти «уколы» производили. Удивительно, но отряды для взятия «анклавов» перемещались к десяти часам по городу уже совершенно свободно, не встречая никакого сопротивления, что, разумеется, можно было списать только на полную неготовность мятежных частей к такому развитию событий. Мост перед Гренадерской улицей, например, охранял дозор с пулеметом, однако, увидев две приближающиеся лодки с незначительным десантом, революционные солдаты просто ушли.

Уже к одиннадцати часам стало ясно, что город сдан.

На территории за Фонтанкой, незанятой моими бойцами, практически ничего не изменилось: стояли те же здания заводов и гарнизонных корпусов, находились те же самые «революционные» мятежники, почти в том же количестве. Вооруженные до зубов — винтовками, пулеметами, даже броневиками.

Но исчез неистовый дух, что питал этих несчастных людей ровно двадцать три дня. На самом деле дух этот исчез значительно раньше — как только люди пресытились творимым ими же беспределом. Восставших сплавивала в последние дни скорее необратимость уже совершенных преступлений, нежели свободолюбивый азарт, который двигал ими в начале бунта.

Последним ударом по мятежу оказалась, как ни странно, идея Воейкова,

предложившего мне *официально распустить* бунтующие полки и отправить их состав с действительной военной службы по домам с последующей бронью от призыва и снятием ответственности за дезертирство. Как только невзрачные листочки с текстом приказа были расклеены на домах, мятежные части сократились едва не наполовину. Оставшиеся в Петрограде солдаты уже ни на что не годились — только митинговать.

Когда спустя сутки мне сообщили, что от Царского по направлению к Питеру движутся передовые разъезды генерала Келлера, город уже был полностью мой.

Победа казалась полной, а торжество — абсолютным. Я не знал еще, какие страшные вести несет с собой мой преданный генерал.

Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя блага и для спасения Матушки России.

Дословный текст телеграммы Николая Второго депутату Родзянко, 22 февраля 1917 года реальной истории

16 марта 1917 года.

Зимний Дворец. Малахитовый кабинет

Келлера я снова встретил уже во Дворце. Немногочисленные личные вещи пока находились на «Авроре», однако делегации от не успевших разбежаться мятежников и группы восторженных горожан решил встречать в Зимнем, чтобы придать встречам по возможности официальный характер.

Жители Петрограда, измученные двадцатидневным хаосом и насилием, были успокоены отменой массовых увольнений, объявлением брони от фронта для работающих на заводах и завозом в столицу хлеба. Солдатам соответственно я обещал отправку в резерв. Отчасти то была ложь во спасение — хлеб завезут, заводы и фабрики, переведенные на прямое военное финансирование, заработают, однако ничто, думал я, не спасет мятежных солдат от отправки в окопы передовой.

По совету Фредерикса я ждал пока одного — удаления мятежных частей из столицы. Шефу жандармов Глобачеву, прибывшему вчера из Выборга, было велено составить из фамилий участников бунта особые списки для формирования штрафных батальонов. Как только предатели лишатся оружия, военные комиссариаты примутся формировать из них ударные части и рассылать по фронтам. Такие «батальоны смерти» я предполагал создать в каждой стрелковой дивизии. С обыкновением, по которому кадровые солдаты довоенной армии, лейб-гвардейцы, дворяне и просто патриоты из числа добровольцев идут на врага впереди слабодушных, революционеров, трусов и новобранцев, — пора было кончать.

Из энциклопедии мне стало известно, что старая русская гвардия полегла в бессмысленных лобовых атаках во время общештурмовых наступлений, пущенная на окопы первой линией пехотных цепей. Только поэтому знаменитые Семеновский, Павловский, Преображенский полки, славившиеся преданностью Императорам, умудрились подняться на революционный бунт вместе с обычными стрелковыми частями. Называясь «гвардейскими», они уже не включали в себя настоящих гвардейцев.

После гибели гвардии ударные батальоны набирались из добровольцев. Доходило до невозможного — над храбрецами, по собственной воле вызвавшимися идти на врага в первой линии, солдаты прочих частей *насмехались*. Создавалась система, при которой профессионалов, «стариков» и патриотов выбивало, а трусы и неумелые призывники — оставались жить. Неудивительно, что спустя три года действия подобной системы русская

армия представляла собой малобоеспособную силу — правило «негативного» отбора в условиях массовых потерь работало необычайно эффективно.

Потакать глупой традиции я желания не имел. Возможно, в эпоху Цезаря и Ганнибала атака передовой вражеской линии элитными частями имела какой-то смысл, однако в условиях современной технологичной войны посылать лучших людей на гибель в первых рядах мог только безумец.

С Келлером, впрочем, мы беседовали не о том.

Упуская детали своего похода из Пскова на Петроград, он рассказал о своем прибытии в Царское Село.

— Трупы мы обнаружили в грузовиках под брезентом, — рассказывал генерал. — Мятежники из города бежали слишком скоро. Сжечь или закопать тела убитых у них не хватило времени или терпения. Об этом трудно говорить, Государь, я позволю себе рассказать по порядку...

Федор Артурович начал говорить, я ждал, содрогаясь, уже чувствуя ВСЁ, но не решаясь понять до конца, до тех пор пока не прозвучат самые страшные, безвозвратно меняющие суть вещей слова.

Рассказ Келлера

Части моего кавалерийского корпуса, Ваше Величество, вошли в город 25 марта примерно к трем часам дня. Как только передовые разъезды ворвались в Екатерининский парк и доложили об отсутствии на территории дворцового комплекса мятежных частей, я поспешил туда, бросив штаб и конных артиллеристов, сопровождавших походную колонну. Дворец, находившийся в руках революционеров четыре дня, представлял собой жалкое зрелище. Временное правительство, слишком занятое приготовлениями к обороне, вероятно, не уделяло надлежащего внимания архитектурным реликвиям. Повсюду царил зловонный дух мародерства, пьяных грабежей, бессмысленной пальбы, драк, насилия, грязи и хамства.

Меня, Ваше Величество, волновал между тем не столько Екатерининский корпус с его разграбленными драгоценностями и оскверненными реликвиями, сколько жилые здания соседнего Александровского Дворца, в котором квартировала Ваша Семья. Когда вошли туда, Государь, моих спутников охватило тягостное предчувствие.

Виды дворцовых комнат повсюду оставляли ощущение поспешного бегства. Поймав какого-то полумертвого от водки камер-лакея — единственное, что осталось от многочисленной дворцовой прислуги, — я отыскал апартаменты, в которых мятежниками содержались Ваши Дочери, Наследник и Государыня императрица.

Комнаты казались сильно замусоренными, грязными, но при этом одинокими и пустыми. Повсюду на перевернутой мебели и пыльном полу я нашел разбросанные булавки, волосы, зубные щетки, женские гребни и пузырьки, пустые рамки от фотографий, бумаги, оборванные лоскуты ткани, обрывки газет. В гардеробе от сквозняка неслышно качались вешалки, камин в комнатах забивали зола и пепел от сожженных вещей, мятых писем и спешно порванных фотографий.

В опочивальнях царили еще более тягостные хаос и пустота. В одной из них, на паркете, валялась пустая коробка из-под конфет, игрушки и брошенные сандалии Наследника. Окна

спален закрывали тяжелые шторы. Там, где шторы срывали, стекла завешивал толстый шерстяной плед или грязные простыни. Никакой прочей одежды и обуви, никакого постельного белья или полотенец, никакой посуды и тем более украшений или ювелирных вещей не нашли — все было голо и, Государь, ободрано, как после нашествия саранчи.

Часть пропавших вещей мои стрелки обнаружили на помойке, Ваше Величество, за дворцовыми корпусами — иконы, почерневшие от дыма, и книги, не успевшие кануть в мусорный развал. Я отыскал там и коричневую Библию Императрицы, ту самую, с которой она часто выходила гулять, «Молитвослов», «О терпении скорбей» и «Житие» канонизированного Вашим Величеством Серафима Саровского. Был также Чехов Аверченко, Салтыков-Щедрин, тома Пушкина и Толстого. Многие из книг — с пометками, начертанными рукой Царицы и Дочерей. Все выглядело ужасно, валялось на земле, прямо в стылой грязи, сером снегу, рядом с замерзшими нечистотами и мусорным пеплом.

Из обитателей Дворца, Государь, нам удалось найти лишь немногих — в соседнем селе. По рассказам этих несчастных, революция пришла в Царское в ночь на 29 февраля. В тот день со стороны Питера они слышали беспорядочную пальбу — пока еще в воздух. Говорят, то был восторженный салют параду свободы, данный пьяными стрелками под рукоплескания горожан. Под ружейные залпы оркестры гарнизонных полков — тех самых, что были оставлены Вами для защиты русской столицы, — гремели весь день «Марсельезу». Глупцы не ведали еще, как много унижений им придется терпеть от солдат. Ободранные до нитки трупы прохожих еще не украшали собой дороги. Канцеляристы, повешенные за то, что носили царский мундир, еще не болтались в петлях по подворотням.

По словам камер-лакея, Государь, в тот же день во дворец сообщили о первой жертве — неизвестные зарезали казака императорского конвоя, посланного на разведку в село. С этим первым убитым Царское вздрогнуло, Ваше Величество. Слуги начали разбегаться. Ваш Двор, Ваша Свита, Конвой — все замерли, ожидая кровопролития.

Как я понимаю, кровавая революция, не управляемая пока ни из Думы, ни из Советов, к дворцу не спешила. Сорок тысяч вооруженных изменников, ближайшие казармы которых располагались в пяти километрах от парка, не смели войти в царский дворец, полный сокровищ и драгоценностей, — и это при общем безумии мародерства и грабежей, уже расплзавшихся по столице!

Как сообщили уцелевшие, утром следующего дня Александра Федоровна провела смотр оставшейся при ней Гвардии. Князь Долгорукий предлагал бежать, бросив Двор и Дворец, но она отказалась, поскольку больные Дочери и Наследник могли не вынести скачки по занесенным снегом дорогам. Ваша супруга приняла решение, Государь: если мятежники решатся напасть на ее дом и ее Семью — она даст им страшный отпор.

Сил, слава богу, хватало. Уцелевший камер-лакей описал картину подробно — ведь он видел ее собственными глазами. В девять утра комендант заиграл тревогу. Как и положено, по сигналу перед главным входом построились казаки конвоя, развернутым строем, на крупах своих лошадей — лейб-гвардии Ее Величества роты: гвардейская Кубанская сотня и гвардейская Терская. Рядом с атаманами встал батальон Гвардейского экипажа, батальон гвардейского сводного пехотного полка, а также зенитная батарея — вместе почти две тысячи человек. Конечно, армия Государыни была слишком мала по сравнению с гарнизоном столицы, но этими силами было возможно организовать полноценную круговую позицию и выдержать достаточно долго.

Оборону вокруг дворца Долгорукий организовал по всем правилам. От конвоя по

линиям дворец-вокзал, дворец-казармы и дворец-город отправили постоянные разъезды, кочующие по шоссе и ночью и днем. Входы вдоль забора перекопали, кусты, мешающие прямому прострелу с позиций, немедленно состригли или спалили. Зенитная батарея и пулеметы Гвардейского экипажа заняли удобные пункты на трактах, годные для прямого и навесного огня. Улицы, ведущие от села ко дворцу, таким образом, стали надежно перекрыты. Воистину, Государь, в тот день произошло чудо — подобное тому, что было уже на Вашей памяти с Бонч-Бруевичем и, как рассказывают, с Непениным: в то время как гвардия в городе бунтовала, гвардия перед лицом Государыни свято выполнила свой долг. Я знаю, Ваше Величество, среди нас, офицеров гвардии, никогда не было ни одного человека, который не мечтал бы в кадетские годы умереть за своего государя. Что бы ни твердила либеральная пропаганда, эта картина из детства, это видение, эта мысль — проявить бесстрашие перед лицом Императора оставались с каждым из нас всегда. Возможно, на тех, кто гулял в Петрограде, напялив красную повязку, подобные мысли уже не оказывали воздействия, но здесь, перед глазами Императрицы, лейб-гвардия не могла изменить!

Удар пришелся защитникам в спину. Ранним утром следующего дня, хотя массы восставших так и не решились идти на дворец, Александру Федоровну предал ближайший из тех, на кого она полагалась. Мои слова, Государь, подтверждали сотни свидетелей: 11 марта, ночью, тайком, пока Императрица спала, под командованием вашего брата, Великого князя Кирилла, из Царского Села ушел Гвардейский экипаж. Как сообщили позже, с красным бантом на кителе и с царскими вензелями на погонах несколько часов спустя Кирилл привел часть к Таврическому Дворцу — присягать революции и Думе. [\[16\]](#) Вместе с матросами Великий Князь увел роту железнодорожного батальона, все орудия и все пулеметы. Во дворце остались две сотни атаманцев с пашками. При любом дальнейшем раскладе, Ваше Величество, это означало конец.

Я поднял глаза на Келлера. На мгновение в воздухе повисла полная и гнетущая тишина.

— Она сдалась? — спросил я.

— Две сотни всадников — слишком смешная армия даже для русской императрицы, — качнул подбородком Келлер. — Да, на этом все кончилось. Дума, извещенная о плачевном положении Царского Села все тем же князем Кириллом, прислала к вечеру делегатов с предложением сдаться. За делегатами из казарм поползли мятежные части. Не способные совершить святотатство самостоятельно, солдаты двинулись, возбужденные присланными к ним болтунами. Пламенные речи революционных ораторов смягчали угрызения солдатской совести, а красные банты, привезенные думцами из столицы, казались индульгенцией за грехи... Во избежание бессмысленного уже кровопролития, Ее Императорское Величество попросила у думцев одно: свите, фрейлинам, слугам, бойцам лейб-конвоя мятежники должны были обеспечить выезд из восставшего города. Все жители Царского могли свободно покинуть дворец в течение суток кроме...

— Кроме нее и Семьи, — закончил я за него. — Понятно, Федор Артурович. Ну, едемте. Хочу все увидеть сам.

Царское Село.

Вечер того же дня

В Царское прибыли к вечеру, на автомобиле, конфискованном во время взятия Питера у одного из «временных министров». Мой бронепоезд находился в Ревеле, и выбирать между транспортными средствами не приходилось. Знаменитый Екатерининский дворец встретил меня хмурым парком и темными зевами оконных арок — электричество по-прежнему не подключили.

Первым, что я смог рассмотреть подробно, стал настезь открытый парадный въезд в Александровский корпус. Екатерининский дворец остался левее, и мы с Келлером, подпрыгивая на кочках, заехали на рычащей и вздрагивающей машине во внутренний двор, остановившись прямо у чудесной мраморной колоннады.

Спрыгнув с подножки и никого не дожидаясь, я поспешил вовнутрь. Одиноким караульным на входе вытянулся при моем приближении, но мне не было до него дела. Бесконечные залы пустого дворца разворачивались передо мной широкою анфиладой. Некогда величественные и прекрасные, сейчас эти стены дышали только сумрачным упокоением и странным запахом разложения, гнетущим как в убогом могильнике, так и в роскошном дворцовом склепе. То был запах смерти и пустоты.

Караульный и спешивший за мной генерал граф Келлер остались единственными людьми в этом гигантском мрачно-торжественном запустении. Лифты давно не работали, лестницы заваливал мусор. Солдатская масса, ворвавшаяся сюда после ареста Семьи и Императрицы, разнесла и разграбила роскошный дворец. Остались лишь стены и величественные пролеты над головой, роскошные, но грязные арки, разбитые пулями статуи, изрезанные ножами колонны. Как гордая женщина, изнасилованная, избитая и лишенная одежды, вызывает не вожделение, а отторжение и жалость, так и огромный царский дворец, лишенный привычных изысканных декораций, вызывал во мне только ощущение тягучей безысходности и ужасной, страшной потери.

На первом этаже, минуя дворцовые анфилады, мы прошли через апартаменты, которые Дочери и Царица занимали перед восстанием в Петрограде. В гостиной Ее Величества заметил множество пузырьков со святой водой, лекарствами и микстурами. В прихожей царских опочивален — большую, смятую сапогом картонную коробку. Опрокинутая навзничь она раскрылась. Из-под крышки виднелись локоны Великих Княжон — длинные волосы, стриженные ими совсем недавно из-за болезни корью. Хранимые царскими Дочерьми девичьи локоны казались совсем никчемными их пленителям — их бросили здесь как мусор.

В столовой царской Семьи стояло одинокое кресло-качалка, в котором, очевидно, супруга царственного Николая, мучаясь головной болью и недомоганием, проводила тяжкие дни накануне восстания. Я горестно вздохнул, ведь передо мной стоял в каком-то смысле последний трон последней русской Императрицы — последнее кресло, в котором ей довелось сидеть.

С первого этажа мы побежали в цоколь — туда, где находились комнаты охраны и комнаты, в которых, по словам Келлера, в последние дни перед штурмом содержалась царская Семья.

Как везде — этажами выше, в соседних корпусах и на улице, — в цоколе царил неопишуемый беспорядок. Было разбито, разорвано, исцарапано и повалено все, кроме самих стен. Вещи и их осколки валялись на полу в дичайшем разброде, путаясь под ногами, мешая продвигаться вперед. И лишь одна из комнат поражала идеальной чистотой.

Клянусь, за последние дни мне довелось видеть многое. Разлетающиеся мозги Рузского

в вагоне-салоне и болванки двенадцатидюймовок, разбивающих в прах стены Петропавловской крепости. Однако ничто до сих пор не производило на меня более страшного впечатления, чем вид этой маленькой, чисто прибранной комнаты на фоне всеобщего разорения и разлада.

Ибо чистота в этой комнатке была попросту *абсолютной*.

Осторожно я протолкнул слюну в горло. В этот миг тишина зазвенела в моих ушах.

Не слишком большая, метров сорок или тридцать пять квадратных, оклеенная обоями в клеточку, комната казалась довольно темной. Впечатление это усиливал вид за окном — створки последнего упирались в высокий косогор, на котором возвышался соседний дворцовый корпус. Тень холма и высокого здания загораживала помещение от солнца, поэтому, хотя портьеры отсутствовали на этом окне, вокруг царил мистический полумрак.

В окне была установлена тяжелая металлическая решетка. Сама комната соседствовала еще с одной, вероятно, кладовой или погребом, от которой ее отделяла фанерная перегородка. В перегородке находилась наглухо заколоченная дверь.

Фанеру и дверное полотно испещряли следы от множества пуль! Стало ясно: здесь убивали людей...

Далее под окнами вдоль карниза тянулись красноватые, еле заметные глазу разводы. Я понял: это тянулись следы от замытых кровавых луж...

На прочих стенах также виднелись следы от пуль, очень много и очень разнообразно: следы неслись веером по дуге, по прямой, одиночными кратерами мигали мне в цветастых обоях. Значит, те, кого убивали, метались по комнатам, прежде чем умереть...

Наконец на полу я заметил вмятины штыковых ударов. Догадался: прежде чем несчастные умерли, их докалывали штыками...

Последними увидел два пулевых отверстия в паркетных досках. Медленно отвел взгляд: тех, кого было лень докалывать, стреляли лежащими на полу...

А на стене за спиной, словно завершая картину, некий революционный юморист остроумно нацарапал строчку из Гейне:

«...В эту ночь Валтасар был убит своими холопами...»

Все это время Келлер молчал за моей спиной — и клянусь, комментарии тут были бы лишними.

Граф прекрасно понимал ситуацию, а потому вместо слов успокоения или жалости начал вещать сухим и спокойным тоном:

— Все пулевые отверстия, обнаруженные нами в комнате, Государь, принадлежат двум пистолетам. Один — крупного калибра, вероятно системы «Кольт», длинноствольный, американского производства. Второй, исходя из количества выстрелов, похоже, маузер. Что странно: судя по расположению отверстий, стрелял сначала один человек, затем, после короткой борьбы, — другой.

Относительно прочих подробностей расстрела мне удалось выяснить следующее, Ваше Величество.

После ареста Вашей Семьи охраной дворцового комплекса руководили назначенный Думой комендант Царского Села некто штаб-ротмистр Коцеба, а также назначенный начальником караула гарнизонный полковник Кобылинский. Помимо этих господ в день штурма Царского моими войсками появился некий господин Милославский, делегат

думского комитета от партии эсеров, личность, до того совершенно неизвестная.

Согласно показаниям нескольких задержанных лиц, ближе к вечеру, а именно около семнадцати часов пополудни, депутат Милославский примчался ко дворцу на автомобиле. Ворвался во флигель к Кобылинскому и, размахивая какими-то бумагами, стал кричать, что Дума дала ужасный приказ: царскую семью расстрелять, причем срочно, до приближения правительственных войск!

Келлер передохнул, лицо его вдруг стало бледным как штукатурка на стенах там, где не доставали обои. Однако, сделав над собой усилие, он продолжал:

— Даже для потерявших надежду мятежников приказ был безумным, Ваше Величество, учитывая приближение карательных войск и скорое подавление революции. Поэтому ни штаб-ротмистр Коцеба, ни, тем более, полковник Кобылинский выполнять его, учитывая обстоятельства, не собирались. Между прочим, в бумагах во флигеле мы впоследствии рылись и никаких телеграмм с указанием Думы о расстреле Семьи не нашли. Известия с скором приближении карателей и о захвате Петрограда флотским десантом к тому времени уже разлетелись по Царскому Селу, и солдаты революционного караула начали разбегаться. Снимались не просто единицы, — бойцы уходили целыми отделениями и взводами. Почти из ста человек, охранявших семью Вашего Величества накануне событий, к вечеру того же дня осталось человек двадцать, а наутро, вероятнее всего, не осталось бы никого. Станным, Ваше Величество, явилось то, что рабочие дружинники оказались более дисциплинированными, чем солдаты гарнизона. В результате последним отрядом, охранявшим Вашу супругу, Дочерей и Наследника, были именно революционные пролетарии.

Милославский объявил, что арестованных необходимо казнить до прибытия правительственных войск. Кобылинского, отказавшегося приводить в исполнение страшный приговор, немедленно отстранили. Коцеба — сбежал сам. Вооруженная охрана дворца, таким образом, осталась без руководства. Махая мандатом, Милославский заявил, что возлагает охрану дворцового комплекса на себя, и потребовал от оставшихся Рабочих дружинников немедленно учинить расправу над царицей согласно предписанию Думы.

Посоветовавшись, рабочие отказались. Особой ненависти к царской семье мастеровые не испытывали, хотя одобряли революцию и ненавидели войну. Однако ненавидеть войну — одно, а убивать беззащитных женщин и детей — совсем другое. Кроме того, в условиях, когда бунт в столице был, очевидно, подавлен, всех пугала ответственность за расправу.

Тогда Милославский, вытащив огромный гражданский кольт и забрав маузер у одного из дружинников, сам вошел к царской Семье. По его словам — чтобы переговорить с Государыней. Выполнять приказы безумного «уполномоченного» никто не собирался, однако и останавливать не решились.

В комнате раздались выстрелы, затем крики.

Не выдержав, дружинники бросились к двери, но помещение оказалось заперто изнутри.

Уже через минуту возня завершилась. Криков больше не было, но внутри по-прежнему стреляли — размеренно, с остановкой. По тому, как звучали выстрелы, караульщики догадались, что кто-то ходит по комнате, добивая раненых. Наконец все затихло.

К этому времени, взломав дверь, дружинники ворвались внутрь.

Картина, представшая их взору, выглядела ужасно, Ваше Величество.

Милославский лежал на полу, с простреленной головой. Самым страшным казалось то,

что маузер из которого прострелили голову депутата, находился не в его в руках, а в руках одной из княжон. Рабочий Сазонтов — один из дружинников, которого мы впоследствии арестовали, — утверждает, что княжной была, по всей видимости, Анастасия, остальные дружинники ничего сказать по этому поводу не могут.

Все это значит одно, Ваше Величество: несмотря на пистолет в каждой руке, уполномоченный не смог застрелить шестерых человек в узкой комнате, хотя это были женщины и маленький мальчик. Вероятно, после первых выстрелов началась борьба, одна из Великих Княжон бросилась на убийцу и вырвала оружие из рук. Что произошло потом — сказать сложно. Насколько можно судить по характеру огнестрельного ранения, после убийства Милославского Анастасия выстрелила себе в сердце. Но тогда остается неизвестным, кто добивал Семью Вашего Величества размеренными выстрелами из пистолета... Если говорить откровенно, Государь, то еще более странным является другое. Один из рабочих, которого Сазонтов лично знал по работе в цеху и который никогда не высказывался против Семьи государя Императора, перевернув винтовку прикладом вверх, принялся докалывать ружьем лежащих, вонзая тупой арсенальный штык под женские корсеты. Сазонтов попытался остановить сумасшедшего, но бесполезно. Он прекратил этот ужас, только когда прошелся по всем....

Когда Келлер закончил рассказ, я еще долго стоял молча и неподвижно. Картина бойни проплывала перед глазами. Рабочий, в толстом зимнем тулупе идет по телам, перешагивая валенками через точеных красавиц-аристократок, и деловито тыкает в них штыком. Женский корсет тормозит тупой штык, но, прокручиваясь, тот вгрызается в холеное тело. Еще живая принцесса то ли кричит, то ли стонет от жуткой, нечеловеческой боли. Но корсет порван — и следует короткое движение внутрь. Металлический штырь морозит теплое девичье тело, затем гулко втыкается в пол. Меня, похоже, начинало сильно тошнить.

— Где находится этот человек? — хрипло спросил я Келлера, стараясь не дышать слишком глубоко.

— Сазонтов?

— Нет, рабочий, что добивал мою семью штыком?

— Мы нашли только труп. Кто-то из дружинников или солдат гарнизона пристрелил подонка. Сейчас уже невозможно выяснить, кто. Тело найдено примерно в трех километрах от Царского, на дороге с пулевым отверстием в голове. Сделать это мог любой вооруженный боец, как наш, так и мятежник. Все винтовки, которые приходили через Царское Село в этот день, проверить невозможно.

Я кивнул и чтобы подавить головокружение, оперся на подоконник. Кто именно совершил эти убийства, я, кажется, догадывался без подсказок.

* * *

Спустя несколько минут Келлер провел меня через парк, мимо основного фасада Александровского дворца. Комната, где совершилось цареубийство, произвела на меня гнетущее впечатление, однако самое страшное было еще впереди. Я знал об этом и готовился держаться как можно более сдержанно.

Тела нашли под брезентом в грузовике. Очевидно, революционный караул пытался вывезти их, чтобы скрыть следы преступления, но не успел. Именно так, вповалку, на

грузовой машине, тела цесаревен, Наследника и Царицы обнаружили передовые разъезды Келлера. Все трупы были свалены в один грузовик. Во втором — находились дрова, ветошь, лопаты и баллоны с серной кислотой. При мысли о том, для чего предназначалось содержимое второго автомобиля, у меня снова начинало киснуть в горле.

Поднявшись на приступок и откинув брезент, я наконец их увидел.

Погода вокруг стояла все еще морозная, и тела только начали разлагаться. Лица любимых Николаем людей казались почти нетронутыми смертью. Немного бледные и спокойные, они казались спящими — почти живыми. Впервые я познакомился с супругой царя Николая ровно тридцать суток назад, в самый первый день пребывания в новом мире. Каин переместил матрицу, пока будущий мой носитель невинно спал, и миг пробуждения я запомнил хорошо.

Тридцать дней назад я очнулся прямо в царской кровати на ситцевых простынях. Пробуждение было очень болезненным, поскольку память тела, сожженного в топке машины времени, содрогалась от боли. По счастью, я не кричал. Глаза открылись, дрожащие руки скомкали ситец, по телу струился холодный пот. Я лежал на огромном ложе, в нише под раззолоченным балдахином. Ложе занимало полкомнаты, в которой, при некотором желании, разместился бы конногвардейский взвод.

Рядом со мной возлежала женщина в расшитой ночной сорочке. Не молодая уже, но стройная, она казалась знакомой. Тонкое одеяло покрывало длинные ноги, шелк ткани струился по плавным изгибам, расчерчивая бедра и грудь протяжными бархатными штрихами.

— Женщину рядом зовут Алике Гессенская, — прозвучал голос Каина над головой. Вопреки всякому этикету, хронокорректор в теле министра Двора стоял в царской опочивальне. — Как русская императрица она известна более под именем Александры Федоровны Романовой. Это ваша супруга.

Я вздрогнул. Видение прошлого рассыпалось, как стекло под ударом. Чуть шире откинув брезент, я присмотрелся к чертам. Холодной рукой потеревил простой серебряный медальон на груди. Царь Николай — повелитель гигантской Империи, не расставался с Детским медальоном на протяжении пятнадцати лет. Что скрывалось в нехитрой вещице, что смогла стать настолько дорогой для полновластного господина одной шестой части суши? Взгляд опустился на грудь, ноготь тронул защелку и серебряная крышка раскрылась. Так и есть! Внутри было лицо Алике Гессенской — почти такое, как в минувшем видении, почти такое же, как сейчас, в «мертвом» грузовике под брезентом, смотрело на меня из медальона большими, внимательными глазами.

Согласно воспоминаниям придворных, найденных мной в виртуальных файлах *энциклопедии*, эта женщина, немка, не слишком красивая по моим понятиям, являлась для последнего русского Императора важнейшей частью существования, некой опорой, на которой покоился фундамент его благополучия и судьбы.

Не знаю, что влекло царя к ней. Любовь вроде бы не могла, ведь они прожили в браке свыше пятнадцати лет — ровно столько, сколько стукнуло медальону, и жгучая юношеская страсть, которая некогда, без сомнения, питала их чувства друг к другу, за это время основательно истаскалась. И все же эмоции, захватившие царя Николая в присутствии венценосной супруги, оставались вполне очевидны — он воспринимал эту вполне обычную женщину невероятно страстно и горячо. Возможно, то действительно была любовь, возможно привязанность или долг, дань традициям и морали — я не вполне разбирался в

подобных сильных переживаниях, — но сила чувств, бурлящих в царе, оценивалась моим неопытным разумом без колебаний. При виде холодного тела, лежащего неподвижно передо мной и моими спутниками, сердце русского государя вдруг яростно затрепетало!

Я с удивлением вспомнил мысли, что будоражили мою голову в первый день после знакомства с Семей. «До чего же царица вызывающе холодна» — эта фраза казалась единственным описанием тех эмоций, что она вызывала во мне в тот памятный день. Однако сейчас все выглядело по-другому.

Алике Гессенская, она же русская государыня Александра Федоровна, как прежде казалась мне категорически немила. Мертвая, с бледной кожей, уже отливающей на руках и лице отвратительной голубизной, Алике в своем посмертии казалась полным олицетворением самой себя, сухой, холодной, высокомерной. Как и при жизни в общении с Двором и сановниками — с суровым выражением на лице, она не могла вызывать во мне теплых чувств. Но Николай, знавший Алису лучше и ближе любых царедворцев свиты и, пожалуй, вообще единственный из окружающих царицу людей *действительно знавший ее*, осознавал, что это лишь внешняя холодность. Страстная женщина, безрассудно бросившая родину ради любимого человека, чуткая жена и самоотверженная мать, Алиса Гессенская оставалась преданной своему мужу и государю до последнего вздоха — там, в реальной истории.

С усилием подавив эмоции носителя, я проглотил застрявший в горле комок и еще раз obeжал Алике взглядом. Пугающая смертельно спокойная женщина, лежащие рядом с ней четыре юных мертвых девицы с маленьким бездыханным мальчиком, в такой же, как у царя атаманской черкеске, не являлись моей настоящей семьей. Мне удалось пообщаться с ними лишь раз — на первом и единственном царском обеде в Зимнем дворце. С Алисой мы обменялись тогда парой слов, а с цесаревнами и того меньше. И все же вид изуродованных трупов этих людей задевал во мне странные струны, вибрация которых отдавала глухими басами в самых темных глубинах души.

Их убивали страшно. В начале двадцатого века еще не было видеокамер, чтобы запечатлеть процедуру безумной казни, но общий вид комнаты, положение трупов, вмятины от пуль на стене, брызги и лужи крови, разломанная мебель, одежда, отпечатки, следы от сапог давали огромный простор для анализа и фантазий.

То, что я видел перед собой, Каин назвал жертвоприношением. «Небольшое кровавое воздаяние окажется вам вполне кстати» — так говорил он мне перед отбытием в Могилев. Не знаю, чего именно хотел добиться убийством Семьи проклятый хронокорректор, но сам факт сакрального действия я только что осознал — во всем его страшном облике, с зубастым, звериным оскалом.

Ужасным было другое — эту истину я осознал не один.

В тот же миг я почувствовал, будто кто-то взглянул мне через плечо. Присутствие двух человек в одной голове описать невозможно, некая сила возникла из ниоткуда и вдруг ударила меня — изнутри!

При виде самых дорогих во всем мире существ бешеные эмоции захватили не только меня, но и носителя моей матрицы. Тело царя Николая вдруг удивительно напряглось, будто бы в страшной судороге, и внезапно меня словно смяло стальным катком, сдавило со всех сторон. Открытый мне вид оставался прежним — я смотрел сквозь глаза Николая, дышал его легкими, слышал его ушами, но многое изменилось!

Перепрыгнув через борт, не сознавая себя, не помня, не понимая, тело мое рухнуло к

мертвецам. Ноги шагнули сами, и руки, словно живые, коснулись изуродованных смертью лиц. Впав в ступор от удивления, я некоторое время пассивно наблюдал за происходящим. Николай целовал жену и детей, совершая все это независимо от меня. Сраженный ужасным горем, царь просто вытолкнул меня из своего мозга, загнал в самый угол сознания, отбросив как назойливого щенка.

От страха мой разум вскипел. Решив вернуть захваченные пространства, я попытался расширяться, вырасти, заставляя руки и ноги реципиента подчиниться моему настойчивому контролю. Не получилось!

Николай даже не сопротивлялся, он просто не обращал на меня внимания, настолько несоразмерны в этот момент были наши возможности.

Обняв цесаревича, муж и отец склонился над трупами, прижимая к груди вихрастую отроческую головку мертвого сына. Слезы брызнули из царских глаз, и рычание, дикое и первобытно-утробное, вырвалось из уст Государя. От этого невероятного напряжения меня снова словно бы отключило. Несколько долгих мгновений я не мог понять, что именно происходит. Разум оставался спокоен и чист, но тело сотрясали конвульсии, сердце стучало, долбило, едва не ломая грудь. Я попытался выпрямить спину, подняться, но ничего не смог сделать. И вдруг все исчезло. Мягким, но могучим потоком сознание мое рухнуло вниз, словно вымываемое водою. Я перестал ощущать свое тело, вид заслонила тьма.

Более страшных чувств, ей-богу, я не испытывал никогда. *Энциклопедия* помнил едва ли не наизусть и знал отлично, что Николай всегда являлся примером категорически негневливого человека. Царь спокойно выслушивал сообщения об изменах и бунтах, терпел унижения от собственных сановников, сносил выпады поливающей его грязью прессы, слушал доклады о предательских действиях социалистов и демократов, не обращал внимания на лицемерие родственников и близких. Почти за четверть века его правления стали известны только два случая проявления высочайшей особой русского Императора ярости или гнева.

Когда германский шпион, уже после ареста царя Николая в реальной истории, пробравшись в Тобольск, предложил помощь в освобождении в обмен на сепаратный мир с Германией. И второй — когда царю доложили о Брестском пакте, подписанном большевистским правительством.

В первом случае, по словам очевидцев, еле сдерживая себя, Государь отказался, ледяным тоном заявив, что скорее «отрежет себе руку, чем отдаст пядь русской земли». Во втором — впал в отчаяние и бешенство. Он просто не находил в себе слов.

Сейчас передо мной разворачивалось нечто подобное. Тишайший монарх впал в безумие — его крутило от истинно царского гнева и истинно царской ненависти — ко мне. К существу, которое он не видел, но присутствие которого подсознательно ощущал. Царь Николай никогда не испытывал ко мне злобы или вражды, однако чувство отчаяния при виде мертвой Семьи заставило обрушиться на препятствие, мешавшее стать самим собой в этот ужасный для него миг. То есть на меня!

Вероятно, первый раз в жизни Николай рвался к цели с такой фантастической мощью. Происходящее невозможно было описать. Меня буквально вытолкнуло из тела-носителя. Как только это случилось, добившийся своей цели и словно освобожденный от тяжких оков Николай почти мгновенно вдруг стих и опал. Порыв ярости, освободивший мое сознание, ушел в никуда, оставив внутри лишь его самого. Бледными, ледяными руками царь обнял мертвую жену и зарыдал. Бешенства не было больше в этом маленьком, только что

сломанном судьбой человеке. Осталось чувство ужасной потери и адской, невосполнимой ничем вины...

Но чудовищное могущество, освобожденное этим тщедушным, презиравым современниками существом, — презиравым, как ни смешно, как раз за слабость, — витало вокруг меня, махая черными крыльями. Говорят, в минуты ярости или смертельной угрозы близким человек способен выломать люк горящего танка или поднять рухнувшую бетонную плиту весом в десятки тонн. Нечто подобное только что и произошло.

Тьма исчезла. Удивленно я осмотрелся вокруг. Точка, из которой мой разум мог лицезреть окружающее, находилась в воздухе за бортом грузового автомобиля — отдельно от царя Николая!

Се, гряди скоро, и возмездие Мое скоро!

Откровение Иоанна Богослова. 22:12

С неописуемым удивлением я еще раз медленно огляделся.

Внутри грузовика, примерно в двух шагах от меня, трясло плечами мое бывшее тело-носитель. Внизу, как бы чуть ниже меня, Келлер и боец охраны застыли каменными изваяниями. Я вспомнил, что за минуту до этого возле машины находились четверо человек: царь Николай, Келлер, солдат сопровождения и Воейков. Опустив взгляд, я увидел сапоги, стоящие на подножке автомобиля, гвардейский мундир, пояс с кобурой огромного маузера и руки в перчатках, впившиеся в дощатый борт.

Воейков!

Отвернувшись от плачущего Николая, почти не отдавая себе отчет, я спрыгнул с подножки на землю. Перемены показались мне потрясающими! С одной стороны, оказавшись в голове Воейкова, я стал выше ростом, и ракурс с которого теперь приходилось наблюдать за окружающим миром, существенно изменился. Всего на несколько сантиметров, но казалось, словно я передвигаюсь на каблуках или поднялся на цыпочки. Плохое зрение Воейкова также дало себя знать. Глаза у адъютанта оставались прежними, очки его — такими же сильными, однако привычка видеть мир глазами царя Николая — обладателя почти абсолютного зрения — вносила в картинку существенные коррективы. Окружающее напоминало взгляд через мутное стекло — линии вокруг чуть размылись, предметы выглядели нечетко. Впрочем, дело привычки, подумал я.

Сказать, что обмен телами произвел на меня сильное впечатление, — значит не сказать ничего. Я осматривал себя, оглядывался вокруг, но сознание по большому счету пребывало в шоке, ведь я впервые мог наблюдать процесс перемещения разума в новое тело. Прецедент с поселением в мозге самого Николая Второго произошел в бессознательном состоянии, и сравнивать тогда мне было не с чем. Между тем в процессе реинкарнации, если совершившееся только что было возможно назвать этим словом, отмечалось множество невероятных моментов.

Прежде всего я хорошо запомнил сам факт «переноса». Он осуществлялся не «мгновенно», как можно было подумать, но вполне последовательно — со смещением точки моего зрения в пространстве по горизонтали и вертикали. Я отчетливо помнил, что на две-три секунды, пока я перелетал из царя в Воейкова, мир смещался вокруг меня. Все это означало, что нечто, составляющее основу матрицы моего разума, является не порождением мозга царя или его адъютанта, не проекцией, а вполне независимым образованием (вероятно, энергетическим), способным некоторое время пребывать отдельно от человеческого носителя!

Кроме осознания независимости, меня поразило также сохранение моей виртуальной папки.

В данный момент виртуальная энциклопедия по-прежнему висела рядом со мной в правом верхнем углу относительно лица Воейкова. В то же время я помнил, что в процессе «полета разума» эта папка смещалась куда-то в центр, ближе к месту, с которым

ассоциировалось мое свободное «Я», то есть к точке моего зрения, ибо зрение в тот момент являлось... круговым, вернее, если можно так выразиться «шаросторонним». И права-лева «относительно лица» для меня в тот момент просто не существовало!

Рука Воейкова потеряла мой новый лоб и ощутила, что, несмотря на холодный воздух, кожа покрылась потом.

Выводы из «перемещения» следовало сделать простые. Моя матрица, вероятно, являлась независимой сущностью. А значит (вполне возможно!), я мог менять тела независимо от Его Величества Каина!

Внимательно изучив окружающее, я заметил еще одну странность. Ранее я мог лишь переворачивать «страницы» *энциклопедии* двумя виртуальными «лапками», похожими на стилизованные человеческие ручки, мог с их помощью сместить иконку в плоскости поля зрения влево или вправо, вверх или вниз, но не мог удалить ее от себя, хотя несколько раз чисто машинально пробовал это сделать. Сейчас снова, повинувшись какому-то неожиданному наитию, я потянул иконку *энциклопедии* вдаль — и оказалось, что ограничения исчезли!

Дернув папку, я оттащил ее от себя на несколько метров и поднял вверх, совместив с телом рыдающего Николая.

Произошедшему далее я даже не смог удивиться — слишком много бурных эмоций прошло через меня в этот день. Перед глазами всплыли красные буквы, мигающие, словно предупреждение.

Виртуальный сервер находится на границе индивидуального поля реципиента номер один (Романов Ник. Алдр /1917:28.02 от Р.Х. / Гринвич, 03–15).

Желаете произвести повторную инициацию реципиента?

Да /Нет.

Разумеется, я нажал «Да».

Возвращение обратно в тело царя прошло аналогично «смещению» в Воейкова — только без ярости Николая. Минула пара мгновений кругового зрения, смещение папки к центру «меня», короткий полет над кузовом грузовика, и взгляд на окружающее через привычные уже глаза русского Императора.

Внизу за бортом послышался шум — это в обмороке упал Воейков.

Келлер и солдат охраны склонились над ним. Министр Фредерикс всегда после визита Каина погружался в беспамятство, вспомнил я. Очевидно, то был обычный эффект от освобождения реципиента. Царь Николай находился в глубоком стрессе, а потому, вероятно, избежал потери сознания после ухода «меня». Еще бы, ведь он сам меня вытолкнул!

Я посмотрел на руки несколько раз, будто проверяя, сжал и разжал кулаки. В теле царя я вдруг почувствовал себя комфортней, чем внутри Воейкова, вероятно, в силу привычки, сложившейся у меня почти за месяц пребывания в новом мире.

Далее, все еще не понимая, что именно делаю и зачем, я огромным усилием воли оторвал царя от мертвых жены и детей, заставил его подняться. С трудом унял в ногах дрожь, вытер со рта слюну, из глаз — слезы.

Ни о каком сопротивлении со стороны реципиента сейчас не могла идти речь. Окончательно сломленный потрясением и тем гигантским эмоциональным усилием, которое понадобилось, чтобы вышвырнуть меня из своего разума, Николай почти стерся. Мышление его представлялось сейчас сумбурным, почти лишенным мыслей потоком,

нежели суждением человеческого существа.

В каком-то смысле Николай после убийства жены погрузился в некое аморфное, полубезумное состояние, предоставив тело в полное распоряжение возвратившегося захватчика. У меня не имелось к этому возражений — за минувшее время царское тело стало для меня привычным настолько, что я не испытывал ни малейшего желания менять его на иное. Дело тут состояло не в тщеславии и не в возможностях оболочки-Императора. Просто у меня имелись дела, порученные Каином, и выполнить их гораздо проще, находясь в теле монарха, нежели в любом из его поданных. Кроме того, только что возник некий личный вопрос, касающийся больше царя Николая, нежели хронокорректора Каина.

Начать действовать я решил именно с «личного».

* * *

Для вендетты средства и план есть явления второстепенные, так же как армия или оружие на войне. Главное — определиться с противником, знать его желания и мотивы. Психология — вот краеугольный камень любых противостояний. Так грызутся за молоко вшивой суки слепые щенки, так сходятся в схватке на истребление гигантские нации и народы. Противника нужно знать, нащупать, увидеть. И сейчас я должен был это сделать!

В течение долгого времени мой Спаситель и Бог являлся моим абсолютным хозяином. Он контролировал мою жизнь, и случай с перемещением матрицы в тело царского адъютанта по факту ничего не менял. Я не знал, кем является Каин, не знал, как совершаются прыжки сквозь время, не знал пределов его могущества, не знал вообще ничего. Я по-прежнему оставался рабом, он — полновластным хозяином. С учетом того, что Каин стал совершать убийства невинных, подобная ситуация не могла меня удовлетворить.

Не имея понятия, как вызвать своего повелителя на свидание тет-а-тет, я лишь лелеял некоторые догадки. По крайней мере один способ в наличии был. Как минимум — так мне казалось.

Оставив Келлера с телами Семьи и беспамятным Воейковым, я спрыгнул с борта грузовика и спокойно, размеренными шагами проследовал обратно в корпус Александровского дворца. Слезы высохли, и эмоции Николая не отражались более на моем пожелтевшем от ненависти лице. Неспешно достав наган из поясной кобуры — тот самый сожравший жизни одного генерала и трех предателей-депутатов на засыпанной грязным снегом далекой станции Дно, — я тщательно осмотрел свое преданное оружие и крутанул полный патронов барабан. Взвел курок, глянул глазом в темный зев дула.

Всегда, когда смотришь в срез пистолетного ствола, держа указательный палец на кончике спускового крючка при взведенном курке, испытываешь весьма оригинальные ощущения. Не страх, вовсе нет. Я бы назвал это «дыханием пистолета». Когда смотришь так, остро чувствуешь, что оружие *живое* — оно смотрит тебе в лицо, и из беззубого зева потягивает на ресницы липучим ледяным ветерком.

Держа револьвер в руке, я отмахнулся от конвоиров охраны, поднялся по ступеням и вошел в комнату Великих княжон, в которой во время осмотра заметил зеркало и диван. Внутри закрыл дверь, взял подушку с дивана, поставил стул рядом с высоким трельяжем и уселся напротив зеркала.

Каин обязан за мной наблюдать, не так ли?

Иначе откуда он знает о том, что я вытворяю?

Если у него тут миссия, а я часть его плана, то присматривать за мной он *обязан*. Вопрос лишь — как? Следить за мной постоянно для Каина невозможно, ибо с таким же успехом он мог залезть в царскую голову сам. Раз нужен помощник, то значит, мой «наниматель», пока я маюсь с бунтовщиками, занят чем-то другим.

Допустим, он время от времени находится в ком-то из моих близких. Фредерикс? Келлер? Нахичеванский? Возможно.

Но ни один из них не находится со мною всегда! Кроме того, для Каина просто нелогично сидеть в теле одного из моих спутников постоянно. По той же причине, что и следить за мной непрерывно, — из-за наличия прочих дел.

Других помощников у него быть не может. По крайней мере теоретически. Он сам говорил, что Ники из покрывшейся льдами Европы является единственным, кого он смог оживить в прошлой версии Времени. Если Каин прячется в теле, допустим, Фредерикса или Келлера, это стало бы заметно. На срок пребывания «седока» реципиент теряет память, а я бы обязательно заметил подобное в спутниках. И что остается?

Некий датчик, и только датчик!

Все еще не решаясь, я водрузил растопыренную ладонь на стол.

Вероятно, встроенный внутрь меня детектор не является механизмом или материальным приспособлением. Наверняка это «нечто», такое же виртуальное, как энциклопедия или лапки-манипуляторы. Если возможность личного наблюдения исключена, то следить за мной должна техника или программа. На что можно настроить такую программу?

Как и любую сигнализацию — на внешние раздражители. На детектор усиленного сердцебиения, на боль, на особые импульсы мозга.

Накрыв руку подушкой с дивана, я нащупал стволом револьвера выпирающую кость на последней фаланге мизинца — и нажал на спуск!

Когда выстрел грянул, указательный палец правой с трудом отлип от курка пистолета. Кончик мизинца левой, сочась чем-то мокрым, отскочил под подушкой на несколько сантиметров в сторону от руки. Прошив тумбу, подушку, руку, пуля зарылась в паркет. Алая жидкость обильно закапала через образовавшееся отверстие, пачкая брызгами носики сапог и армейское галифе.

Еле сдерживаясь, чтобы не заорать, я с огромным трудом аккуратно отложил наган в сторону, к зеркалу, медленной, дрожащей рукой. За окном по-прежнему щебетали, радуясь весне, птицы и к двери моей комнаты не спешили шаги конвойных. Все было сделано тихо — настолько бесшумно, насколько вообще возможно отстрелить себе палец из револьвера.

Кусая губы, отшвырнув окровавленную подушку, сыгравшую роль глушителя, я воздел изуродованную руку перед лицом и уставился в зеркальный трельяж.

Несколько долгих мгновений ни черта не происходило!

Посеревшая рожа Николая Второго в темном отражении, сочащаяся кровью рука — вот и все, что я видел перед собой. Я уже стал сомневаться в верности своих выводов, когда наконец серые губы мои криво зашевелились.

— Умный малыш-ш-ш, — прохрипело мое отражение.

— Логика, твою мать... — Все еще содрагаясь от накатывающей спазмами боли, прошептал я теми же губами, что и мой враг. Мы общались, используя одно тело. Каин брал под контроль Николая, произносил одну фразу, затем возвращал контроль мне. Я отвечал, и

все заново повторялось. Мы говорили одним ртом на двух и слышали речь друг друга общей парой ушей. Я не знал только одного — чувствует ли сейчас Каин ту непереносимую боль, что терзала мне кисть. И все же это не было бредом или галлюцинацией. Более напряженного диалога у меня не было никогда.

— Значит, все это время вы сидите в моей голове? — морщась, произнес я.

— Голова не ваша. — Искаженный рот в зеркале растянулся в ужасной ухмылке. — И при чем тут материальный носитель? Метка прилеплена к вашей виртуальной матрице, Ники. В случае кризиса, угрозы жизни или провала она информирует меня, и я приду.

«Значит, метка», — мысленно повторил я. Ну что же верно, на мне стоит датчик. Однако задан не главный вопрос.

— Зачем это сделано, Каин? — я спросил в лоб.

— Мой контроль...

— Я спрашиваю про Семью!!!

За моим криком воздух наполнился тишиной. Затем, спустя пару мгновений отражение улыбнулось. Как не в чем ни бывало, хронокорректор ответил спокойно и чуть презрительно:

— Признаюсь, Ники, ваш вопрос меня удивляет. Я говорил, нам требуется жертвоприношение. Для окончания революции нужно сплотить народ вокруг трона. Что еще может сплотить русских вокруг тебя, как не разделенные с тобой гнев и боль? Николай потерял семью — невинных девочек, наследника и жену. Виноваты революционеры! Поверь, либералов, марксистов, социалистов сейчас будут рвать на куски по всей бескрайней России. После такого — к тебе присоединится Православная церковь, до этого отказывавшая царю в поддержке. Полагаю, что даже в лагере наших лживых союзников проснется чувство стыда за то, что они так бессовестно потакали русским заговорщикам. Зверское убийство семьи, поверь мне, однозначно пойдет всем на пользу. Всему человечеству, всей хронокорректировке!

— Но это живые люди, — прорычал я, почти обезумев от ненависти и боли. — Невинные. Они ни при чем! Как можно было убить их так страшно и столь жестоко?!

— Не ты ли сам говорил мне недавно, что следует проливать кровь малую, дабы избежать большой?! Минимальное воздействие, верно? Вот это и есть наш метод. На сломе времен, в конце Великой войны, по Европе шатается призрак, — отражение рассмеялось, — призрак революции, Ники. Нам мало удержать власть в России, нам нужно сломить идею! Иного способа привить ненависть к либерализму и большевизму, к демократам и к революции, кроме убийства Семьи, я не вижу. И ты напрасно столь взволнован. Совершенное с Алике, дочерьми и наследником — почти идеальный ход. Кроме патриотического подъема и ненависти к оппозиции, мы убиваем множество зайцев одновременно. Жены-немки более нет у царя, и людям не за что обвинять его в пангерманизме. Нет и Наследника, значит, страна должна сплотиться вокруг единственного легитимного символа — лично тебя! А кроме того, зачем нужны тебе чужие жена и семья?! Ведь с ними ты почти незнаком! Найди себе молодую фрейлину, а лучше двух или трех — Николай еще достаточно молод, и если корректировка удастся, я обещаю, оставлю тебя на троне, повеселишься!

При последних словах отражение гадко осклабилось, а я, дернув кистью, не целясь и даже не думая, выстрелил из нагана!

Осколки стекла осыпались вниз, но я не опускал оружие. Пальцы ног от кусочков

зеркала спасли армейские сапоги, но лицо, посеченное мелкими стеклянными иглами, покрылось каплями крови. Я всадил в отражение весь барабан револьвера и продолжал еще щелкать, когда патронов уже не осталось.

Палил я не целясь, однако чувствовал — пули легли в лицо, в центр лба, в раскрытый безумный рот, в глаза, слишком уж хорошо я знал эти знакомые всему миру черты. Черты царя, мои и... хронокорректора по имени Каин.

Выбив замок, охрана ввалилась в дверь. Усталое я махнул им рукой. Поймут — все видели груз в машинах. Через мгновение смущенные бойцы исчезли, и я вновь остался в комнате один, сам с собою наедине.

Что только что произошло, спросил себя я? Символический выстрел в собственное отражение? И только? Выстрелив в зеркало, я выстрелил в Каина, прервав наш разговор. В наказание меня вполне могли уничтожить — стереть матрицу из головы царя Николая. Но мне было наплевать.

Вопрос сейчас состоял лишь в одном: докладывает ли программа-детектор Каина о перемещении моей матрицы между телами? Заметил ли Каин, что именно произошло с Николаем после обнаружения им трупов в грузовике? Ответить точно было невозможно, ведь я понятия не имел об устройстве «сигнализации». То, что Каин ничего не сказал по поводу прыжка в Воейкова, не значило ничего.

Как бы там ни было, после некоторых размышлений я пришел к единственному достойному человека выводу.

Над миром многоголовым чудовищем по-прежнему гремела Великая бойня и миллионы человеческих жизней — русских, немецких, французских — сгорали на ней каждый день, как в огнедышащей топке парового локомотива. Еще одна жизнь — моя — на фоне чудовищного, апокалиптического истребления людей не значила ничего. Все смертны, и если Каин придет за моей душой, я не стану молить о пощаде.

Важнейшим было другое. Как бы ни развернулись события в будущем, как бы ни сложилась собственная судьба, я, Ники, помощник хронокорректора, обязан покончить с этой войной!

Он не был великим полководцем и великим монархом. Но был верным, простым человеком, опиравшимся в своей жизни на веру в Бога.

Уинстон Черчилль о Николае Втором.

Говорят, тайские танцовщицы перед выходом облачаются в роскошные платья, из которых достаточно вытащить одну нить, чтобы они рассыпались на пол кусками воздушного шелка. Государства Великой войны напоминали мне сейчас нечто подобное по своей конструкции.

Историки утверждают, что одна личность ничтожна с точки зрения глобальной истории и слишком мала, чтобы заставить меняться гигантское человечество.

Однако никто не оспорит другое: платье тайской танцовщицы рассыпается, если выдернуть одну нить. Влияет ли ничтожность единственной нити на процесс такого распада?

По возможности трезво рассмотрев ситуацию на фронтах, я признался себе, что не вижу вариантов для ускорения развязки. Великую войну невозможно было прекратить быстро. Положение центральных держав оставалось критическим, однако инерция больших образований, которыми являются крупные государства, удерживала их от развала. Запас прочности, накапливаемый Пруссией и Австрией *веками* — как в смысле военной мощи, так и в смысле моральной устойчивости этих старинных монархий, — мог позволить им продержаться как минимум до конца года. Позволить же себе столь долгий срок я был просто не в состоянии. В любое мгновение в меня мог ударить Каин, но главное — несмотря на подавление мятежа — Россия по-прежнему находилась над пропастью революции, истощенная по многим параметрам не менее, чем ее грозные противники.

Если бы у меня было время, то даже не имея инженерных схем и конструкций, ориентируясь исключительно на общие представления человека будущего о войнах, я мог бы полностью преобразить российскую армию, сделав военную силу Империи недостижимой и непревзойденной. Я совершенно не разбирался в военной тактике или стратегии, зато отлично знал, что в следующей Мировой войне для прорыва фронтов командующим понадобятся танки — это простейший факт. Более того, как всякий гражданский обыватель, присутствовавший в свое время на парадах и разглядывавший экспонаты в музеях, я знал конфигурацию так называемого «основного военного танка», призванного стать в будущем главной опорой наземных армий и ударной силой главнокомандующих.

Одно только это — знание внешнего вида танка из будущего — могло облегчить работу здешних танкостроителей, заведомо исключив из числа заданий на проектирование нелепые варианты вроде «бронепоездов на гусеницах», как английский «Большой Вилли», французский «Сен-Шамон» или же знаменитый русский «Царь-танк». Этот гигантский впоследствии легендарный российский мастодонт, например, походил на привычный танк весьма отдаленно, до конца истории человечества считался самым крупным танком в мире и достигал девяти метров «в холке». Вооружение «Царь-танка» (такое название машине дал его создатель капитан Лебедев) состояло из нескольких орудий и пулеметов. Каждое из

ходовых колес должен был вращать отдельный авиационный мотор «Майбах», который обычно ставили на цеппелины. И хотя конструкцией «Царь-танка» занимались знаменитые инженеры, железный гигант никогда не был использован в бою из-за категорической своей непригодности — он был слишком велик и давление на грунт делало невозможным передвижение машины по передовым позициям, изрытым окопами и траншеями.

Подобные «Царь-танку» неповоротливые сверхтяжелые монстры, над которыми долгие годы трудились целые заводы и лучшие умы, являлись ошибкой, классическим научно-техническим тупиком, предугадать который заранее не мог никто, кроме... человека из будущего. Я мог избегать гигантских затрат стали, электричества, времени ученых, изобретателей и рабочих, лишь задав направление для развития конструкторской мысли!

Это касалось не только танков, но всех областей военной индустрии. Я не был ученым и не разбирался в технике будущего, но я знал направление ее развития в общих чертах. Каждый «пришелец из будущего» в этом смысле является маленьким гением по определению, поскольку настоящие чудо-решения, как правило, очень просты. Не являясь механиком, историком и даже просто эрудитом, я мог интуитивно, ориентируясь лишь на общие известные мне исторические факты, уловить, что является «правильным», а что — «бесполезным».

Например, исследования в области ракетной техники, начнись они в самом начале века, сулили военным блистательные перспективы. А разработка сверхтяжелых артиллерийских установок, подобных крупновскому «Большому Густаву» — напрасные траты времени и мозгов. Представьте, если бы в начале следующей Мировой войны русские конструкторы взялись за строительство гигантских орудий, а немцы, напротив, решились тратить деньги на создание полевых реактивных установок, кто знает, насколько изменилась бы ситуация на фронтах? На советских солдат обрушились бы ракеты германских катюш, а на армию Гитлера — никчемные снаряды сверхпушки, делающей по одному выстрелу в час и выходящей из строя после нескольких залпов!

Когда речь заходила об авиации, идеи «прогрессорства» охватывали меня еще больше. Давнишняя мечта человека — полеты на аппаратах тяжелее воздуха — осуществилась еще в самом начале века. Изначально полеты продолжались всего несколько минут, их дальность была крайне незначительна. В 1906 году француз Сантос-Дюмон пролетел всего 200 метров, но уже к началу нового десятилетия полеты мсье Фармана и Луи Блерио через Ла-Манш заставили военные ведомства крупнейших стран Европы всерьез обратить внимание на авиацию. Во Франции уже в 1911 году были приняты на вооружение двести аэропланов, в Германии в том же году — тридцать. Однако обратить-то внимание обратили, но большого практического эффекта это не дало.

Даже после самого беглого прочтения докладов военных ведомств и различных предприятий, выпускающих военную продукцию, мне предстала следующая картина. Например, российские военные стратеги и прежде всего сам Николай Второй скептически оценивали летательные аппараты как средство ведения военных действий. В том же показательном 1911 году в российской императорской армии насчитывалось только семь самолетов, из которых всего один был русской постройки!

Только спустя пять лет, когда с огромным трудом, пройдя без самолетов через Балканские войны, русские смогли наконец дойти до мысли, что без авиации современная армия столь же немыслима, сколь и неэффективна. Результаты «домысливания» проявили себя почти мгновенно. Менее чем за три года (значит, возможности к проектированию и

постройке самолетов существовали и ранее) в России возникли целых семь авиационных компаний: Русско-Балтийский завод в Риге, завод Щетинина и Слюсаренко в Петрограде, акционерное общество Лебедева (также — в Петрограде), акционерные общества «Дукс» и «Моска» в Москве, а также завод «Анатра» в Одессе. В ходе войны за три минувших с той поры года в строй вступили еще пять частных заводов, ориентированных на госзаказ: АО Терещенко, АО Адаменко, Товарищество «Безобразов и К°», Завод Пороховщикова и Общество «Матиас».

В итоге к началу войны соотношение «небесных сил» не только выровнялось, но даже превысило показатели соседей-соперников: в русской императорской армии находилось 244 самолета, в то время как Германия имела на ту же дату ровно 232 аэроплана, Франция — 138, Англия — 56 самолетов первой линии, а Австро-Венгрия — вообще около 30 машин. Таким образом, сразу после того как верховное командование и лично Император обратили внимание на проблему отставания в воздухе, Россия превратилась в крупнейшую военно-воздушную державу Европы. Страшно представить, что бы произошло, если бы Николай не просто «разрешил», но и сознательно стимулировал развитие отечественного самолетостроения.

Отставание «сознания» от уровня техники и возможностей промышленности с успехом продолжало проявляться и после начала войны. Казалось, ситуация с русскими ВВС на август 1914-го выглядела неплохо, особенно учитывая, что державы германского блока сосредоточили большинство самолетов все же на Западном и Сербском фронтах, а русские машины и летчики в этих условиях получили абсолютное преобладание в воздушном пространстве своего фронта. Однако не тут-то было.

Имея под контролем тринадцать авиационных заводов, военное министерство полностью устранилось от координации выпуска самолетов! Темпы строительства оказались крайне невысокими ввиду отсутствия контроля со стороны государства и полноценного государственного заказа, финансирование конструкторских бюро — не полным и производившимся главным образом из частных средств. Более того, имевшимися заводами по согласованию с русским военным ведомством выпускались в основном аэропланы иностранных конструкций: в серийном производстве, например, находилось 16 зарубежных моделей и лишь 12 отечественных. И это при том, что изобретения талантливых русских конструкторов Сикорского, Стенглау, Гаккеля, ничем не уступавшие, а во многом и превосходившие западные аналоги, так и не были запущены в серийное производство до самого конца войны.

Точно так же обстояло дело и с самыми современными на тот момент аппаратами для аэрофотосъемки систем Ульянина и Потте. Тот же Ульянин в далеком 1914 году предложил военному министерству первый в мире проект аппарата для дистанционного управления самолетом, который прошел успешные испытания в военно-морском ведомстве. Не получив поддержки у отечественных бюрократов, талантливый русский инженер уехал в Лондон — только там он смог продолжить свои работы.

Все вышеизложенное означало одно — у меня, как у хронокорректора отсутствовала даже необходимость «изобретать» или «внедрять» в начале двадцатого века «технику будущего». Гениальные новаторские технические решения, способные полностью изменить ход войны, доступные по уровню сложности местным станкам и заводам, уже были разработаны прямо здесь — местными *инженерами*.

Проблемы русской военной авиации, впрочем, определялись не только техническими

решениями и количеством самолетов. Еще хуже, чем с внедрением инженерных новинок, дело обстояло с банальной подготовкой летчиков. Цифры в этой области просто шокировали. За все время войны, например, в огромной стране было подготовлено всего триста пилотов. Что совершенно неудивительно, учитывая наличие на одной шестой части света всего двух авиационных школ — Гатчинской и Севастопольской. Более того, Россия стала единственной из воюющих стран, не имевшей плана мобилизации гражданских летчиков. Резерва обученных пилотов попросту не существовало: когда отечественного пилота сбивали, страна фактически теряла боевую единицу навсегда — на новую машину просто некого было посадить!

Лишь тотальные потери среди авиаторов заставили верховное главнокомандование принять какие-то меры. К текущему моменту, спустя три года простоя и почти при стопроцентной потере довоенных кадров, были наконец-то организованы дополнительные авиационные училища, в частности в Москве, Одессе (на частные средства) и Петрограде, а затем в Феодосии и Тифлисе. Если бы я вторгся в Николая Второго хотя бы за год или два до начала войны, ситуацию с подготовкой пилотов можно было изменить кардинально. Опять же — не имея никаких специальных знаний в этой области, а с одним лишь осознанием важности воздушной техники.

Само управление передовым видом вооруженных сил, которым на тот момент, безусловно, являлась авиация, велось из рук вон плохо. Российские ВВС вступили в войну, не имея четкого руководства. Единственный государственный орган, занимающийся вопросами авиации, — так называемый «воздухоплавательный отдел» при Генштабе, — преобразовали в отдельное «управление штаба» лишь в 1916 году. Однако, несмотря на смену названия, занималось оно все тем же — вопросами укомплектования и снабжения, а вовсе не производства, ремонта или разработки новых моделей машин.

Высшее руководство авиации при этом ужасном и опаснейшем состоянии назначалось практически «наобум»: первый руководитель Авиаканца барон фон Кульбарс — отличный человек и отважный офицер — всю жизнь служил в кавалерии, а его преемник, Великий князь Александр Михайлович, вообще был человеком светским и скорее царедворцем и вельможей, чем военным руководителем.

При изучении отчетов по ВВС меня поразили один необычайно показательный случай: когда военный министр Сухомлинов однажды прибыл на испытательный аэродром в Петербурге и узнал, что построенные самолеты должны испытываться в полете полтора часа, он приказал сократить испытательные полеты до 30 минут. Протесты летчиков и инженеров ни к чему не привели. Неудивительно, что в первый период войны основной процент потерь приходился на аварии: к 5 октября 1914 года авиаотряды 3, 5, 8-й и 9-й армий из 99 погибших самолетов 91 потеряли не в результате схватки с врагом, а вследствие несчастных случаев!

За три года войны в России не создали ни одного ремонтного завода — самолеты, нуждавшиеся в капитальном ремонте, отправлялись на место постройки, что в итоге сказывалось на выпуске новых машин. Мелкий ремонт выполняли на аэродромах, более сложный — в авиационных парках. Все это было алогично и объясняться могло лишь полным невниманием высшего руководства к проблеме. А ведь и средства, и финансы, и технический уровень, и специалисты — все это имелось в наличии, ничего из этого не надо было привозить из будущего.

Отсутствовал лишь государственный интерес!

Еще большие новации, как мне казалось, возможно было внедрить в области тактики боя. Как и в технических разработках, я не являлся в данной сфере специалистом и знатоком, однако отличия от более поздних времен методик ведения воздушных боев были настолько очевидными даже для обывателя, что внедрять новые идеи я мог бы пачками каждый день без всякого военного образования и опыта пилотирования.

Полнейшим для меня откровением стало, например, то, что генштабы всех стран — участниц конфликта в начале войны сводили роль самолетов исключительно к разведке и корректировке артогня. Дорогостоящие летательные аппараты считались своего рода «модными игрушками», и настоящие боевые функции с ними никто не связывал. Для меня, привыкшего к кадрам кинохроники, на которых огромные воздушные чудовища заваливают бомбами беззащитные города или расчерчивают небо пунктирами пулеметных трасс, подобное отношение к самолетам воистину стало откровением. Более явного пренебрежения возможностями передовой военной техники сложно было себе представить.

Бомбардировку с воздуха, возможность которой предсказывал еще Леонардо да Винчи, стали применять, можно сказать, случайно: отправляясь в полет, пилоты-разведчики спустя некоторое время после начала войны стали брать с собой бомбы, чтобы не только сфотографировать, но и причинить сфотографированным объектам вред, если вдруг выпадет благоприятная возможность. На вооружении авиации состояли только легкие бомбы — 4, 6, 10, 16, 32 кг — исключительно для разведчиков или же истребителей.

Настоящие тяжелые бомбы появились только в 1915 году (до 240 и 400 килограммов соответственно) и только для самолетов типа «Илья Муромец», ибо никаких других полноценных бомбардировщиков в мире на тот момент не существовало.

Как это ни смешно (действительно, смешно), якобы «отсталая» Россия оказалась единственной страной, имевшей в своем распоряжении бомбардировочную авиацию. Варианты использования тяжелых воздушных бомбардировщиков не стоит даже перечислять, настолько они очевидны для человека из будущего. Поставив производство «Муромцев» на поток, снабдив их в достаточном количестве тяжелыми бомбами, а главное, наладив тесное взаимодействие бомбардировочной авиации с наземными войсками и флотом, русская армия могла бы совершить переворот в тупиковой позиционной войне — играючи прорывать фронты, уничтожить германский флот Открытого моря без ютландов и доггер-банок.

В реальности ничего подобного не случилось, хотя все предпосылки для массового производства «Муромцев» имелись в распоряжении русского командования. За все время войны «Муромцы», количество которых к семнадцатому году составляло тридцать восемь машин (то есть пять так называемых «воздушных дивизиона» — страшная сила, учитывая зачаточное состояние бомбардировочной авиации у союзников и врагов), ни разу не совершили боевых вылетов для бомбардировки передовых позиций немецких войск. Усилия воздушных гигантов концентрировались на удаленных укрепрайонах и бытовых объектах Великой войны: на транспортных узлах, складах, базах, аэродромах. На тактику и стратегию военных действий подобные нападения оказывали минимальное влияние, а правильное сказать — никакого.

Опять-таки эффективность бомбардировок представлялась мне необычайно низкой и снова — по субъективным, а не реальным причинам. У «Муромцев» отсутствовали прицелы для бомбометания, отсутствовали бомбодержатели. Вместо бомб зачастую метали «стрелы», то есть свинцовые пули (в четыре раза больше обычных) с жестяным стабилизатором,

которые сбрасывали на противника, вручную опрокидывая фанерный ящик. Стоит ли говорить, что и прицелы, и бомбодержатели не являлись для того времени чем-то технически невозможным, и конструкторская мысль и тем более промышленность вполне могли наладить их производство. Помешало только одно — военное ведомство полностью устранилось от всех дел, связанных с «Муромцами» в частности и с авиацией вообще. Направление признавали малоперспективным, ненужным, и развивалось оно в основном усилиями частных лиц.

С истребительной авиацией история повторялась. Читая русские инструкции по воздушному бою, я едва ли не хохотал сквозь слезы. В начале войны на аэропланах не имелось встроенного бортового оружия: военспецы всерьез рекомендовали боевым летчикам, заметив самолет противника, «полететь к оному навстречу и, пролетая над ним, сбросить на него снаряд сверху». Под снарядом при этом подразумевалась отнюдь не бомба или зажигательная шашка — цели могли служить дротики, гири и даже бруски металла, которые специально брали на борт для «поединка» с вражеским самолетом.

Далее, подписанная мной инструкция 1914 года предлагала *«искусным маневром вблизи летящего самолета образовать воздушные вихри, грозящие ему катастрофой»*. И первое, и второе предложения военного ведомства для пилотов боевых истребителей, разумеется, являлись полным бредом.

В первых воздушных боях реально использовались только тараны. При этом летчики не шли в лобовую, ибо последняя при фанерных крыльях однозначно означала гибель собственной машины, но старались колесами летательного аппарата поломать фюзеляж или крылья самолета противника. В среде летчиков таран долгое время так и именовался — «битье колесами сверху». Практиковалось также «принуждение противника к посадке». При этом старались либо загнать его слишком высоко, чтобы у него замерз двигатель, либо, наоборот, прижать к земле, чтобы лишить возможности маневрировать. На самолет противника пытались набросить аркан или «кошку» с целью остановить работу пропеллера. Иногда к «кошке» прикрепляли дымовые или динамитные шашки. В общем, пока на земле гибли миллионные армии, воздушные «асы» практиковались в основном в смертельной акробатике, массовая эффективность которой практически равнялась нулю.

Только к середине войны летчиков стали вооружать пистолетами и карабинами, а основной задачей воздушного боя стал рассматриваться удачный подлет к противнику, при котором, опять-таки изголяясь в мастерстве, требовалось одновременно управлять самолетом, совершая маневры, и стрелять навскидку из револьвера, чтобы застрелить вражеского пилота. При подобных официальных рекомендациях организованные воздушные бои, схватки эскадрилий и воздушных флотов были попросту нереальны. Всякое столкновение в воздухе распадалось на множество затяжных индивидуальных схваток, в которых в ходе долгого маневрирования пилоты разыгрывали из себя дешевых ковбоев.

Установить на летательные аппараты пулеметы додумались только в 1915 году. Строго говоря, идея опять-таки принадлежала русским. Проанализировав результаты маневров войсковой авиации Киевского военного округа, пилоты Петр Нестеров и Владимир Гартман настоятельно указывали на необходимость вооружения аэропланов пулеметами. Додуматься-то в России додумались, однако первыми применили опять не мы. В том же 1915 году французский летчик Ролан Гарро впервые в истории поставил на своем истребителе пулемет (банальный пехотный парабеллум) и стал одерживать победу за победой. Пулемет у Гарро имел приспособление, позволявшее стрелять через винт, —

простейший синхронизатор. Сразу после этого «открытия», являвшегося на самом деле очевидным, синхронизаторы запустили в массовое производство. К 1916 году авиация всех воюющих стран имела истребители со встроенным бортовым оружием. Но ведь на это понадобилось два года и смерти многих летчиков, гибель большого количества самолетов!

Все эти факты внушали в меня уверенность: для решительного технического преобразования армии любой из воюющих держав мне не были нужны конструкции и технологии будущего, содержащиеся в *энциклопедии Каина* отсутствующие в «моей». Новаторские идеи, которые станут основой будущей Второй мировой уже были изобретены здесь. И если бы Каин дал мне просто пару лет форы, ситуацию с танками, авиацией, подводным флотом, ракетным вооружением и прочими чудовищными открытиями надвигавшегося «века мировых войн» я мог бы решительно изменить — без подсказок, используя только местных конструкторов. Техническое превосходство союзников над Германией не зависело от ноу-хау и чертежей. Любой человек, взятый из конца двадцатого века и хоть чуть-чуть разбирающийся в истории военной техники, оказавшись в теле царя Николая, кайзера Вилли или австрийского императора, смог бы все тут перевернуть.

Проблема заключалась в другом — у меня эта фора отсутствовала.

* * *

Огромная страна досталась мне не только без времени, но и без сил. Экономика корродирует от войны — факт давнишний, известный. Все страны, участницы мирового конфликта готовились к войне скоротечной и даже в мыслях не допускали, что схватка продлится долгих четыре года. Россия в этом смысле оказалась подготовлена едва ли не хуже всех.

Как показывали доклады министров, ко времени моего появления финансы Империи находились в полнейшем расстройстве. Стране, очень тесно связанной до войны именно с державами центрального блока, не хватало самого необходимого. Лучшие русские инженеры, в том числе создатель первого в мире автомата Федоров и многие подобные ему непризнанные изобретатели, в первые месяцы войны посылались из КБ на фронт, где половину гениальных мозгов успешно повыбивало.

В области производства вооружений ситуация вообще оказалась аховая. Казалось бы, за годы правления Николая промышленное развитие России сделало значительный шаг вперед. Даже по данным немецких исследователей того времени, объем промышленного производства России за предвоенные годы увеличился в 10,5 раза, в то время как в Германии — только в 6 раз, во Франции — в 3 раза, а в Англии — в 2,5 раза. Страна действительно совершила рывок. Но то был рывок *гражданской промышленности, прежде всего* — железнодорожной, текстильной и добывающей. В области промышленности военной Россия, как и прежде, отставала не только от соперников, но и от союзников по Великой войне. Не хватало элементарнейшего — даже пороховых заводов в России построили недостаточно, чтобы обеспечивать нужды фронта.

Свыше 76 % населения России оставалось занято в сельском хозяйстве и только 10 % — в промышленности. Но главное, как всегда, состояло в другом, а именно — почти в полном игнорировании проблемы со стороны власти и военного ведомства. К 1914 году царская Россия не имела сколько-нибудь развитой военной промышленности, изготавливающей

предметы современного вооружения: винтовки, патроны, пушки, снаряды, порох, самолеты, военные суда, бронемашины, список этот можно было продолжать без конца. Почему, зачем и в чьих интересах подобное происходило, сейчас уже вряд ли можно ответить, однако факты оставались фактами: к началу войны русская военная индустрия имела считанное количество специализированных военных предприятий, изготавливавших соответствующие виды вооружения.

Промышленность России, например, не обеспечивала царскую армию даже необходимым количеством винтовок. Число винтовок, производившихся в 1915 году на отечественных заводах, покрывало потребности армии немногим больше чем на 50 %. По исчислениям военного ведомства, общая потребность в винтовках на период с 1 июля 1916-го по 1 июля 1917 года составляла 6 млн шт., в то время как отечественные оружейные заводы могли выпускать только 1814 тыс. шт., или немногим более 35 % общей потребности. Все недостающее, разумеется, закупалось в годы войны за баснословные деньги у союзных или нейтральных стран.

По признанию военного министра того времени генерала Поливанова, России недоставало «тех видов промышленности, которые изготовляют предметы государственной обороны, и более всего тех отраслей, которые изготовляют предметы артиллерийского снабжения». Не случайно поэтому у царской России в момент ее вступления в Первую мировую войну имелось всего лишь 7088 орудий всех калибров против 13476 орудий, которыми располагала австро-германская армия. Русские артиллерийские заводы, выпускавшие преимущественно легкие орудия — 3-дюймовые пушки, 48-мм полевые гаубицы, 57-мм канонерные, горные полевые пушки, — выпускали очень мало тяжелых орудий. Против 1396 тяжелых орудий, с которыми начала войну австро-германская армия, русская армия имела всего лишь 240 орудий!

По насыщенности воинских частей тяжелой артиллерией царская Россия уступала не только Германии, Англии, Франции и Италии, но и Румынии, которая имела на каждую тысячу пехотинцев 1,3 орудия против одного орудия в русской армии. Между тем в условиях позиционной войны (как известно, Первая мировая война носила именно такой характер) тяжелая, то есть осадная артиллерия играла огромную роль в военных операциях. Такие средства, как зенитные орудия, которыми были вооружены французская, английская и немецкая армии, и вовсе не производились на отечественных военных заводах. Не производились в России перед войной и авиационные моторы, бомбометы и минометы. Станковых пулеметов в России производилось меньше, чем в Германии, в 13 раз, чем в Англии — почти в 14 раз, чем во Франции — в 5 раз.

Орудийный парк царской России почти полностью ориентировался на импортные поставки. В частности, основным орудием русской армии оставались пушки и гаубицы французского производителя «Schneider», впоследствии модернизированные в 1930-е годы реальной историей в советскую гаубицу МЛ-20, использовавшуюся во всех значимых конфликтах новой страны и даже применявшуюся в годы второй великой войны на самоходных орудиях. Споры нет, несмотря на ряд недостатков, орудие Шнайдера на момент 1917 года оставалось одним из лучших в мире, однако необходимость импортных поставок запасных частей делало Россию в годы войны зависимой от союзников. Обеспечение импортной техникой в условиях блокады центральных держав, когда Балтика и европейские железные дороги уже не могли быть использованы в качестве транспортной артерии, стало делом весьма затруднительным, подчас вообще невозможным.

В то же время моему недалекому реципиенту следовало отдать должное. За время драки с Германией, в тяжелейших условиях, он за три года смог поставить экономику на военные рельсы и добиться сносного обеспечения фронта всем необходимым. Если в первые годы войны нехватка снарядов для артиллерии и обмундирования для новобранцев являлось делом обыденным, то к 1917-му такие картины стали уже невозможны. Кстати, в злополучном 1917-м, была разработана знаменитая форма с «буденовкой» — та самая форма красноармейцев, воспетая впоследствии в киноискусстве победившей революционной власти. Можно сказать, страна только-только начала подниматься с колен, стала воевать по-настоящему, развернулась во всю широту саженных плеч — до победы действительно оставалось полшага. Собственно это и являлось победой — таков был наш план с союзниками: подтянуть пояса и, дожидаясь, когда пока Германия рухнет первой.

В отличие от стран Антанты, державы центрального блока, окруженные со всех сторон, давно испытывали изнурительную нужду, гораздо страшнее и больше, чем Россия или атлантические державы. Исход войны в ближайшее время предопределила сама география сражающихся альянсов. Все предыдущие описанные события продемонстрировали перевес Антанты. К концу 1916 года обе стороны потеряли убитыми 6 миллионов человек и, около 10 миллионов было ранено. В декабре 1916 года Германия предложила России мир, но уверенный в победе Николай — вот факт, говорящий сам за себя! — отклонил предложение, требуя только полной и безоговорочной капитуляции.

Меня, впрочем, смущало другое: как бы ни были велики шансы Антанты в 1917-м, Германия могла выстоять как минимум несколько месяцев. Выстоит ли столько Россия? После последних событий я уже не имел в этом полной уверенности, но статистика подтверждала — выстоит. По крайней мере, выстоит дольше, чем замученная Германия. Экономические запасы, финансовая поддержка запада, поставки из Англии, САСШ, Японии, неизмеримо большие, в конце концов, территория и население говорили лишь об одном: Империя Николая должна быть устойчивей, чем Германия и Австрия вместе взятые.

Ирония заключалась в том, что подлинный царь Николай думал, вероятно, точно так же, как я сейчас, и чудовищно заблуждался. Статистика не давала всей полноты картины, ибо в реальной истории Россия рухнула раньше! Устойчивость государств на пике экстремального напряжения измерялась, очевидно, не только количеством солдат, запасами муки, снарядов и квадратных миль территории. Но чем же тогда еще?

В той прошлой версии Времени, несмотря на все доводы «против», казавшаяся незыблемой Российская империя рухнула от прикосновения пальца — буквально.

«Колосс на глиняных ногах», — вопили про Русь в Париже и Лондоне, проклиная слабого союзника, оставившего альянс на финишном рубеже. «Десять дней, которые потрясли мир», — написал по этому поводу Джон Рид. Отчасти все эти крики были правдивы. Крушение столь огромного здания, которым в начале столетия всем представлялась Россия, на самом деле казалось нонсенсом, чем-то невероятным, действительно «потрясшим весь мир» за жалкие десять дней.

Но в криках крылась ошибка: глиняными у колосса оказались вовсе не ноги. На ногах Империя держалась крепко — точно так, как стояла тысячу лет. Глиняной оказалась ее голова...

Сидя за столом в своем кабинете, я делал вид, что перебираю бумаги, однако на самом деле я рылся в записях виртуальной *энциклопедии*. Снова и снова перечитывал файлы, посвященные событиям после переворота.

Они убеждали в простейшем, по сути, выводе: микроскопическим событием, повлекшим за собой крушение гигантского государства, тем самым мановением пальца являлся ничтожный факт — отречение от престола царя Николая. Без Монарха не существует Монархии. Безусловно, деяния, подобные измене генералов в феврале 1917 года, совершались в России неоднократно — придворной камарильей, ближайшими родственниками, иностранной разведкой, восставшим народом и даже нетрезвой гвардией. Но никогда и нигде перевороты не совершались при таком удивительном стечении обстоятельств, ибо падшую корону в России было некому подхватить. Как только рука Николая Второго поставила росчерк карандашом на нелепом телеграфном бланке под словом «отрекаюсь», а барышни-телеграфистки отстучали проклятое слово тонкими пальчиками, разослав тысячи сообщений по всей стране, по одной шестой части света будто промчался титанический спазм. Гигантская конвульсия, словно волна цунами, прошла по мозгам россиян, вымывая и выхолащивая из них все представления о разумном и человеческом. Людей не трудно было понять — три года войны, затмевавшей все, что человечество видело когда-либо прежде, не оставляли им шансов. Как только цепь традиционного повиновения легитимной, законной, а главное, привычной власти Царя была порвана отречением, уже ничто не могло сдержать измотанные войной и издерганные пропагандой бунтовщиков народные легионы.

Справедливости ради нужно отметить, что ситуация представлялась напряженной не только в Российской империи. Во всех воюющих странах (исключая, быть может, САСШ, традиционно отсиживавшихся от немцев за океаном) нить народного терпения также была растянута до невозможности — раскаленной, как нагретый до белого цвета металл.

Каин не зря мне сказал: «Призрак бродит по Европе». Призрак революции! И действительно, этот призрак поднимал голову во всех воюющих странах без исключения, по всей Европе, заметьте, а не в одной лишь России. Вот только голову сняли именно у русских — словно специально подгадав удачный момент. Убрав одного человека, убрали сразу сто миллионов...

«Стоп», — вдруг сказал себе я, будто нащупав нить, протянувшуюся путаным лабиринтом к нужному мне решению. А ведь это метод!

Еще и еще раз прокрутив эту мысль в голове, я задумчиво хмыкнул — решение лежало на поверхности. Когда Николай отрекся, Россия сорвалась с тормозов. Люди, измотанные войной, жили одним — терпением и привычкой. Выстоять, дожить, дотянуть — вот единственное, что заставляло их брести, ползти до победы. Солдат — оставаться в окопах, рабочих — стоять у станков. Патриотический порыв умер, заваленный горами трупов и видом раненых инвалидов, сотнями тысяч отправляемых в тыл. Легко представить, что когда Самодержец *ушел*, нить, сдерживавшая всех этих людей, и так растянутая до предела, мгновенно лопнула!

А если...

Выругавшись, я помотал головой.

Во всех странах Европы ситуация с престолонаследием была давно решена. Исчерпывающе и логично — в случае гибели государя, а также любого количества официальных наследников линия престолонаследия не пресекалась. От боковых ветвей, от родственных домов за границей, от местных знатных аристократов всегда можно было найти очередного законного претендента на трон. Суть дела, однако, заключалась не только в этом. Порядок, пригодный для мирного времени, становился совершенно

нежизнеспособным в условиях кошмарной войны и экстремального недовольства народной массы.

Накал политической ненависти большей части населения к зачинщикам империалистической бойни достигал к концу Мировой войны своего пика в фантастических показателях, как уже говорилось, во всех странах без исключения. В этих условиях, в условиях мощной политической оппозиции, тотального недовольства, да и что говорить, невероятного внешнего давления со стороны военных противников, полноценным наследником мог стать человек не просто обладающий законным правом на трон в порядке престолонаследия, но и хорошо известный всему населению. А также, что совершенно немаловажно, поддерживаемый военными.

Пример России в указанном смысле являлся более чем показательным. Наследником трона мог стать либо Алексей, то есть цесаревич, известный каждому подданному Империи, либо Великий Князь Михаил, также знакомый всему населению родной брат Государя. В качестве третьего, дополнительного варианта возможно было указать еще Николая Николаевича Романова, не имеющего законных прав на престол, но популярного благодаря бывшей должности Верховного Главнокомандующего.

Изумительная насмешка судьбы состояла в следующем.

Первые два являлись первыми в очереди наследования, в «предыдущей» истории в их пользу произошли реальные отречения, однако моральных сил ни у малолетнего Алексея, ни у ничтожного Михаила не хватило, чтобы взять власть.

У Великого Князя Николая Николаевича, напротив, сил и воли хватало с избытком, однако в очередности он стоял далеко не первым. Кроме того, заговорщики, зная его сильную хватку, в феврале семнадцатого уже не предлагали ему стать царем, как всего лишь шестью месяцами ранее.

Все прочие бесчисленные Кириллы, Георгии и Константины в Самодержцы не годились в принципе. Отчасти из-за удаленности в ленте наследования, отчасти — из-за малой известности в широких кругах населения или же в узких кругах командующих фронтами генералов. Вот и выходило, что при всей многочисленности Романовых в критический момент эстафету царствования у Николая принять оказалось некому.

В Средние века подобный недостаток монархических государств легко компенсировался варварством и жестокостью. Далекий от престола, но более популярный наследник вырезал всех идущих впереди претендентов, получая на руки обе карты — и первородность в наследовании, и известность в народе. Статус-кво восстанавливался, страну возглавлял решительный, дееспособный монарх.

В европейских домах начала XX века подобное решение вопроса не могло приниматься во внимание. Трудно вообразить, например, Кирилла Владимировича или Николая Николаевича Романовых, убивающих родственников, чтобы добраться до трона. Личная цивилизованность не позволит, да и уровень коммуникаций — тем более: страна бы убийцу не приняла.

Для себя из всего этого я мог сделать короткий и не обремененный излишней сложностью вывод: в Германской империи мне нужно выбрать всех подходящих для реального престолонаследия претендентов. А дальше...

Дальше я составил для себя примерный план действий. Отстреливать себе еще один палец для новых переговоров с Каином не осталось сил, а потому, вызвав Келлера и Воейкова, я велел возвращаться в Санкт-Петербург. О смерти Семьи телеграфировали графу Фредериксу; как министра Двора, отвечающего за официальные церемонии, я попросил его озаботиться погребением. Тот ужас, который я и мой реципиент испытали при виде женских и детских трупов, не стал меньше или незначительней после открытия способностей к перемещению между телами, но солдатский долг — а русский царь всегда был прежде всего солдатом — требовал от меня не слез и смирения, но решительности и возмездия.

Сколько мне было отпущено времени, я не знал. Следующие часы без перерывов и сна я постановил для себя экспериментировать с новым даром. Получалось довольно странно и необычно. По возвращении в Зимний я быстро выяснил, что технология смещения матрицы разума действует элементарно. Все перемещения выполнялись программой автоматически, по ее запросу ко мне и по моему подтверждению. Единственное, что здесь требовалось, — простое управление манипуляторами.

Как оказалось, пространство вокруг меня делилось на «индивидуальное поле» занятого мной реципиента, индивидуальные поля «потенциальных реципиентов» и так называемое «пустое пространство». При выносе папки энциклопедии за пределы моего индивидуального поля и совмещении ее в пространстве с индивидуальным полем любого другого человека перед глазами Николая зажигалась простейшая и вполне доступная для дальнейшего управления надпись:

Виртуальный сервер находится на границе индивидуального поля возможного реципиента.

*Желаете приступить к дополнительной инициации?
(да/нет)*

Я кликал «да», и переселение происходило автоматически. Разум на несколько секунд (в зависимости от удаленности объекта захвата) становился бестелесным, я парил над полом в свободном полете — и через секунду дезориентации мог смотреть на мир уже глазами нового человека. «Старая» оболочка при этом теряла сознание. Чаще всего я экспериментировал с многострадальным Воейковым (коль скоро получилось уже один раз). В этом случае после удачного переселения перед глазами высвечивалось:

Инициация завершена.

Новый реципиент обозначен под кодом «2»:

Воейков Михаил Владимирович /1917.05.03. от Р.Х./ Гринвич, 12.30.

Обозначения реципиентов меня сначала интриговали. Но перечитывая текст, я быстро догадался, что именно они означают: кроме имени и фамилии захваченные мной «носители» обозначались системой виртуального сервера по точному времени начальной инициации — дата, часы и минуты. Видимо, это означало возможность «инициации» одного и того же носителя несколько раз, вернее в разное время с исторической точки зрения, то есть не только в «текущей», но и в нескольких других версиях реальности. Например, если бы я был способен перемещаться во времени как Каин, то мог последовательно, шаг за шагом в случае неудавшейся хронокорректировки занять царя Николая в 1913-м, затем в

1894-м или в том же 1917 году, но на месяц или на час ранее. Виртуальный сервер в этом случае обозначил бы царя Николая иными координатами, чтобы не путать с теперешним. Ну что же, оборудование хронокорректоров оказалось не только удивительным, но и очень практичным. А также — элементарным в использовании, что, впрочем, было вполне объяснимым для «прикладной» программы. Профессиональные хронокорректоры обязаны разбираться в истории, а не в технических приспособлениях, не так ли? Это значит, что интерфейс для их технических средств должен создаваться максимально простым. Аминь!

Между тем одним флигель-адъютантом я вовсе не ограничивался. Вскоре временными жертвами моих «путешествий по сознанию» стали Келлер и старик Фредерикс, Нахичеванский, солдаты конвоя и даже мирные, ничего не подозревающие обыватели из соседних с Зимним дворцом зданий. Попытки с перемещением между телами могли сильно беспокоить указанных людей, а также окружающих, которые при виде бессознательного царя вполне могли запаниковать, поднять тревогу, вызвать врачей. Так что основную массу «перемещений» я совершал глубокой ночью. Как выяснилось — ночные эксперименты оказались даже на руку моим неопытным возможностям, поскольку проникать в мозг к человеку во время сна выходило гораздо проще.

А главное — никто их не замечал! С момента моего «заселения» новый реципиент ничего не помнил (что я выяснил экспериментально, опрашивая утром Келлера и Воейкова после «прогулок в них» ночью). После же моего «ухода» реципиент обычно терял сознание. Соответственно днем проводить «захваты» было невозможно по причинам демаскировки — множество обмороков и временных провалов памяти в царском окружении не остались бы незамеченными. Ночью же все шло как по маслу: реципиент ложился спать вечером, ночью я в нем «ходил», а утром человек просыпался с жуткой головной болью, ничего не помня из моих ночных приключений.

Приключения, впрочем, оставались скромными. Меня волновала сама возможность переноса матрицы, а не что-то иное. Так что обычно я ограничивался фактом «захвата» тела, выходил на крыльцо или балкон покурить, затем возвращался, ложился обратно в кровать и «уходил». Вполне возможно, что реципиенты на самом деле помнили происходящее после «захвата». Большинство видений и картинок, наблюдаемых носителем «под наездником», все же проходили через клетки мозга, а значит, могли оставаться в памяти, но лишь как сон, скорее кошмарный, быстро забываемый, от которого остаются утром только несвязные всполохи и обрывки. Впрочем, размышляя я, яркость воспоминаний могла зависеть от накала эмоций во время «захвата». И очень важные или же яркие события реципиент вполне мог запомнить.

Папка *энциклопедии*, как мне показалось во время таких «прогулок», являлась не просто информационным банком с историческими данными. По ходу экспериментов я догадался, что в папке, вероятно, заключена сама моя личность и кроме текстовых файлов там помещаются мои память, характер, темперамент и даже подсознательные или эмоциональные реакции, присущие, как оказалось, не только телу, но бестелесной «виртуальной конструкции», каковой в настоящий момент я являлся. Чем-то иным объяснить факт перемещения сознания с простым пространственным переносом папки я не мог. Кроме всего прочего, энциклопедия наверняка содержала программы, управляющие перемещением матрицы, вот только добраться до них простым кликаньем манипуляторов я не мог. Как, впрочем, и до файлов с собственной личностью. Как уже говорилось, *энциклопедия* содержала несколько непонятных иконок, через которые, вероятно, туда можно

было попасть, однако мне не хватало допуска или же требовался пароль, а все это, вероятно, проходило по епархии Каина. Решив ограничиться пока тем, что оказалось доступно, я продолжал экспериментировать.

Помимо способности прыгать в чужие тела, меня поразила возможность так называемого «свободного полета». Перейти к нему оказалось даже проще, чем перемещаться в Келлера или Воейкова.

При подносе иконки энциклопедии к границе индивидуального поля царя Николая (примерно метр-два от лица), программа сообщала следующее.

*Виртуальный сервер приближается к границе индивидуального поля
реципиента номер один (Романов Ник. Алдр./ 1917.28.02 от Р.Х. / Гринвич, 03–15).
Желаете использовать функцию «Свободный поиск»?*

Обычно я кликал «нет» и переносил папку дальше, к телу, которое желал занять. Но если я нажимал «да», то происходило нечто удивительное: я становился духом!

После выхода из тела круговое зрение давало потрясающие возможности, но еще большие возможности давала возможность стремительного полета. Задавая виртуальными манипуляторами направление для движения, я мог перемещаться в пространстве со страшной скоростью и в один из дней, когда тяга к открытиям была наиболее жгучей, промчался над Петроградом едва не сотню верст, потом вдоль Невы и железной дороги, рассматривая микроскопические составы, снующие подо мной тонкими дождевыми червями. Исследовать более широкие и удаленные пространства я пока не решался — но лишь из опасения заблудиться, потратить на возвращение много времени и не успеть до утра.

Ощущения после открытия мной «свободного поиска» казались просто неопишутельны! Я чувствовал себя как Икар, впервые поднявшийся в небо, не человеком — ангелом, полубогом, и от полета ввысь сквозь уровни атмосферы, в космос, откуда бескрайний человеческий мир видится маленьким шаром, удерживали меня только чувство долга и ограниченность времени, через которое Каин явится, чтобы меня убить.

Хронокорректор тем временем не спешил. Чем объяснялась его медлительность, я не знал, да и не задавался этим вопросом. После беседы с зеркалом суть жизни, находящейся уже на грани конца, заключалась для меня в ином. Через три дня после взятия карательной армией Петрограда эксперименты с «виртуальным сервером» я постановил для себя успешными. Теперь наконец-то я мог приступить к задуманному.

В этот день, с огромным трудом дождавшись полуночи, я попрощался с придворными и охраной, прошел в свою спальню, разделся, лег и накрылся пледом.

Тело покоилось на спине удобно и совершенно расслабленно. Со стороны меня можно было принять за спящего, что и требовалось для успокоения охраны и Свиты. Как всегда при открытых веках, справа и слева от лица прямо в воздухе висели невидимые ни для кого «лапки» и папка энциклопедии.

Схватив манипулятором иконку моей виртуальной составляющей, я выбросил ее максимально далеко от себя. С кликом «да» на короткий вопрос виртуального сервера меня пулей вынесло в воздух. Одновременно последовало резкое движение — это было первым впечатлением. Мышцы Николая рефлекторно сжались, будто ожидая боли, но через секунду всякая боль исчезла, ибо у меня не стало мышц. Мир зримо двинулся, и ощущения,

связанные с наличием тела, оставили меня, превратив в чистые слух и зрение. Внезапно сознание охватило чувство движения на громадной скорости, которое увеличивалось с каждым мгновением, будто при рывке спортивного автомобиля, когда педаль вжимается в пол. В мгновение ока я пронзил стены, оконную раму, деревья и воспарил над дворцом. Сначала я почти не ориентировался в происходящем, восхищенно, хотя и несколько настороженно воспринимая скольжение мира вокруг меня. Однако вскоре я догадался, что полет является результатом моих собственных действий и управлять им совсем несложно. Все же Каин кое-чему меня научил — надо действовать проще.

Проще!!!

До этого я ни разу не вырывался так далеко от императорской резиденции, ограничивая себя близлежащими территориями, как максимум — окраинами Петербурга, однако сегодня мне следовало узнать пределы моих возможностей. Ибо в глобальном замысле, что меня полностью захватил, имелось много неясных моментов, которые следовало продумать. А потому возможность дальнего перелета через половину Европы я должен был прояснить для себя заранее.

Перед глазами висела папка энциклопедии, являвшаяся, как я думал, информационной квинтэссенцией моего «я». Значок манипулятора, как и прежде зависший справа, на расстоянии вытянутой руки (смешно, ведь рук более не существовало), как всегда был подвластен моему разуму и легко, словно делал это многие годы, тянулся чуть вверх и чуть в сторону. Именно это почти незаметное сначала движение приводило к смещению ракурса зрения и точки, в которую вливались звуки. Когда я двигал «стрелку» манипулятора кверху, я словно бы взлетал выше в воздух. Когда двигал влево и вправо, ракурс зрения смещался в соответствующие стороны. Когда продвигал манипулятор вперед — скорость стремительно нарастала. Когда, напротив, оттягивал «лапку» назад, движение замедлялось. Единственным ограничением являлось движение вниз. Будучи, по сути, нематериальной точкой, я легко проникал в слой почвы, опуская манипулятор в самый низ поля зрения. Однако отсутствие в земной тверди световых лучей погружало мое бестелесное «я» в крошечную тьму. Соответственно во время полета я пытался парить над землей — здесь ограничений не было почти никаких!

Послав «лапку» вверх, я воспарил над серым, наземным миром. Движение мое не замедлялось сопротивлением воздуха или же силой тяжести и зависело только от удаленности манипулятора от центра моего зрения. Чем резче я двигал манипулятором — тем стремительней двигался.

Спидометр отсутствовал в комплектации виртуальной ракеты, но казалось, что дух мой рванулся в небо почти с космической скоростью, за секунду преодолевая десятки километров.

И здесь, в немыслимой для людей высоте, я застыл. Лопатоподобное лезвие Финского залива, как нож вонзалось в тело Русской равнины, [\[17\]](#) тянулось усом Невы к блекнувшим пятнам Ладоги и Онеги. На самом же острие, подобный куску мяса на финке голодного рыбака, застыл Петроград. И Царское — где-то там, далеко внизу.

Не задумываясь почти ни о чем, я ударил манипулятором влево и вверх, резко поменяв угол зрения и словно бы кувыркнувшись в воздухе. Выпрямился, поглядел. Передо мной простиралась бескрайняя даль, неохватная взглядом даже с такой сногшибательной высоты. Судя по рваной ветоши облаков, я все еще был в пределах земной атмосферы, однако точка моего зрения и ничтожные масштабы гигантских географических объектов позволял

допустить, что высота, с которой я взирал в настоящий момент на мир, составляет не менее сорока или пятидесяти километров.

Это был полный восторг!

За продвижением в небесах мне помогала следить только линия океана. Сначала я пытался ориентироваться на крупные реки вроде Невы и Двины, однако вскоре запутался, ибо в Балтику впадало множество водных потоков, витиеватые нитки которых мне были малознакомы, несмотря на тщательное изучение карт.

Взяв за ориентир южный берег Балтийского моря, со скоростью истребителя я двинулся на закат...

Теперь пришел час, когда Россия и ее славные союзники сломят сопротивление врага единым общим порывом. Эта война должна быть доведена до победного конца. Тот, кто думает сейчас о мире или жселаает его в этот момент, является предателем своей страны и отдает ее в руки врага.

Я знаю, что каждый солдат, достойный так называться, думает так же, как я!

Прощальное обращение Николая Второго к народу после отречения от престола в день ареста царской Семьи 8 марта 1917 года реальной истории

20 марта 1917 года.

Петроград

По возвращении в Питер у меня появилась богатая пища для размышлений. В эту ночь после первого путешествия мне пришлось мотаться в Германию несколько раз — для изучения мелких деталей. Опасение не успеть вернуться до наступления утра теперь выглядело незначительным, ведь отсутствие материального тела позволяло развить в воздухе фантастическую скорость, благодаря чему путешествие из Петрограда в Берлин или Вену занимало всего пять-десять минут. Очень часто, забывая остановиться или попросту заплутав в надоблачной высоте, я пролетал Германию насквозь, замирая лишь над Атлантикой, и возвращался обратно.

В последующие сутки я совершал обычно два путешествия каждый день, одно очень длинное — на весь период сна до утра, и второе, короткое — в полдень, когда я отпрашивался у Воейкова на послеобеденный сон — всего лишь на час или два. К моему удивлению оказалось, что длительный ежедневный отдых необходим только телу царя Николая — как и всякому человеческому организму. Разум же мой в отдыхе не нуждался категорически, а потому, покидая реципиента на несколько часов в сутки, я продлевал свой рабочий день почти до двадцати четырех часов. Двенадцать часов — для бодрствования и управления одним воюющим государством, двенадцать часов — для разведки на территории остальных.

В Европе я падал из-под облаков, парил над линиями фронтов, от окопа к окопу, залазил в головы посыльным велосипедистам, радистам и офицерам, подслушивал передачи и разговоры, присутствовал на советах Главных квартир, незримой точкой зависая над картами с обозначениями вражеских соединений. Занимая тела архивистов, адъютантов, секретарей, ординарцев, клерков или библиотекарей, я знакомился с книгами по династии Гогенцоллернов, секретными документами, старыми газетами и даже перепиской немецких

принцев.

Станным образом Николай помог мне и здесь. Его прекрасные знания немецкого, французского и английского языков автоматически передались мне, что, впрочем, не являлось для меня феноменом. Совсем недавно я не знал русского языка, но приобрел навык речи вместе с мозгом царя Николая. Возможно, в этом состояла некая закономерность, возможно, действительно чудо, однако в данный момент я не стремился к объяснению очередного открытия — понимание того, о чем говорят, занимало меня куда более, чем разгадка механизма обретения данной возможности.

А говорили о многом.

Спустя уже несколько дней бестелесного наблюдения я понял, что задача, стоящая передо мной, не так уж сложна.

С одной стороны, после беглого ознакомления с династией Гогенцоллернов я без труда выяснил, что у Вильгельма Второго на 1917 год имелось целых семь детей и одиннадцать внуков — довольно приличное количество, учитывая, что каждый из них являлся потенциальным претендентом на трон. Женившись в 1881 году на чудесной Августе Виктории Шлезвиг-Голштейнской, будущий кайзер проявил к жене поразительное внимание, заставляя бедняжку рожать каждые два года. На взгляд человека из будущего, итоги брака выглядели достойными: уже в 1882 году на свет появился первородный наследник Вильгельма — также Вильгельм, будущий кронпринц и командующий группой Верденских армий. В 1883-м — второй сын кайзера Эйтель Фридрих. В 1884-м — Адальберт, ныне командующий фландрской флотилией миноносцев — самой близкой к Британии и, соответственно, самой «боевой» частью немецкого Кригсмарине. В 1887-м родился принц Август Вильгельм, в 1888-м — принц Оскар, в 1890-м — Иоахим, младший сын германского Императора, будущий претендент на престол Ирландии (во время знаменитого Пасхального восстания против англичан), и, наконец, в 1892-м — блистательная принцесса Виктория Луиза.

С другой стороны, несмотря на свою многочисленность, все вышеуказанные лица оказались достаточно уязвимы. Суть заключалась в том, что в годы Великой войны дети династии Гогенцоллернов все как один оказались достойными представителями своего воинственного народа. В отличие от многих русских великих князей, все германские цесаревичи служили офицерами действующей германской армии. Претенденты на трон Вильгельма Второго являлись не только символами и наследниками императорской власти, но и *действительно воевали* — на фронтах, во флоте и в генеральных штабах.

Но, собственно, впечатляло меня другое. Как высшие военачальники императорской армии вместе с прочими генералами рейхсвера почти все наследники кайзера еженедельно присутствовали на совещаниях генерального штаба, что проводились по средам в расположении Ставки германского Императора в небольшом валлийском городке Спа на самой границе с Бельгией.

Волшебными словами тут являлись фразы: «все наследники» и «собирались еженедельно».

Еще более привлекательным для моих замыслов еженедельные совещания в Ставке кайзера делало присутствие на них цвета немецкого генералитета. Людендорф, Гинденбург — эти знаменитые фамилии присутствовали в списках приглашенных кайзером офицеров почти всегда с вдохновляющей регулярностью. Кроме того, на заседаниях предполагалось присутствие главы правительства Германской Империи Макса Баварского — как

руководителя штаба гражданской обороны.

Невообразимо удачное, но в то же время совершенно случайное стечение обстоятельств вызвало в моей душе мрачный, можно сказать «убийственный», восторг. Я еще не осознавал, чем именно привлекает одновременный сбор наследников и генералов в одном бункере или дворце, но чувствовал, что для моих замыслов в этом кроются определенные перспективы.

В то же время не все было идеально.

Например, в числе потенциальных наследниц германского трона числилась женщина — упомянутая чуть ранее цесаревна Виктория Луиза, принцесса Прусская и герцогиня Брауншвейгская.

Виктория также считалась человеком военным. Как принцесса Пруссии, самого милитаризованного государства XIX столетия, она числилась шефом Пятого полка лейб-гвардии, так называемого Черного Гусарского или «Гусары Смерти», что, безусловно, представлялось весьма оригинальным назначением для миловидной девицы. Военные регалии дамочки меня не волновали, важным обстоятельством являлось иное. На совещаниях германская принцесса не присутствовала, а значит, сразить ее единым ударом с прочими членами венценосной семьи было невозможно. Между тем ее возраст, характер и широкая известность как единственной дочери Императора в случае смерти Вильгельма превращали Викторину Луизу в мощнейшую фигуру. А у меня не было ни малейшего желания убрать кайзера, чтобы заменить его кайзершей.

Так обстояли дела с детьми Вильгельма. Внуки же Гогенцоллернов меня пока мало интересовали. Самому старшему из них (сыну кронпринца) стукнуло одиннадцать лет, самому младшему не исполнилось и года. В столь нежном возрасте, мне казалось, внуки кайзера не могли стать угрозой союзникам. Да, в случае смерти Кайзера немцы могли сыграть с кем-то из подростков в регентство, но, учитывая сложную политическую обстановку, карта юного наследника вряд ли сработала бы. Я не мог быть полностью уверенным в бесполезности императоров-малолеток, однако уподобляться Каину и убивать детей я не собирался ни при каких обстоятельствах. Мишенью являлись только взрослые и, что важно, *военнослужащие Гогенцоллерны*.

Несколько дней после выяснения обстоятельств я потратил на то, чтобы привлечь Викторину Луизу к заседанию Штаба одновременно с прочей «высшей родней», однако решение отыскало меня само.

22 марта 1917 года, в день, когда создателю Германской империи Вильгельму Первому исполнилось бы ровно сто двадцать лет (старик родился двадцать второго марта 1797 года), Его Величество Король Пруссии и Император Германии собирался покинуть бельгийский Сна и провести несколько дней в столичном дворце Сан-Суси. Там же, в связи с заведенным порядком проводить собрание Главной квартиры в месте нахождения Главнокомандующего, планировалось провести текущее недельное совещание высших офицеров. В силу близости Берлина, Виктория Луиза, Макс Баварский, а также прочие представители военной элиты Германии, нерегулярно участвующие в еженедельных совещаниях, это собрание должны были посетить обязательно.

Теперь, когда все жертвы должны собраться в одном месте и в одно время, мне оставалось лишь решить вопрос с методом нападения.

Теоретически я мог бы нанести несколько последовательных ударов, изобразив настоящую охоту за венценосными особами германской династии, однако однотипные покушения на наследников выглядели бы противоестественно. Мне нужно провести

единственную атаку — одну на всех Гогенцоллернов, эффективную и смертельную.

Если бы мне было необходимо прикончить одного Вильгельма, вопрос снялся бы сам собой. Все немецкие офицеры носили с собой пистолеты, преимущественно знаменитый парабеллум образца 1908 года. Один выстрел в голову — и вопрос снят. Убить Вильгельма я мог, войдя в него, имитируя самоубийство или используя любого из его офицеров, имитируя покушение. Учитывая множественность избранных для ликвидации лиц, ни то, ни другое не годилось.

После простейших раздумий я пришел к единственному подходящему выводу: чтобы одновременно покончить со всей германской династией и всем германским генштабом, мне нужен был не выстрел, а взрыв.

Потсдам. Дворец Сан-Суси.

Два дня до падения Германской империи

Обдумывая детали такого решения, я спрашивал себя: что произойдет, если во время взрыва в комнате с Гогенцоллернами буду находиться я? Вероятно, в случае пребывания вне тела не произойдет ничего, ибо взрывная волна не способна причинить вред бестелесному духу. Однако соль заключалась в том, что при взрыве кому-то следовало дернуть запал. Ни опыта, ни навыков для устройства «управляемого взрыва» или «взрыва на расстоянии» у меня не имелось. Бомбу в помещении штаба должен будет взорвать не дух, а живой человек, чья плоть рассеется вместе с взрывной волной. Умру ли я, если буду находиться в носителе в момент его смерти?

Каков бы ни был ответ, опасность меня не страшила. Не из героизма — из обреченности: время, отпущенное мне, истекало неумолимо, и я не имел понятия, как много дней и часов Каин позволит мне безнаказанно наслаждаться свободой.

С другой стороны, наказание от него затягивалось, и иногда, вспоминая сцену с зеркалом и наганом, следующая встреча с потенциальным палачом уже не казалась мне настолько фатальной. Может, все страхи пусты и мне ничего не угрожает?

Думая об этом, я мотал головой — если в тот момент находился в чьем-нибудь теле. Я мог бы вернуться в Николая, отстрелить себе еще один палец, вызвать Каина и попытаться молить о прощении. Однако... нечто останавливало меня. Возможно, обычная человеческая гордость, но возможно — нечто гораздо более сильное.

Так или иначе, избрав вариант решения, я взялся за его подготовку.

На самом деле «готовить» мне было нечего, ибо бестелесному разуму не требовалась снайперская винтовка или глушитель на пистолет. Я не нуждался в тренировках и даже в отдыхе перед операцией. Для осуществления задуманного мне требовался лишь сам я и, пожалуй, примерный план покушения.

Вот тут начинались сложности.

Прежде всего я доподлинно узнал, где именно будет проводиться «берлинское» совещание генерального штаба. Несколько раз пролетев над обширным дворцовым комплексом Сан-Суси, я без труда запомнил его общую компоновку и приступил к изучению

внутреннего устройства отдельных зданий. Само название, как я выяснил, происходило от французского «sans souci», что значило «без забот». Весь комплекс представлял собой несколько независимых дворцовых сооружений, объединенных обширной парковой зоной. Центр ее составляли декоративные виноградные террасы, как бы спускающиеся каскадом с холма и ныне покрытые снегом. На холме возвышался небольшой замок, построенный еще славным предком будущих императоров прусским королем Фридрихом Великим. По сравнению с дворцами некоторых российских промышленников и вельмож, замок Фридриха являл собой довольно незначительное сооружение, что, впрочем, объяснялось вовсе не бедностью германских императоров, а относительной древностью постройки Сан-Суси и отсутствием вкуса у русских аристократов. Одноэтажное, но невообразимо изящное, с боковыми флигелями, открытыми сетчатыми павильонами и множеством стеклянных дверей, здание Сан-Суси как бы раскрывало себя природному великолепию спящего фруктового сада и низвергающихся с холма виноградников, ныне прикрытых снегом.

Кроме «открытого замка» в дворцовый комплекс входили значительно больший по площади Новый дворец, Античный дворец, чайный домик в китайском стиле, Дворец с драконами, римские купальни, ансамбль искусственных руин, дворец-оранжерея, а также картинная галерея с колоннадой и вазами из песчаника. В этом почти незаметном в тени высоких деревьев здании, в подвальном, самом защищенном от воздушных атак этаже я обнаружил несколько странных комнат, укрепленных стальными балками и бетоном. Послушав разговоры и проследив за входящим в здание персоналом, я выяснил без труда: после удаления полотен и статуй бункер Вильгельма располагался именно здесь!

Потсдам. Дворец Сан-Суси.

Сутки до падения Германской империи

Двадцать четыре часа минули молниеносно.

В четверг утром двадцать второго марта 1917 года — то есть за несколько часов до назначенного «берлинского» совещания, две уборщицы вошли в большой бункерный холл под зданием галереи. Время и место проведения заседания Штаба находились под секретом, они составляли, безусловно, предмет военной и государственной тайны. Однако старушки, убиравшие подземный бункер, о прибытии Кайзера были прекрасно осведомлены. Вместе с женщинами и швабрами внутрь без труда проплыл и я.

Бункер состоял из девяти помещений, активно использовались из которых семь. В первой комнате размещалась охрана, во второй — гардероб и кресла для ожидающих. Третья и четвертая представляли кабинеты штабных работников, а также, вероятно, помещения для хранения документов — вдоль стен я увидел множество сейфов. Последняя обширная комната предназначалась для отдыха императора, и, наконец, самый просторный зал вмещал в себя большой стол, шкаф с картами, бар и множество стульев. Выводы сделать было нетрудно.

Кронпринц, канцлер, принцы крови, принцесса Виктория Луиза, генералы Людендорф и Гинденбург наверняка расположатся ближе к кайзеру, размышлял я. Вокруг стола, но по

старшинству, в строгом порядке, столь любимом немецким народом. Командующие фронтов и более младшие офицеры — чуть дальше. Это значит, если эпицентром взрыва станет сам кайзер, эффект получится максимальный. Чем ближе к кайзеру — тем вероятнее смерть.

С другой стороны, в глухом помещении, соединенном с миром только коробом вентиляции да дверными проемами, перекрытыми наглухо тяжелой металлической дверью, люди набьются тесно — как сельди в бочке. В этом каменном склепе, недобро размышляя я, даже слабый взрыв разнесет в клочья всех — до последнего человека. Взрывной волне тут некуда убегать, и значит, в живых не уйдет никто.

Теперь, когда время и метод покушения стали ясны, мне оставалось одно — отыскать для себя оружие. Это тоже представляло некоторую проблему. Ни кайзер, ни главные офицеры штаба не имели доступа к бомбам, минам или артиллерийским снарядам. Разумеется, германский император мог потребовать, чтобы ему принесли кусок аммонита непосредственно в помещение для совещаний генштаба, но, согласитесь, это вызвало бы большие подозрения. Значит, средство убийства мне следовало доставить в бункер как-то иначе.

Действовать я решил прагматично, руководствуясь банальной истиной: самый простой план является самым надежным. Не мудрствуя, я отыскал ближайшее средство, способное удовлетворить мой «убийственный» интерес.

После некоторого размышления я заключил, что простейшим способом уничтожить несколько десятков лиц в тесном бункере являются не мина и не динамит, а элементарная пехотная граната, возможно — связка гранат, способная разорваться в замкнутом пространстве бункера при закрытых дверях. Действительно, к чему было возиться с расчетом мощности динамита, со взрывателями и проводами, когда устройство, как раз и предназначенное для массового поражения пехоты в замкнутом пространстве, уже давно было придумано местными инженерами?

Выбрав потенциальное оружие, я принялся анализировать принятое решение с разных сторон и изучать на предмет исполнимости и реальности. Прежде всего меня волновали ТТХ ручных гранат, применяемых немецкой армией в 1917 году.

Энциклопедия выдала на запрос об оружии довольно пространный ответ.

Как оказалось, на вооружении германской армии на март семнадцатого состояло несколько видов гранат, основными из которых были фугасная граната «Stielhandgranate 15», именуемая в окопах «колотушкой», и осколочная «Kugel 13», или граната-шар.

К началу войны гранаты в Германии рассматривались не как элемент вооружения пехоты, а как средство для крепостной войны, что и сказалось на особенностях ручных гранат тех времен. Кугель представлял собой переработанную, но почти не измененную идею трехсотлетней давности — литой чугунный шар диаметром 7 сантиметров с ребристыми насечками симметричной формы и проволоочной петелькой под запал. Как пехотное оружие Кугель был почти ни на что не годен из-за своей массы и шарообразной формы, делающей малоудобным как переноску, так и метание в цель. Мне, впрочем, Кугель не подходил по иным причинам: заряд гранаты-шара включал примитивное вещество на основе черного пороха и обладал крайне невысоким фугасным действием, что, разумеется, не соответствовало моим целям.

Граната-колотушка подходила больше. Прежде всего, «Модель-15» имела более простую конструкцию, что внушало веру в ее техническую надежность. На длинной деревянной рукоятке размещался широкий металлический цилиндр со взрывчатым

веществом. На конце рукоятки имелась простая, удобная чека (все тот же шарик на проволоке), объем цилиндра обеспечивал мощность гранаты, а длинная рукоятка — удобство ее метания. Но меня, конечно, интересовали другие показатели: большой жестяной цилиндр гранаты заполнялся сложным взрывчатым веществом, а не просто черным порохом. «Модель-15», таким образом, не была рассчитана только на осколочное воздействие и являлась фугасной — что и требовалось для закрытого помещения кайзеровского бункера.

Ближайшие к дворцу колотушки находились в сумках стрелков, расположившихся возле переезда через речку, отделяющую парковый комплекс Сан-Суси от пригородов Берлина. Лейб-гвардейцам во дворце колотушки не полагались, полицейским и жандармерии, охранявшим парковую зону, — тем более. Потсдамский армейский склад раскинулся только в километрах двадцати от дворца в бараках ближайшей военной части. Однако в самом Потсдаме располагались резервные подразделения Первой гвардейской кавалерийской дивизии, присланные сюда отдохнуть с фронта примерно месяц назад. В зимний период, пока над окопами тишиной звенело затишье, подобные «ротации» войсковых частей применялись во всех сражающихся армиях, в том числе в немецкой, в русской, в австрийской и даже турецкой. Части с передовой по очереди отправлялись в столицу или в прифронтовые провинции, чтобы отдохнуть и привести себя в порядок. Соответственно, находясь на отдыхе, обстрелянные полки усиливали «внутренний контроль» над страной.

Вместе с Первой кавалерийской здесь же, в Потсдаме отдыхали полки Тридцать девятой пехотной дивизии, а также стрелки Шестой бригады Ландвера. И те, и другие располагались ближе к Сан-Суси, нежели выбранные мной кавалеристы, однако в одинокие разъезды по территории вокруг парка пускали только драгун.

Ближайший обнаруженный мной конный разъезд состоял из шести человек. Четверо, удобно расположившись за мостиком в небольшой выемке, сидя на досках, крутили сигарки и неспешно о чем-то болтали, а двое, сидя верхом, столь же неспешно объезжали местность по кругу — от моста до ближайшего поворота, скрывавшегося за домами, и обратно. Осуществлялся объезд, очевидно, периодически и поочередно, поскольку лошади остальных четверых «дозорных» стояли тут же, привязанные возле моста. Так что мне в некотором смысле повезло — убивать одновременно всех шестерых было бы сложнее. А так, отряд сам разбился на две неравные группы. Территорию вокруг Потсдама, наполненную войсками, охраняли без рвения — тут не могло быть врагов, кроме разве что таких экзотических, как я.

Дождавшись, пока конная пара скроется с глаз, и выбрав для себя наиболее крепкого «верхового», я быстро догнал его, рухнул внутрь черепа и затем мысленно осмотрел захваченную территорию.

Очевидно, атака осталась незамеченной для всех, кроме объекта вторжения. Чуть покачнувшись в седле от мгновенной потери координации, мое новое тело прикрыло ладонью лицо и шумно вдохнуло воздух.

— Что с тобой? — удивился напарник.

— Нехорошо, — удивляясь произнесенным немецким словам, отвечал ему я, — знаешь, у меня что-то с палашом, посмотри.

С этими словами я аккуратно вытянул клинок из ножен и, подняв стальную полосу над головой, кивнул на нее подбородком. Сталь заиграла на солнце.

— Ничего не видишь?

— Рехнулся? Я вообще не понимаю, о чем ты говоришь!

— Об этом! — воскликнул я и резким ударом правой рубанул ему в центр лба.

Опыта кавалерийской рубки у меня не было, я понятия не имел, как разрубить человека от плеча до пояса или смахнуть с молодецкой оттяжкой голову. К моему удивлению, удар в лоб не расколол череп несчастного надвое (как, мне казалось, должно было произойти), однако оказался достаточно эффективным. Несчастный немец безмолвно рухнул замертво, по лицу его побежала тонкая струйка крови.

Не мешкая и не ожидая, пока кто-то из возможных очевидцев поднимет тревогу, я спрыгнул с лошади и торопливо обшарил подсумок убитого. По счастью, там, как и ожидалось, лежали три искомые мной гранаты. Тут же я перебросил их в свой подсумок, затем еще раз пересчитал добычу. И у меня, и у сраженного мной гвардейского драгуна имелось ровно по три «колотушки» — прусская педантичность здесь не подвела. Ударная сила в шесть пехотных гранат радиусом действия в пятнадцать метров каждая была достаточной, чтобы убить двадцать человек в комнате площадью десять на десять метров.

Удовлетворенно кивнув, я вскочил на коня.

— Убит, убит! — завопил я во весь голос и выскочил из-за поворота.

Четверо у моста немедленно оживились. Отбросив самокрутки, они потянулись к винтовкам. Увидев товарища, во весь опор несущегося к охраняемому мосту, драгуны чуть приспустили стволы, однако смотрели на меня настороженно.

— Что с Густавом?

— Пристрелили!

— Да кто?

— Догадайся!

С этими словами я достиг моста и с энергией, достойной лучшего применения, обрушил на вопрошавшего свой палаш, все еще багрящийся кровью незнакомого мне Густава.

Направо! Налево!

Два стрелка умерли, едва успев догадаться, что станут жертвами собственного товарища.

Третий, стоявший чуть дальше, успел судорожно дернуть затвор и выстрелил вскидкой. Пуля пробила мне легкие, и тело предателя выпало из седла. Точно за мгновение до этого я выскользнул из всадника.

Не думая ни о чем, поднялся в воздух и вонзил свой разум в тело только что уложившего меня удачливого стрелка.

— Вот сволочь! — заорал мне четвертый драгун, выскакивая из-за моста. — Я все видел, Карл, это измена, измена!

Он подбежал ко мне, и мы оба задумчиво посмотрели на труп моего бывшего реципиента, лежащий у нас под ногами.

— Конечно, — заметил я и снова передернул затвор, чуть развернув ствол оружия к очередному напарнику. — Измена, она и есть.

— Что? Как? — Тот глупо взмахнул винтовкой, но я выстрелил раньше.

Взмахнув руками, пятый солдат рейхсвера свалился под мост, в воду.

Быстро перебрав сумки, я напихал себе еще шесть гранат, затем, торопясь, что выстрелы вызовут слишком много внимания, снова взлетел на коня.

Местность вокруг лежала относительно безлюдная — с двух сторон мост окружала рошица, с третьей через парк дорога вела во дворец, и только с четвертой стороны, как раз с той, откуда я прискакал, зарубив первого верхового драгуна, открывался вид на пригороды Потсдама. Там стояли несколько одноэтажных домиков, хозяева которых, привлеченные

выстрелами, наверняка уже палились на меня расширенными от ужаса зрачками.

Лично мне не было до них дела. В случае разбирательства роль стрелка, тело которого я сейчас занимал, в убийстве товарища быстро докажут. Однако до разбирательства, усмехнулся я, оно вряд ли успеет дожить.

Через пять минут скачки, потрясая набитым гранатами подсумком, я долетел до парадного входа в дворцовый парк. Будь во мне меньше наглости, возможно, стоило попытаться проникнуть в Сан-Суси через «черные», «вторые», «запасные», «грузовые» или иные ворота, которых на территорию дворцового комплекса имелось достаточно много. Однако меня почему-то привлекал именно парадный въезд — вероятно, тем, что раскладку местности внутри парковой зоны я изучал по отношению к нему и примеряться к новым координатам уже было попросту лень.

У парадных ворот, украшенных чугунным литьем, латунью и даже золочением по краям перьев гербового орла, меня ждали двадцать стрелков в полной готовности, во главе с дежурным, потянутым, почти глянцевым офицером.

— Что там у вас? — заорал мне красавец-командир германцев, тыча белой перчаткой в сторону моста и дороги.

— Нападение, — выдохнул я и попытался достать офицера штыком.

Три ствола выстрелили одновременно. В следующее мгновение вокруг воцарилась полная тишина. Очередной мой носитель, стукнув о землю ненужной уже винтовкой, рухнул у сапог своих сослуживцев порожним мешком, а сам я невидимой тенью парил в это время у них прямо над головами.

Крякнув и крепко выругавшись, определенно сбитый с толку, но нерастерявшийся глянцевого лейтенанта немедленно направил к мосту пятерых человек, а остальных заставил залечь у парадного и изготавиться к возможному нападению.

«Молодчина», — подумал я, висая в воздухе, однако тут же отметил, что решение офицера, исходя из моих собственных целей, нуждается в кардинальной корректировке.

Педантично отметив погоны и убедившись, что более старшего по званию в толпе стрелков нет, я спустился чуть ниже, прямо к темени обреченного лейтенанта. Поначалу меня встретило яростное сопротивление личности, объяснимое, вероятно, тем, что реципиент находился в возбужденном состоянии, но я справился.

— Вы двое — ты и ты! Возьмите труп и отнесите его во флигель! — приказал я уже устами офицера.

Убитого стрелка подняли сильные руки товарищей и послушно потащили внутрь парка. Прихватив подсумок с гранатами, лейтенант отправился вслед за ними.

Во флигеле я велел бойцам возвращаться к парадному, а сам быстро пошел ко дворцу. Мой новый пленник в это время казался связан невидимыми, но несокрушимыми путами. Впервые за все время «переселений» я столкнулся с открытым сопротивлением личности. Николай Второй попытался вытолкнуть меня однажды — факт, однако, что сделал это в состоянии ужасного шока. С тем же, что реципиент сопротивляется сразу после вселения, я сталкивался впервые. Возможно, это объяснялось индивидуальной устойчивостью неизвестного мне офицера к подобным «виртуальным» нападениям, а возможно, его состоянием в данный момент. Вероятно, его личность пыталась разобраться с тем, что произошло у ворот и на мосту, а посему воспринимала мое вторжение в разум не как феномен, а как опасное нападение на дворец. Реакцией на заведомую атаку соответственно явилось яростное сопротивление. В этом был определенный риск — я не знал, есть ли у него

допуск, и не был уверен в том, что в критической ситуации немецкий лейтенант не вытолкнет меня так же, как это сделал один раз русский царь. Формальному контролю тем не менее он пока поддавался.

В конце концов я решил не рисковать. Пройдя дикий парк, я добрался до декоративного сада, украшенного газонами и цветочными клумбами, присыпанными сейчас подтаявшим снегом. Отыскав первое же укромное место — буквально то, которое бросилось мне в глаза, я забросил сумку с гранатами внутрь обширного кустарника. Место показалось мне привлекательным в силу двух причин: во-первых, сад был разбит на правильные квадраты, заполненные густой растительностью, в голых, но темных ветвях которого сумка оказалась совершенно не видна. А во-вторых, на перекрестье двух выбранных мной дорожек, на каменном постаменте располагалась фигура античной богини, судя по шлему — Минервы, которую я мог взять за метку для обнаружения спрятанных таким незамысловатым способом пехотных гранат.

Далее все было просто. Привычно — два существа в одном — я направился к главному фасаду дворца. Под сферической крышей здесь скрывался Мраморный вестибюль — главный вход и главное украшение потсдамского Версаля. Пятеро в серых мундирах, очевидно, уже лейб-гвардейцы, попытались меня остановить и принялись расспрашивать, что происходит в парке. Без прений и разговоров я разрядил в них маузер. Буквально через секунду нечто горячее со свистом пронзило мне бок. Дернувшись от обжигающей боли, яглянул вниз и увидел расползающееся на мундире пятно...

Когда я поднялся в воздух, зрение вновь прояснилось, я осознал себя парящим прямо в Мраморном зале над изрешеченным пулями телом умирающего лейтенанта. Глаза отважного офицера смотрели вверх, в потолок, но казалось, будто глядит он прямо на несуществующего меня.

Я вздрогнул. Для подобного спазма у меня не было тела, однако страх перед только что совершенной резней запомнился мне в тот момент хорошо. Было ли благом то, что творил я сейчас, убивая случайных людей налево и направо, шагая по головам? Невинными назвать их было нельзя — все-таки стрелял и рубил я военных, а значит, потенциально готовых к смерти людей, однако тут крылось иное. Бессмысленные убийства уже семерых несчастных немецких солдат, совершенные последовательно и скоро — едва ли за полчаса, — я мог считать откровенно подлыми. Ведь я убивал их не в спину, а хуже, не только калеча тела, но превращая захваченных носителей в изменников и предателей в глазах сослуживцев, в глазах жен и детей, которых, возможно, убитые мной солдаты оставляли в родных деревнях и городах.

Однако я вспомнил виды, которые ежедневно во время своих путешествий мог наблюдать в окопах по обе стороны фронта — брустверы и траншеи, заваленные трупами после артиллерийских обстрелов. Война не может быть выиграна без жертв, и дань, что я собираю сейчас, ничтожно мала по сравнению с океанским валом из трупов, который обрушится на Европу в ближайшие пару лет, если я сейчас провалюсь!

Спустя два часа после инцидента у Парадного входа, когда все уже успокоилось, а трупы нападавших изменников увезли на автомобиле к криминалистам в Берлин, Его Величество кайзер Вильгельм Второй, Король Пруссии и Император Германии, поднял голову ото сна. Встав с кресла, в котором дремал после утомительного, а главное чрезвычайно неутешительного приема докладов он направился в туалетную. Там с интересом осмотрел на себя в зеркале, как будто видел впервые. Покрутил ус и по лабиринту сумрачных коридоров

главного корпуса «виноградарского дворца» вошел на территорию любимого декоративного сада. Разумеется, на прогулку.

Возле бюста Минервы Император ненадолго остановился, а затем, ломая ветки руками, зачем-то полез в кусты.

Потсдам. Дворец Сан-Суси.

Тридцать минут до падения Германской империи

Весна наступила неделю назад, однако, если не глядеть на календарь, казалось, что время стояло зимнее, и в зале для совещаний привычно чадил камин.

Гладкие стены в полированном бетоне, а также массивные балки перекрытий и металлические колонны зависли над огромным столом в зеленом сукне, словно мифические исполины. Спустя три часа от времени инцидента с Парадным входом вокруг меня, императора Германской империи, суетились незнакомые люди.

На самом деле я знал большинство из них: отчасти — из сумрачной памяти зачинателя Великой войны, отчасти — из данных энциклопедии или из собственных «летних» исследований.

Присутствовали все — Адальберт, Иохим, Эйтель-Фридрих, Виктория Луиза и Кронпринц Вильгельм. Конечно же — глава правительства Макс Баварский, начальник полевого Генерального штаба генерал-фельдмаршал Гинденбург, первый генерал-квартирмейстер Эрих Людендорф, баварский принц Рупрехт фон Виттельсбах, начальник штаба Восточного фронта Гофман. Для полной картины не хватало командующего румынским фронтом Маккензена, знаменитого генерала Сандерса, победителя англичан в Месопотамии, Сирии и Палестине, а также великого фон Бюлова, с остервенением роющего окопы в Пиккардии и Шампани. Последние три прославленных генерала находились слишком далеко от места событий и вряд ли могли повлиять на результат задуманной мной корректировки истории. Все же Пиккардия — это не Бранденбург, Румынский фронт — не Саксония, а Багдад — не Берлин.

Вильгельм оказался значительно выше ростом, нежели Николай, однако, как многие великие люди, имел физический недостаток. Я знал, что еще в раннем возрасте несколько родовых травм, полученных кайзером Вилли при появлении на свет, чуть не стоили ему жизни. Будущий Император и общепризнанный зачинщик Великой войны родился с поврежденной левой рукой — она оказалась короче правой почти на пятнадцать сантиметров.

Рефлексы Вильгельма наглядно показали мне, что император научился довольно искусно скрывать свой физический недостаток, то кладя одну руку на другую, то поворачиваясь к фотоаппарату, журналистам или собеседникам под некоторым углом. Кроме того, на протяжении ряда лет в детстве Вилли вынужден был носить «машину для прямодержания головы» из-за так называемой врожденной кривошеи, пока наконец родители и врачи не решились на операцию рассечения шейной кивательной мышцы. Все эти действия, безусловно, причиняли много боли маленькому ребенку, что, вероятно, и

сказалось впоследствии на вспыльчивом и непредсказуемом характере моего нынешнего «носителя».

Но характер Вильгельма меня в данный момент не беспокоил. В отличие от офицера охраны, яростно сопротивлявшегося моему вторжению четыре часа назад, кайзер Германии то ли не был столь возбужден произошедшим нелепым вторжением во дворец, то ли голову его занимали иные, более сложные и тягостные мысли, то ли общее расстройство в делах империи и неминуемое приближение военного поражения погружало разум блистательного монарха в ту черную меланхолию, которая известна только весьма выдающимся, но уже павшим личностям. Вероятно, нечто подобное испытывал когда-то Наполеон, а несколько позже будет испытывать Гитлер.

Память Вильгельма, этого удивительного человека, оказалась заполнена множеством сложных воспоминаний, большинство из которых я еще не успел просмотреть. Как ни странно, при проникновении в голову память нового реципиента вовсе не обрушивалась на меня всей тяжестью, и события долгих лет его жизни не прокручивались перед моими глазами. Совсем напротив, получив власть над очередным телом, я получал только рефлекторные или подсознательные навыки, а именно речь и некоторые мышечные реакции. Чтобы исследовать весь пласт воспоминаний носителя, мне требовалось спокойствие и время — очень много времени и очень много спокойствия, чему черед последних дней и часов совершенно не способствовала. Путешествие в прошлое очередного носителя занимало долгие часы, я как бы переживал воспоминания захваченного мной человека, прокручивая видеозапись в реальном времени, очень часто — смутную и полную разрывов, пятен и едва различимых теней.

Вильгельм в этом смысле представлял собой настоящий кладезь, подлинное открытие. Общение с Вильгельмом Первым и князем Бисмарком, становление Кригсмарине посмеявшего бросить вызов непобедимому британскому флоту, создание воздушных эскадр, пушки Крупна, колониальные захваты, восстания в Африке, развитие промышленности, постройка первых подводных лодок, встречи со знаменитыми людьми, путешествия и коллекционирование Императором произведений искусства — все это выглядело чрезвычайно интересно и очень захватывало меня, однако... времени на общение с удивительной личностью практически не оставалось. Март злого семнадцатого года маршировал по планете, стуча каблуками в головы и с каждым мгновением приближая трагический миг развязки Великой войны — миг весеннего наступления России и ее союзников.

— Дамы и господа, — чуть коверкая немецкие слова, с мрачной решимостью произнес я, призывая присутствующих к вниманию. — Я рад, что мы собрались на этом финальном собрании, ибо у меня для вас есть важная новость. Прошу вас, подойдите ближе к столу.

Голос мой был в этот момент голосом Вильгельма Второго, однако смысл и странные нотки в его дребезжании окружающие уловили чутко. Кронпринц Вильгельм и принц-адмирал Адальберт изумленно переглянулись, но послушно шагнули вперед. Фон Людендорф, напротив, остался на месте и подозрительно топорщил усы, ибо в голосе и в словах его Императора нечто звучало не так, и старый лис чувствовал это «нечто» всей битой фронтовой шкурой. Увы, думал я, один шаг его не спасет — двери закрыты, вокруг бетонные стены.

— Да, государь, — произнес Макс Баварский, почтительно поклонившись, — мы собрались по вашему приглашению и выслушаем все, что вы изволите сообщить. Однако что

означает фраза «на этом финальном собрании»?

Я рассмеялся чуть хрипло и несколько нервно, затем поставил на стол подсумок с гранатами. Несмотря на тщательно прокрученный несколько раз сценарий массового убийства в бункере, руки мои предательски задрожали.

— Означает это примерно вот что. — Я достал верхнюю колотушку и, вставив палец в кольцо, показал ее окружающим.

— Простите меня, если сможете! С этими словами кайзер великой Германии резко дернул запал.

Великие дела надо совершать не раздумывая, чтобы мысль об опасности не ослабляла отвагу и быстроту.

Гай Юлий Цезарь

Триста километров от Потсдамского бункера.

Нижняя Бавария.

Пять секунд после взрыва

Пять секунд спустя я мчался меж облаков, пронзая воздух бестелесною точкой.

Я не вполне понимал, что произошло, однако факт сохранения собственной жизни вызывал восторг. Во время «доставки» гранат в парк дворца я убивал немецких солдат направо и налево, однако умудрялся уходить из чужого тела, как только опасность нападения «на носителя» становилась очевидной.

Пять секунд назад произошло нечто иное. Мое тело — тело немецкого Кайзера — взрыв порвал на куски. Вероятно, тут сказалось мое «фатальное» отношение к покушению. Я мог бы уйти из Вильгельма — граната сработала с задержкой, но подсознательно не смог этого сделать, поскольку готовился к смерти одновременно с убийством находящихся в бункере людей.

Теперь же возможности технологии Каина казались выходящими за самые смелые грани воображения. Эти технологии решали не только проблему скорости перемещений, смены тел, путешествий во времени, но и проблему бессмертия!

Хронокорректору не требовалось никаких орудий и технологий. Он мог попасть куда угодно и когда угодно, перемещаясь из тела в тело. Во дворец, в крепость, в подводную лодку и в подземелье. И везде убивать — без счета и без опаски. Целые крепости могли пасть без долгой борьбы и осады вследствие убийственного катаклизма внутри или загадочного самоубийства кого-то из защитников. Я был способен проецировать свою сущность, куда требовалось — и умирать, оставаясь в живых. Это казалось чем-то невиданным, грандиозным!

В то же время инцидент вызывал вопросы. Было ли тело железного робота, которое занимал Каин в конце прошлой версии Времени, его настоящим телом? Вероятно, нет — как и тело Николая или Вильгельма для меня.

Сан-Суси я покинул мгновенно, бросив разодранное на куски ударной волной тело Вильгельма Второго. Здание брызнуло стеклами из окошек на цокольном этаже и крошкой, содранной со стен могучим ударом. Глубоко под цоколем, в бункере комната совещаний на мгновение превратилась в ад. Как нашкодивший хулиган, напуганный сторожем, я рванул вон из подземелья, по стремительной, уходящей в небо дуге. Скорость моя в это время

казалась фантастической, почти невозможной — я мчался сквозь облака едва не сто километров в секунду.

Спустя полминуты, чуть успокоившись, я сбавил темп, затем совсем остановился и завис в воздухе. Как всегда, последовала грубая остановка, едва сбившая мне дыхание. Хотя о каком дыхании могла идти речь для бестелесного человека? Вероятно, при остановке мозг охватили эмоции, обычные для резкой перемены движения. Человеческое тело и химия оставались для меня недоступны, однако разум, даже не имеющий материальной основы, реагировал так, как привык. Меня едва не качнуло при резком торможении, картинка мира шатнулась, подернувшись зыбкою пеленой, но тут же выровнялась, позволив мне обозревать просторы внизу.

Сан-Суси уже не было видно, подо мной стелились холмы и темно-синяя ветвь совершенно незнакомой, но необычайно широкой реки. Очевидно, бегство сбilo меня с нужного направления.

По ширине водяного потока я догадался, что вижу перед собой Дунай. Странная мысль внезапно тронула мой возбужденный разум. В каком-то смысле, подумал я, Дунай — это именно то, что надо!

Решив не искать иные ориентиры, я промчался вдоль могучей реки к востоку, желая отыскать Вену. Столица Австро-Венгерской империи неожиданно стала городом, в котором у меня сегодня появились дела. Дела имели конкретное имя: Карл Четвертый Габсбург, император Австрии, Венгрии и Богемии!

* * *

Вена раскрылась передо мной буквально через минуту — зрелище кварталов ее воистину впечатляло. То была именно Вена, город вальсов и изысканной архитектуры, столица древнейшей европейской династии и блистательных военных побед. Я глядел с высоты, обозревая целое море зданий. По земле тянулись улицы и кварталы, и дым заводов, извергающих ядовитую отрыжку в туман. Других столь крупных поселений в этом регионе просто не существовало, масштаб, даже по сравнению с Дунаем, вещал сам за себя. Я мог бы спуститься вниз, прочитать вывески или таблички на стенах домов и столбах, однако сомнений не оставалось: цель находилась прямо передо мной.

Огромнейшая империя Габсбургов, занимавшая обширную территорию в Европе и включавшая в себя около двадцати различных народов, являлась вторым после Германского рейха противником России в Великой войне. Австро-Венгрия ослабла задолго до начала мировой схватки из-за многочисленных национальных споров во всех своих регионах. В Галиции происходило противостояние поляков и украинцев, в Трансильвании — румын и венгров, в Силезии — чехов и немцев, в Закарпатье — венгров и русинов. С каждым годом на окраинах империи опасность сепаратизма росла. Раздутая средневековая держава давно находилась на грани распада, и Великая война только ускорила неизбежный процесс.

В политическом отношении в начале двадцатого века Австро-Венгрия делилась на две части — Австрийскую империю, управляемую с помощью рейхсрата, и Венгерское Королевство, включавшее в себя исторические земли венгерской короны и подчинявшееся венгерскому парламенту — все это я знал из данных энциклопедии. Неофициально две части империи назывались Цислейтания и Транслейтания. Аннексированная Австро-

Венгрией Босния и Герцеговина не входили в состав Цислейтании или Транслейтании, но управлялись особыми органами, формально независимыми, но подчиненными венскому самодержцу.

Согласно конституции, обе указанные половины государства получали собственные парламенты, министерства, армии и даже бюджеты. Делегации от Австрии и Венгрии поочередно проводили заседания в парламенте, где решались государственные вопросы. Общеимперскими учреждениями были признаны только армия, министерства иностранных дел и финансов, содержащиеся за счет общеимперского бюджета. Они же считались общими для всех прочих частей Австро-Венгрии.

Его Императорское Величество Карл Франц Иосиф IV, Божьей милостью император австрийский, король венгерский, король богемский, король ломбардский и венецианский, далматский, хорватский, славонский, иллирический, иерусалимский и лодомерский, эрцгерцог австрийский, великий герцог тосканский, краковский, лотарингский, силезский, моденский и пармский, великий князь трансильванский, маркграф моравский, воевода Сербии и прочая, и прочая, и прочая, в данный момент стоял на балконе летнего дворца Шёнбрунн, в пригороде столицы, внимательно изучая открывшийся перед ним чудный вид на луга Каневаль.

Не то чтобы последнего Императора Австрии настолько интересовали луга, просто получая известия с многочисленных австрийских фронтов, он каждый раз пребывал в некоторой прострации, не вполне понимая, что именно следует в дальнейшем предпринимать. Роковое кольцо неумолимо сужалось над его блистательным государством, приближая конец династии и страны.

Последний правитель династии Габсбургов, Карл принадлежал к боковой ее ветви: по прямой линии лишь его прапрадед Франц II занимал имперский престол. Отцом Карла являлся всего лишь племянник предыдущего императора Франца Иосифа. В момент рождения Карл считался пятым в очереди на престол, причем рождение новых наследников должно было отдалить его от короны еще сильнее. Однако предпоследний император последовательно пережил своего единственного сына Рудольфа, своего брата эрцгерцога Карла Людвига, младшего племянника Отто и, наконец, старшего племянника Франца Фердинанда, чьи дети, рожденные от морганатического брака, не имели прав на корону.

После этого одновременно с убийством Франца Фердинанда, чья смерть ознаменовала собой начало Великой войны, 27-летний эрцгерцог Карл немислимым вывертом судьбы оказался единственным наследником своего 84-летнего двоюродного деда, держава которого уже была обречена на крах.

Всего три месяца назад кончина Франца Иосифа автоматически произвела Карла IV в императоры. К этому времени состояние двуединой монархии можно было сравнить лишь с агонией умирающего. В стране не хватало хлеба, революция сквозила из всех щелей, промышленность задыхалась от нехватки топлива и ресурсов. Император Карл лично принял на себя командование войсками и, стремясь заручиться поддержкой венгров, короновался не в Вене, а в Будапеште ровно месяц назад. Держался Карл молодцом, и впечатление о нем складывалось как о необычайно честном, прекраснотушном, решительном и искреннем человеке.

Тем не менее я обязан был исполнить то, что решил. *Энциклопедия* сообщала, что в прошлой версии Истории последний Габсбург, осужденный победителями на пожизненную ссылку, умер на острове Мадейра в возрасте тридцати трех лет, 1 апреля 1922 года, то есть

всего через пять лет от сегодняшнего момента, абсолютно здоровым и полным сил.

По диагнозу Карл умрет от воспаления легких, но на деле — от болезни души. Стать последним в бесконечной череде героических предков, бесславно смотреть, как погибает страна, любимая им безмерно, окажется для Карла слишком тяжелым бременем. Католическая церковь причислит его к лику святых — впрочем, даже если бы он это знал, вряд ли такое знание стало бы для Карла утешением.

...Сейчас он стоял на балконе, упершись взором на луга Каневаль.

На входе в личные апартаменты последнего австрийского Императора, с прямой как полет свинца спиной, застыл бравый гвардеец с «манлихером» на плече.

Прыгнув гвардейцу в голову, почти не роясь в памяти и не анализируя собственных ощущений, без эмоций и жалости, я заставил его развернуться, пройти к балконной двери, снять винтовку и прицелиться императору в спину.

Сопrotивления не было. Спустя пять лет Карл умрет — просто умрет, убьет себя сам, одним усилием мысли, без оружия и патронов, просто расхочет жить. А сейчас...

Приклад к плечу, холодной щекой прижаться к деревянному ложу.

Дрожащим пальцем нащупать стальной курок.

Выстрел грохнул, и что-то щелкнуло в глубине винтовочного механизма...

Может быть, колесо истории?

О нет, всего лишь затвор.

Петроград. Одиннадцать часов утра.

Десять минут после смерти императора Карла

Оставив мертвого гвардейца с головой, простреленной из того же «манлихера», я вернулся в Питер в тело Николая Второго, открыл глаза и медленно сполз с кровати.

Часы на стене показывали, что царь спал четырнадцать долгих часов. Казалось, однако, будто во время сна меня били кирками в каменоломне. Превозмогая усталость, я заставил себя умыться, одеться, затем, достучавшись до Фредерикса, немедленно вызвал к себе шефа жандармов Глобачева.

Когда тот прибыл, давя дрожь в пальцах и в голосе, я заявил:

— Вы будете удивлены, милостивый государь, но вчера вечером известные мне агенты охранного отделения по моему заданию совершили покушение на кайзера Вильгельма и австрийского императора Карла IV. Успешно, разумеется. Завтра в полдень в присутствии членов Государственного совета и журналистов я намерен представить вас к высшей награде за проведение этой уникальной операции. Думаю, Святой Владимир с бантами подойдет к жандармскому мундиру.

Глобачев посмотрел на меня внимательно, однако без тени удивления. Вопросы прыгали в его голове, но он, похоже, сейчас сам себе на них отвечал. Реагировал парень действительно быстро, выпученных глаз и открытого рта от него было не дожидаться.

— Вы понимаете меня, Глобачев?

— Более чем, Государь. Прикажете сделать по этому поводу официальное заявление?

— Да. И если можно, дайте интервью журналистам. Я понимаю, что пресс-конференция, на которой глава секретной службы дает пояснения газетчикам по поводу тайной миссии, связанной с убийствами глав двух соседних государств, — это нонсенс, но... ситуации бывают разными.

— Сейчас именно такая, Ваше Величество.

— До свиданья, Глобачев.

Коротко откланявшись, жандарм испарился.

Обнаруженный мной следующим утром на столике для отчетов по прессе телеграфный перевод из «Таймс» гласил:

«Террористический акт, проведенный пятого марта русской охранкой в Берлине и Вене, поражает своим варварством и жестокостью. Русские забыли о благородстве, а царь Никола, по всей видимости, подписывая приказ о кровавом убийстве родственников, каковыми приходятся ему семьи германского и австрийского Императоров, явил неслыханную дерзость, хладнокровие и полное отсутствие человечности. Ответственность за это кощунственное убийство открыто приняла на себя русская секретная служба, о чем заявлено в пресс-конференции, проведенной охранным отделением в Санкт-Петербурге. В то же самое время, в политическом смысле, оба взрыва приходятся как нельзя кстати, учитывая напряжение предстоящих военных кампаний. После терактов пятого марта династии Гогенцоллернов и австрийских Габсбургов фактически прекратили свое существование, а все заявленные наследники слишком далеки от правивших императорских домов и вряд ли смогут укротить ситуацию, учитывая жестокие условия военного противостояния.

Германию и Австрию в ближайшие дни ожидает ужасающий политический кризис...»

Аминь, сказал я, отшвыривая бумаги.

Господи, да будет наконец Мир!

Девять лет потребовалось Петру Великому, чтобы Нарвских побежденных сделать Полтавскими победителями. Последний Верховный главнокомандующий императорской армии — император Николай Второй сделал ту же работу за полтора года.

Альфред Нокс, английский генерал, 1917 год реальной истории

Задолго до взрыва в Потсдамском бункере, уже к концу минувшего 1916 года, всем сколько-нибудь разумным людям Германии было понятно, что центральные державы неумолимо проигрывают войну. Непосредственные причины военного поражения можно было перечислять бесконечно: численный перевес противника, который к декабрю достигал уже соотношения пяти к трем, громадное превосходство его вооружения, проявлявшееся в обилии снарядов американского производства, отвратительное питание германского, австрийского и тем более турецкого солдата — все это спустя три года упорной войны делало Германию практически обреченной. Внутри страны невидимыми, но хваткими щупальцами стремительно расплзался голод. Однако острая недостаточность продуктов питания или мыла, свечей или топлива касалась далеко не всех. И в этом крылась еще одна катастрофическая проблема: власть имущие, почитаемые зачинщиками войны, ели больше и лучше, а разница в положении различных слоев населения росла с ужасающей быстротой...

Военный министр фон Шейх, фантастическим кульбитом судьбы оказавшийся после смерти своего Императора и премьера Макса Баварского во главе нового, не утвержденного никем кабинета, судорожно подыскивал кандидатуру на германский престол. Сделать это оказалось достаточно затруднительно. Кандидатуры имелись — целых одиннадцать внуков погибшего императора, однако отдавать трон кому-то из малолеток, не имея поддержки генералитета, практически лишенного известных военных лидеров, казалось решением страшным. Внук мертвого императора Вильгельм Фридрих Франц Джозеф Христиан Олаф Прусский подходил на трон идеально, но изможденные массы народа, до отвращения наевшиеся войны от дедушки Вилли, не желали идти умирать за внука. И самое грозное — присяга старому монарху более не связывала войска. А дать новую — их надо было еще заставить...

Фон Бюлов, возглавивший осиротевший генштаб и срочно прибывший в Берлин из ненавидимой им Пикардии, действовал решительно и жестко. Предложив фон Шейху незамедлительно короновать нового императора и не надеясь на мирное соглашение с союзниками (последние неудачные переговоры завершились всего месяц назад), он объявил о войне до полной победы рейха и призвал германскую нацию к единению — что было, конечно, разумно. При отсутствии полноценного Императора, наспех собранное правительство словно сидело на поломанном стуле и остро нуждалось хотя бы в подобии военных побед. Знакомый с объективной ситуацией на сухопутных театрах, фон Бюлов отчетливо понимал, что попытка атаковать противника на фронтах только ускорит агонию смертельно раненного государства. А потому вцепился в последний шанс, до сих пор отвергаемый самим кайзером.

Командованию славного немецкого флота, который со времен Доггер-банки отсиживался в родных гаванях и из-за которого отчасти началось бессмысленное противостояние с англичанами, было приказано незамедлительно выводить в море, чтобы погибнуть или добиться самоубийственной миссией хотя бы минимальных преференций в будущих мирных переговорах. Один немецкий капитан заявил по поводу изданного приказа: я выстреляю свои 200 снарядов (больше нет), после чего, с высоко поднятым флагом, пойду ко дну. Если не потопят — взорву корабль, чтобы не достался островитянам. Во избежание мятежей матросам сообщили, что флот идет в демонстрационный поход. И вот это уже являлось со стороны фон Бюлова беспросветной глупостью.

Несмотря на все меры предосторожности, цель последней морской операции Кригсмарине оказалось невозможно утаить от тысячных экипажей линкоров. Догадки, обрывки слухов, революционная пропаганда, а главное — нарастающая ненависть к офицерам, ведущим людей на смерть, при крайне шатком положении верховной власти, толкнули мореманов на бунт.

Восстание вспыхнуло в Киле. Смешно — по той же причине, по которой русские моряки поднялись в Кронштадте, в прошлой версии времени. Три долгих года войны хваленые дредноуты Гогенцоллернов не участвовали в сражениях. Измученные бездельем и чтением «прогрессивной» литературы, активно публикуемой за счет средств иностранных разведок, и собственных пацифистствующих идиотов, brave матросики, возмущенные не столько отправкой на смерть, сколько тем, что ими еще кто-то *смеет командовать*, принялись топить в мутных водах датского канала своих капитанов — с усердием, достойным лучшего применения.

Со смертью первого офицера события в обреченной Германии понеслись со скоростью пикирующего аэроплана.

Уже 24 марта 1917 года подпольная организация матросов-социалистов в Киле на захлебывающемся от восторга публичном митинге создала первый в Германской армии Совет матросских и солдатских депутатов.

25 марта Совет депутатов призывал обезумевших от безнаказанности моряков захватывать тюрьмы, чтобы освободить из них арестованных за три года товарищей и... расправляться при этом с охраной и полицейскими. Вместе с подобными кровавыми призывами над линкорами кайзера впервые в истории германского народа в небо взвились такие же кровавые, кумачово-алые революционные стяги.

26 марта, спустя ровно сутки после объявления о предстоящей коронации наследника Вильгельма Фридриха Христиана Третьего, на улицы Мюнхена и Берлина выплеснулись голодные демонстрации. Одиннадцатилетнего «императора» во избежание покушений тайно вывезли из столицы в Потсдам, окончательно оставив великую нацию на экстремальном повороте истории без головы — почти в буквальном смысле этого выражения. Демагогия подчиненной правительству прессы и патриотические лозунги мистическим образом не действовали на толпу в эти дни. Возможно, дело действительно заключалось в мистике, но возможно — в обычной психологии масс, которых некая сила три года сдерживала, а потом внезапно спустила с короткого поводка.

27 марта начальник берлинского гарнизона, в последней надежде водворить в столице порядок, отдал приказ стрелять по участникам демонстраций, невероятно расширившихся всего за несколько дней. Результат «расстрелов» оказался невероятно скромным из-за сдержанности стрелков: убили четырех демонстрантов, но два полных полка ландрата при

этом вернулись в казармы, отказавшись исполнять «антинародный» приказ.

28 марта после столь откровенного демарша армии уже ничто не могло сдержать взбесившуюся стихию — матросы Киля на открытых платформах, с винтовками и пулеметами, организованными отрядами начали двигаться на Берлин. Солдаты гарнизона встречали их радостными криками, братскими объятиями и бессмысленной пальбой в воздух.

29 марта зверски убили начальника гарнизона. Вернее, забили прикладами карабинов до полной неузнаваемости. Трупы полицейских и государственных служащих начали заполнять столичные улочки чудесным живописным ковром. Берлин блистательных Гогенцоллернов стал переполняться красным.

Наконец, 30 марта 1917 года, пользуясь поддержкой захватившей столицу массы и войск гарнизона, социал-демократы и либералы создали первый общегерманский «Совет солдатских, матросских и рабочих уполномоченных». Вслед за столицей на площадях провинциальных немецких городов вдруг зазвучали крики с простейшим лозунгом, понятным каждому пролетарию или солдату: «Долой Гогенцоллернов! Да здравствует республика!» и «Формируйте советы!»

Сутки спустя, сразу за арестом генерала Бюлова отрядом Народной Морской Дивизии, наспех сформированной социалистами из мятежных матросов, одиннадцатилетнего некоронованного императора Вильгельма Третьего тайно вывезли на границу нейтральной Голландии.

В этот печальный день — последний день великой империи Гогенцоллернов — бронепоезд германской нации начал медленно скатываться под откос.

* * *

Указанные события, занявшие всего семь суток в формальном счете дней и ночей, мне что-то неуловимо напоминали. Не так ли и мой бронепоезд, бронепоезд великой империи Романовых скатился в овраг, почти на полном ходу, дымя трубами и чадя огнедышащей топкой? Неожиданность и скорость подобных катастроф способны поразить безыскусного наблюдателя, однако достаточно предсказуемы. Происходящее рисовало перед глазами простейший физический феномен — снежный ком, который скатывается с горы. Ничтожный толчок на вершине и все! — гигантская масса катится к подножию склона. Отличие между «снежным комом» России и кайзеровской Германии заключалось в одном: в конце пути Германию в любом случае ждала пропасть — что в этой, что в прошлой версии истории ее участью были военный крах и позорный мир. Россия же распалась, не докатившись пару метров до ровной поверхности, до победы. Иногда я задумывался, являлось ли несправедливостью то, что я сейчас это вытворял? Для немцев, конечно, это являлось несправедливостью, хотя и не вопиющей — ведь войну они и так проиграли. Однако для русских подобные изменения казались справедливы настолько, насколько вообще это глупое слово возможно применять к историческим категориям.

Между тем события, подхваченные «снежным комом», продолжали стремительно развиваться — при полном бездействии со стороны моей скромной персоны.

Жестокий внутренний кризис в Германии ужасною тенью отражался на состоянии ее армии. Весь описанный краткий период времени прославленный немецкий рейхсвер таял

буквально на глазах.

После гибели Вильгельма Второго положение дел в Берлине вызывало в среде моих генералов стремление к яростной атаке на всех фронтах. Но я, помня аналогичную ситуацию в реальной истории (вот только происходящую с Россией, а не с Германией), с нападением не спешил.

На две долгие недели на фронте умышленно наступило абсолютнейшее затишье. Командующим фронтов был отдан приказ никаких активных действий не предпринимать и отвечать огнем лишь на атаки противника, ожидать которых от Германии сейчас было невозможно.

Дословно я телеграфировал фронтам следующее:

...Командующим Северным, Западным и Юго-Западным фронтом, начальникам штабов.

До 1 мая 1917 года либо до особого Нашего распоряжения на занимаемой войсками оборонительной линии запрещаю любые крупномасштабные действия силами крупнее дивизии, направленные против врага и способные побудить его к оказанию активного сопротивления.

Николай.

Подобная же тактика рекомендовалась русским генштабом Главной квартире Румынского короля, которая также к 24 апреля решила перейти в так называемое «мирное наступление». Направленные румынами парламентареры, достигнув штаба противостоящей ей 9-й болгарской армии, активно призывали к миру «без аннексий и контрибуций». Особенно массовый характер братания и «солдатские перемирия» носили в пасхальные празднества, практически превратившие Румынский фронт в линию «идиотской войны», через которую вчерашние враги — братья-христиане — ходили друг другу в гости, перелезая через колючую проволоку и траншеи, изрытые воронками взрывов. Немецкий командующий Маккензен злился невероятно, однако сделать ничего не мог, ибо неповиновение миллионов было выше сил одного человека, даже такого прославленного, как он.

1 апреля 1917 года наступление также не началось. Едва сформированная на радостях всеобщего бардака коммунистическая партия Германии, только-только отколовшаяся от прочих немецких социал-демократов, подготовила «Декларацию прав солдата», многие положения которой вызвали откровенную протрацию у еще не сбежавших с фронта немецких генералов и офицеров. Прочитав «декларацию», политики в Лондоне и Париже сначала безудержно ржали, потом с наслаждением потирали руки. Ощущение приближающейся развязки неумолимо преследовало и меня.

Сахаров нанес свой удар в полном соответствии с моими инструкциями — спустя ровно месяц после смерти Вильгельма. Он двинулся не «всеми силами по фронту», как поступил когда-то под Луцком Брусилов, не «атакой волной», как любил баловаться на Марне французский генерал Жофр, не закованными в броню танками, как английский генерал Хейг под Верденом, не газовыми баллонами с хлором, как действовал пруссак Фалькенхайн под Ипром, и даже не стальными клещами мобильных механизированных соединений, как поступал в покинутой мной реальности тактический гений Гудериан.

Он действовал значительно проще!

Погожим утром 2 апреля 1917 года традиционная артиллерийская канонада возвестила о начале весенней кампании Русской армии. Это было последнее наступление России в Великой войне. После интенсивной артподготовки войска Юго-Западного фронта предприняли штурм австро-венгерских и немецких позиций в Восточной Галиции у населенных пунктов Зборув и Бржезаны.

Казалось, все происходило как раньше. Гигантские массы пехоты и кавалерии шли на проволоку и траншеи без поддержки с воздуха, без танков и даже механизированных средств передвижения. Однако кое-что изменилось. Вражеские траншеи были по-прежнему глубоки, орудия многочисленны, однако нечто свершилось с солдатами, призванными их защищать, — нечто необъяснимое цифрами, словами и даже человеческой логикой.

Всего лишь месяц назад подобный самоубийственный бросок русских на оборонительную позицию вызвал бы у немцев презрительную насмешку, однако ныне менялось все. Ситуация с немцами повторяла прошлую историю России с точностью до наоборот. Вместо участия в боях немецкие солдаты в окопах митинговали и расстреливали своих офицеров. Вышколенный кадровый состав рейхсвера упаковывался в гробы, в промерзший лондомерский чернозем или разбегался с пожитками по домам. Ткань армии трещала по швам. Демагогия о братстве, равенстве, мире и всепоглощающей революции казалась солдатам более привлекательной, нежели караульная служба или военный устав. 13, 17 и 9-я немецкие армии, составлявшие левое крыло Южного германского фронта, сдавались Сахарову дивизиями и корпусами не столько из-за ужасов окружения, сколько из желания вернуться домой.

И далее — понеслось.

Напитанная зимними резервами русская армия чудовищным исполином двинулась к Карпатским предгорьям по расходящимся направлениям. Намеченные в качестве целей Львов и Мармарош-Сигет пали уже через два дня. На удивительном успехе наступающих русских армий сказался не только раздраз в немецкой армии, но и громадный численный перевес. В прошлом году соединения Юго-Западного фронта под командованием все того же генерала от кавалерии Брусилова, воспетого патриотической прессой, но на деле негодного ни к чему, кроме швыряния миллионных армий в лобовые прорывы, понесли чудовищные потери — почти два миллиона человек! — не принеся русскому оружию даже ничтожного результата. Восстановлением основательно поредевших частей царь Николай занимался всю зиму, вплоть до восстания в Питере. С огромным трудом, призвав восемнадцати- и даже шестнадцатилетних юношей, необходимую для наступления «массовость» армии ему удалось восстановить.

Неописуемая, гигантская сила, настоящий «паровой каток», с которым сравнивали Россию в далеком уже 1914 году, была подготовлена царем к 1917-му — для последнего решительного противостояния с немцами — и поражала всякое воображение.

Ко дню начала боевых действий один только Юго-Западный фронт России имел превосходство над немцами по живой силе более чем в 2,5 раза, по пашкам и по тяжелым и средним орудиям — более чем в 2 раза, насчитывал почти 2446447 штыков, 105025 пашек, 6810 станковых пулеметов, 4569 бомбометов и минометов, 6220 тяжелых и средних орудий, 225 аэропланов, два дивизиона броневых автомобилей и пять бронепоездов.

Противостоящая Юго-Западному фронту немецко-австрийская группа армий Бём-Эрмолли и генерала Линзингена даже по штатной численности, безусловно меньшей реальных наличных сил, учитывая бешеный поток дезертиров, насчитывала всего 932 976

штык, 50 021 пашку, 6828 пулеметов, 2196 бомбометов и 568 минометов, 3097 орудий, 226 аэропланов, а также три бронепоезда, при полном отсутствии бронемашин, вызванных в глубь страны для подавления внутренних беспорядков.

Таким образом, к вожделенному началу апреля, русские войска добились наконец своей цели — численного превосходства над технически более оснащенным и умелым противником по личному составу армии и осадной артиллерии — более чем в два раза. Именно это соотношение являлось тем единственным, к чему стремился царь Николай весь долгий год своего верховного главнокомандования!

У меня не хватало времени, чтобы обучить русскую армию лучше немецкой, у меня не было возможности и финансов, чтобы оснастить ее более совершенным оружием, однако сломать врага изнутри, а потом раздавить его грубой силой, имея в руках такой почти неисчерпаемый источник ресурсов, как гигантская Россия, — было вполне в моей власти. В отличие от меня, царь Николай не являлся пришельцем из будущего, но, очевидно, подсознательно понимал ту же простую истину. Как бы ни выпали карты, как ни легли политические расклады, у России невозможно отнять одно — по ресурсам и территории с ней не могла сравниться ни одна страна мира!

Огромную роль в наступлении сыграло моральное превосходство. Все же за спинами русских в эти решающие дни стояла единая держава, а за спинами немецких солдат — разваливающаяся на части страна, полная анархии, изменников и болтунов. В самой Германии революционным Советам невероятными усилиями удалось взять взбесившиеся массы под некий условный контроль, однако в армии, часть которой рассматривала революционеров исключительно как предателей, доверия к ней не прибавилось ни на йоту. В то же время 9 апреля 1917 года газета «Форвартс» писала:

«...Соединения германской армии, с их пушками и артиллерией, ставят себя в распоряжение Совета народных представителей.

Это движение направляется Германской социал-демократической партией (СДПГ) и Независимыми социал-демократами (НСДПГ).

Переход всей армии на сторону революционных партий является гарантией для выживания революции...»

Разумеется, то была ложь. Во взорванной революцией стране, единственный легитимный правитель которой пребывал сейчас за голландской границей, никто и ничто не могло гарантировать преданность армии напех сформированному правительству.

Новоявленный германский кабинет, получивший название «Совета Уполномоченных», возглавлялся, разумеется, самым красноречивым из демагогов — никому не известным ранее социалистом Эбертом, занявшим пост председателя правительства, министра внутренних дел и руководителя военного ведомства одновременно. Выбранный то ли диктатором, то ли козлом отпущения в преддверии приближающегося сокрушительного военного фиаско, «либеральный» премьер-министр принялся энергично уничтожать остатки прежней государственной и военной машины. Армия рассыпалась под властью Уполномоченных практически на глазах, однако Эберт и прочие «пламенные ораторы» из числа революционного правительства, видели залог успеха не в укреплении дисциплины и жесточайших репрессиях, а в «демократизации» армии, а также освобождении ее от неугодных им монархически настроенных лиц.

В результате уже в первых числах апреля (темпы «освоения» социалистами власти действительно потрясали) воинскую службу в германской армии были вынуждены оставить более 120 высших военачальников, в том числе 75 командиров дивизий, 35 командиров корпусов, два главнокомандующих армиями фронтов и один помощник главнокомандующего, 8 командующих армиями, 5 начальников штабов фронтов и армий. После подобного «избиения» профессионального офицерского корпуса надежд на возрождение у немецкой армии не оставалось даже в принципе.

Пока берлинские Уполномоченные и депутаты Советов тонули в потоках митингов и демагогии, наступление русских стремительно развивалось. Понимая, что в скорости продвижения кроется главная козырная карта психологического давления на уже дрогнувшего врага, Сахаров рекомендовал подчиненным, не распыляя силы и средства на решение второстепенных задач, достигнуть намеченных целей наступления, а именно полной оккупации Галиции и Лондомерии и продвижения по всему фронту до устья Дуная и до Карпат. Главный удар Юго-Западного фронта предполагалось при этом нанести войскам Лукомского. Вспомогательная роль отводилась Румынскому фронту в Добрудже. Северный и Западный фронты должны были действовать по усмотрению их главнокомандующих и оказывать максимальное содействие продвижению на юге и юго-западе.

Лукомский поставил войскам следующую задачу:

11-я армия должна была наступать через Львов на Злочув и Глиняны, а 7-я — продвигаться дальше к Карпатам в направлении Бобрки через Бржезаны, охватывая их с двух сторон.

8-й армии ставилась задача наступать вдоль Карпатского хребта на Калуш и Болахув, оттесняя противника к реке Стрый.

«Особой армии» отводилась роль по сковыванию, но отнюдь не прорыву обороны немецкой группы армий генерал-полковника фон Линзингена. Значительные резервы фронта (4 корпуса во главе с генералом Корниловым) и объединений (по 2 корпуса в 7-й и 11-й армиях) должны были обеспечить развитие дальнейшего успеха.

5 апреля 1917 года, оставив в захваченном Львове крепостной гарнизон, русские корпуса выдвинулись для дальнейшего наступления. В тот же день, примерно в три часа пополудни, огонь артиллерии обрушился на и без того поредевшие от дезертирства позиции Линзингена и Бём-Эрмолли. Обстрел продолжался без перерыва до 5 часов утра следующего дня. Кроме того, артиллерийские позиции оборонявшихся подверглись страшной газобалонной атаке.

В 6.00 шестого апреля после этой феноменальной, возможно, самой мощной артподготовки за все время войны на Восточном фронте армии генерала Лукомского рванули к Карпатам.

Уже к 9 часам вечера неистовые усилия русских войск увенчались успехом. Оборона противника была прорвана у села Зборов, на стыке 54-й и 19-й немецких пехотных дивизий. Тем самым удалось достичь значительного превосходства в силах — на неприятельский полк приходилось по соединению. Отбив контратаки, 4-я и 16-я дивизии русских окружили 81-й немецкий пехотный полк, австрийский Украинский легион и штурмовой батальон немецкой 54-й дивизии.

Ночью того же дня 19-я австрийская дивизия попыталась отбить Зборов яростной контратакой. К трем ночи к месту ужасающего сражения с обеих сторон были подтянуты артрезервы — и началась бешеная дуэль. Попытки овладеть скромной точкой на карте

Галиции продолжались вплоть до рассвета. Потери оказались настолько велики, что Лукомский и Линзинген задействовали едва не половину всех оперативных резервов. В остаток ночи с шестого на седьмое апреля в районе Зборува по очереди перемалывались 35, 22, 42, 92-я пехотные дивизии русских, 75-я и 86-я стрелковые немецкие дивизии, 4-я и 6-я русские Финляндские дивизии, 49-й армейский корпус австрийцев, а также австрийская Лейб-гусарская.

Жарким утром 7 апреля, когда едва оттаявшая от зимнего снега земля стала обугленной от артиллерийских снарядов, на «лунные руины» когда-то живописного Зборува вошли новые русские резервы. Двоекратное превосходство в численности решило ничтожный вопрос.

Почти не имея в распоряжении хоть сколько-нибудь боеспособных соединений (все «дисциплинированные» дивизии уже примерно часов двенадцать удобряли собою дерн под Зборувом) и не имея ни малейшего основания полагаться на разложившиеся «революционные части» или новобранцев, Лизинген отдал приказ об общем отступлении группы армий в направлении к Тарнополю и Трембовли.

После этого Восточного фронта для немцев более не существовало! Огромная рваная полоса земли, изрытая траншеями, изгаженная колючей проволокой и воронками от снарядов, тянулась на двести километров вдоль Вислы к Карпатам и никем более не охранялась. Линзинген отдал приказ отодвинуться на пять километров и зарываться в землю. Но после гибели кадровых соединений приказы старого генерала выполнять не собирался никто. Все еще могучие, едва не стотысячные немецкие армии и австрийские корпуса распылялись по трактам потоками дезертиров — бросая тяжелую технику, осадные орудия, склады, броневики.

Всякое сопротивление немцев отныне теряло логический смысл. В обычных условиях (всего месяц назад) прорыв фронта даже на столь широком участке не принес бы решительного результата. Нырнувшие в брешь наступающие русские дивизии нуждались в снабжении: продираясь сквозь фронт, они отходили от своих баз, бредя по вражеской территории и теряя темп с каждым часом. За это время противник копил резервы, вгрызался в землю на новой линии обороны, и позиция замирала. Однако нынче резервов у немцев не было!

Над «брешью» Сахарова тянулись к Балтике Западный и Северный фронты, где оставались еще боеспособные немецкие части. Но ниже прорыва лежали Румыния и Карпаты, где царил уже полный разброд. После смерти императора Карла — последнего Габсбурга, которого еще могла принять измученная страна, правительство в Вене держалось исключительно по инерции, надеясь, что схватка с русскими за Карпаты либо приведет к каким-то мелким успехам, после которых будет возможно заговорить о новом наследнике, либо...

Сейчас наступало именно это, второе «либо», однако что кроется за ним — не знал уже никто. В Австро-Венгрии не было сильных рабочих партий, однако многонациональный состав «лоскутной монархии» являл собой даже более страшную взрывную смесь. В мгновение ока, вслед за откатом под Зборувом, все мягкое подбрюшье Германской империи, протянувшееся через половину Европы вплоть до швейцарской границы, оказалось обнажено.

Венгрия и Моравия, Чехия и Кроатия, Трансильвания и Словакия, Галиция и Воеводина, оккупированная австрийцами Сербия, Тироль, Словения, сама Богемия наконец — все эти

огромные территории, четыре года прикрывавшие Германию с юга и позволявшие ей вести войну на два фронта, принялись требовать независимости от Вены и стали вдруг огромным пожарищем, полем для Революции, по которому двигались, затаптывая, а иногда и питая этот пожар оружием, союзнические войска.

Двух фронтов отныне не существовало — их стало двенадцать, двадцать! Каждый километр немецкой южной границы превращался теперь в новый фронт.

Маккензен, возвращенный в Берлин и поставленный (безнадежно) во главе генерального штаба, все еще пытался сопротивляться. Он стягивал войска, топил в крови бунты (где мог), надрывался в патриотических воззваниях к нации и солдатам. Откатившись от Риги, немцы спешно заняли Чехию. Немногие боеспособные части сконцентрировались в Берлине, а отдельный гвардейский стрелковый корпус, сорванный прямо из Вердена, ворвался в Вену, пытаясь водворить там порядок. Но все было бесполезно — в немецких тылах бесчинствовали республиканцы и коммунисты, анархисты, нацисты и прочий люмпенский сброд.

Французы первыми уловили идею царя Николая, столь ярко продемонстрированную Сахаровым. И воспользовались ею всюю!

На франко-германском фронте на две недели наступило полное, абсолютнейшее затишье. Никто не наступал и не рассеивал над немцами газы. Никто не кидал на них танки и не поднимал в бессмысленные атаки многотысячные пехотные полчища. Восемь резервных французских дивизий (всего шестьдесят тысяч человек), объединившись с несчастной итальянской армией, только пришедшей в себя после поражений под Пармой, перешли через Альпы и менее чем за неделю, совершенно не встречая сопротивления, овладели Боснией и Хорватией, Тиролем и практически всем Адриатическим побережьем. В другое время подобная расточительность резервных дивизий обошлась бы французам дорого — немцы рухнули бы на Марну. Однако сейчас немцам не было дела до подобных незначительных мелочей.

Вторыми очнулись британцы. Рванув под Салониками и почти за неделю дошли до Дуная, овладев Сербией, Черногорией, северной частью Албании и выйдя к пригородам Белграда.

11 румынских дивизий, все это время сидевших на русском хлебе, стреляя в немцев русскими патронами и пощупывая украинских девиц, вернули себе Бухарест и наконец совершили то, что прописывал их Генеральный штаб еще до вступления в Мировую войну, — пройдя сквозь Карпаты вместе с русскими корпусами, они овладели лакомой Трансильванией!

Сражений не происходило нигде — союзнические армии *просто шли*. Их некому было останавливать, ибо после казней офицеров, бегства генералов и массового дезертирства австрийской армии более не существовало. Однако внезапно на ее труп возникли части венгерской армии, чешской армии, сербской армии и даже армии Австрии.

Все эти удивительные достижения наступающих не являлись чем-то из ряда вон выходящим и фантастическим — энциклопедия Каина сообщала, что в реальной земной истории после падения государственной власти в России откат русских войск на германском фронте произошел на гораздо большее расстояние и почти столь же быстро. После революционного переворота в Питере немцы и австрияки не захватывали территории, не сражались — они именно *просто шли*, не встречая сопротивления. Защитников не было — русские части истаивали дезертирами так же, как это делали сейчас австрийцы.

Слушая сводки с фронта, я истерически хохотал. Вселенная рушилась, могущество центральных держав, с их славной военной историей скатывалось в пропасть, снесенное помянутым «снежным комом», покотившимся от маленького толчка. А впрочем, разве не может убийство двух монархов привести к тому же эффекту, что и смерть одного? Великая тысячелетняя Россия рухнула на пороге победы — сраженная отречением своего Государя. Было ли странным то, что две немецкие империи исчезли с карты Европы, сраженные смертью двух своих Императоров?

Одновременно с наступлением союзников пришла пора оторваться и русской армии. Сквозь пробитую под Карпатами брешь из многострадального Зборува по расходящимся направлениям к Кракову и Варшаве была брошена кавалерия. Русская конница не занимала позиций для будущей обороны, не уничтожала бегущие немецкие части и не охотилась на дезертиров — она рвалась в Польшу, скользя по широким тылам. Этим скользящим маневром мы отрезали от Германии гигантскую армию, стоящую в Бресте и Гродно в громадном, на сотни километров котле.

Ни средств, ни сил, ни организационных возможностей для вывода слабодисциплинированных голодных толп у командующего остатками Восточного фронта генерала фон Гофмана уже попросту не имелось. Да собственно, уже не было причин выводить.

Спустя сутки после выхода наших частей к Варшаве, в маленьком вагоне под Барановичами, генерал от кавалерии фон Гофман объявил командующему русским Западным фронтом Лукомскому о сдаче порученных ему сил ввиду невозможности дальнейшего сопротивления.

Еще через час германский премьер-министр Эберт, извещенный об отсутствии с известного времени немецкого Восточного фронта как явления в природе, радировал Клемонсо о готовности рейха к полной и безоговорочной капитуляции.

В этот торжественный час телеграф, как одно из гениальнейших творений человеческой мысли, сыграл свой финальный и самый звучный аккорд. Как только ответная телеграмма от Клемонсо легла на стол Эберта, Великая война завершилась.

Выстрел «манлихера» во дворце одного Императора и взрыв колотушки в бункере у другого — завершили всемирную бойню менее чем за месяц.

Россия — государство не торговое и не земледельческое, а военное.

Призвание его — быть грозой для всего света.

Дословная выдержка из русского учебника для кадетских корпусов XIX века

8 мая 1917 года.

Новодевичье кладбище, девять часов утра

Москва еще спала. Прощание с Императорской фамилией завершилось рано — карманный не показывал еще и девяти. Ингумация произошла на Новодевичьем кладбище сорок дней назад, и сегодня, по неизвестному мне православному обычаю, проходило поминание усопших. По местной традиции поминки проводились трижды — в день похорон, через девять дней и через сорок. Особый ритуал — поминальная трапеза должна была начаться после обеда, пока же у меня имелись примерно четыре часа относительно свободного времени.

Трупоположение членов Императорской семьи традиционно происходило в соборе Петропавловской крепости, однако после разрушения последней огнем балтийских линкоров хоронить семью Николая там стало физически невозможно. Впервые за два столетия супругу императора и его наследника хоронили не в Петрограде, а в Москве. Сорок дней назад из далекой северной столицы тела перевезли в закрытых цинковых гробах. Смотреть на них я не мог — не хватало духа. Как оказалось, подобные печальные процедуры я вообще выносил с трудом. Опасения основывались не на том, что зрелище было для меня «неприятно», но на обычном человеческом страхе. Мой Николай мог вытворить что угодно при виде безвременно ушедших детей, да и я сам, признаться, при мысли об убиенных девочках и маленьком царском сыне внутренне содрогался, будто от старой раны, и сильно переживал, опасаясь еще одного «отторжения» меня личностью реципиента.

К счастью, все обошлось. Новодевичье кладбище я покинул на двух автомобилях в сопровождении хмурого лейб-конвоя. Решив по возможности оградить себя от бремени церемоний, я отказался от эскорта из кавалергардов и ехал сейчас в сопровождении атаманцев. Шестеро из бойцов сидели в автомобиле охраны и двое — вместе с Воейковым и водителем в моей машине.

Подпрыгивая на кочках в такт скомканным, сумбурным раздумьям, я смотрел на проплывающую мимо меня первопрестольную столицу России. Уже сутки я изучал этот сумрачный город с немеркнущим интересом. Вчера я въехал сюда с огромным «конвоем», во главе нескольких фронтовых дивизий, прибывших в Москву для триумфального парада. Пока мы двигались по длинным проспектам, серые здания давили на мою голову своим весом, и

мрачные мостовые, в которых отдавалось цоканье тысяч подков в течение целых восьми столетий, блистали сыростью, оставленной едва растаявшим снегом и вечной грязью, столь характерной для обеих русских столиц. Массивный, пугающий муравейник, гигантский, каким и должен быть «Третий Рим», бурлящий чудовищною клоакой, он подавлял во мне чувства и погружал в некое грозное оцепенение. Воистину, думал я, глядя на толпы людей и дольмены зданий, возвышающиеся над ними, — Москва являлась олицетворением всего русского, — пугающим, но великим; темным, но не имеющим границ. Могучий дух и неукротимая, почти стихийная сила, что двигали этот огромный народ на протяжении тысячелетий к славе властелина Евразии, чувствовались здесь более, чем в любом другом месте бескрайних тюркских равнин...

Тем временем мы подкатили к Кремлю и видения мрака рассеялись предо мной. В конце Красной площади я увидел перед собой удивительный храм, состоящий из множества ярусных башен, стоящих на каменном основании, обрамленном замысловатой аркадой. Фигурные главы этого удивительного творения архитектуры, украшенные цветными маковками куполов, вызывали странные чувства. Краснокирпичная громада Кремля дышала Средневековьем, но облик Собора — многообразный и яркий — поражал монументальностью и в то же время... сказочным вдохновением!

— Впечатляет, не правда ли? — Воейков наклонился к моему уху и показал перчаткой в окно. — Храм Василия Блаженного считается одним из чудес света. Однако не спешите умиляться русским искусством — собор построен итальянцем Бармой в честь взятия Иваном Грозным Казани. Что характерно, заметьте! В этой чудесной стране во все века цивилизация и культура, несмотря на земледельческий склад хозяйствования, посвящались войнам. Только тираны здесь могут стать успешными правителями, Ники. Все остальные, насколько мне известно, заканчивали плохо.

Пристально я посмотрел Воейкову в глаза.

— Опять вы? — Голос мой дрогнул.

Каин улыбнулся губами флигель-адъютанта.

— Представьте, не могу вас оставить!

Перед лицом непреодолимой опасности, сознание мое вдруг впало в болотистый ступор, вызванный, вероятно, не страхом, а незнанием того, что следует ожидать от собеседника. Первые фразы беседы казались дружескими и даже шутливыми, однако последние — могли звучать приговором. Наконец я выдавил из себя:

— Напрасно. Я бы не сожалел, расстанься мы с вами.

— Ах, бросьте, Ники! — Воейков отодвинулся от меня и барски отвалился к окну. — Если я поверю, что вы действительно так считаете, это не пойдет вам на пользу.

Мы ехали на огромном шестиместном «Майбахе»; на переднем диване, отделенном стеклянной перегородкой, рулил водитель. Огромная машина рычала, когда он давал газу, колеса шуршали по мостовой, и ветер из открытых окон весело шевелил Воейкову волосы.

На среднем диване сидели мы с ним, а вот сидящие прямо за нами на заднем диване атаманцы спали, хотя всего лишь несколько минут назад я имел с ними разговор.

В конце концов, подумал я, встреча с Каином когда-то должна была произойти и настоящий миг ничем не хуже и не лучше будущих или прошлых. Сейчас, вероятно, должна была решиться моя судьба.

— Опять угрожаете? — спросил я, стараясь говорить как можно безразлично.

— Нисколько! — мотнул вихрами флигель-адъютанта хронокоректор. — Просто я хотел

бы прояснить обстановку, которая выглядит несколько запутанно с момента нашей последней встречи. Мы с вами делаем здесь общее дело, вы мой первый и единственный помощник в исполнении корректировки. Но меня беспокоит ваша неуправляемость! Признаться, когда в прошлый раз вы выстрелили в зеркало, я действительно решил вас стереть, но сдержался. Так что это жест доброй воли, Ники. Надеюсь, вы его оценили.

— У вас прекрасное чувство юмора, — холодно заметил я. — Добрым жестом было вроде бы мое воскрешение на Земле будущего. Теперь я знаю, что вы возродили меня, исходя из собственных интересов...

— Вы опять видите во мне монстра, — перебил Каин. — А разве вы, будучи Императором России, не используете того же дворянина Воейкова в качестве слуги?

— Если Воейков мне разонравится как помощник, я не стану его убивать.

— А я разве грозил вам убийством? Всего лишь пугал наказанием, чтобы повысить эффективность.

— То есть вы не собирались убивать меня на самом деле?

Каин досадливо поморщился, затем вздохнул и устался в пол.

— Вы ведь живы. — Он снова поднял глаза. — И прошу, не опускайтесь до вульгарщины: я не грозил вас убивать, а лишь стереть вашу матрицу. Разница тут существенная: стерев матрицу, я могу возродить ее в другом теле и в другое время. Это значит, что пока я жив, живы вы. Согласитесь, подобное нельзя назвать смертью.

Я замолчал, мне просто нечего было возразить. Могущество Каина по-прежнему завораживало и пугало меня.

— Зачем вы явились сейчас? — спросил я наконец, решив подводить беседу к ее итогу.

Каин внимательно смотрел на меня.

— Чтобы дать вам оценку, — ответил он. — Метод, который вы избрали для внесения изменений в историю, необычайно груб и радикален. Великая война к концу года закончилась бы сама — без вмешательства с вашей или с моей стороны. Обычным для хронокорректоров является оказание воздействия, невидимого для жителей текущей эпохи. Невидимого, Ники, вы понимаете? Одновременное убийство лидеров двух главных стран центрального блока очень трудно приписать усилиям весьма слабой русской разведки. Местные жители, боюсь, могут заподозрить подвох.

Я снова усмехнулся — получалось, Каин знает о моих новых возможностях. Что, собственно, и предполагалось. И я спросил напрямик:

— Значит, вам известна моя способность перемещаться между телами?

— Догадаться нетрудно. — Каин тоже не стал юлить. — Да, приборов, способных фиксировать перемещение матриц на таких больших расстояниях, как отрезок между Берлином, Веной и Питером, у меня пока нет, но сам характер убийства сомнений не вызывает. Сделано грубо, участие другого хронокорректора видно в каждой детали. Нас с вами здесь двое — прыжок во времени исключает наличие прочих гостей из будущего — ведь будущего с момента нашего перемещения сюда не существует. Дальнейший вывод элементарен. Если Вильгельма и Карла убил не я, то это сделали вы. Надеюсь, не станете возражать?

— А есть смысл?

— Ники, откуда у вас этот дар? — спросил Каин резко.

Несколько мгновений я сидел молча. Затем, не видя для себя ни причин таиться, ни возможности избежать внимания Каина, рассказал все от начала и до конца. Про убийство

царской Семьи. Про ярость и сумасшествие Николая. Про ночные полеты над Европой. Про покушения. Скрывать свои новые способности было для меня невозможно, противостоять же могуществу Каина не хватало знаний и сил.

Хронокорректор слушал внимательно и только изредка кивал головой.

— Удивительно, — пробормотал он наконец. — Способность перемещаться из тела в тело есть целиком искусственная способность. Высвобождение энергетической составляющей личности производится с помощью сложной аппаратуры. С таким случаем, как у вас, я столкнулся только однажды, о чем... — Он стрельнул в меня взглядом. — Сожалею до сих пор...

Воцарилась короткая пауза — Каин споткнулся в своей речи, а я невольно пытался понять до конца, что он имеет в виду.

— Но как бы там ни было, — поспешно проговорил Каин, — убийство Вильгельма и Карла — это ваша ошибка, Ники. Хронокорректоры не должны выдавать столь явно присутствие в прошлом каких-либо внешних, сверхъестественных сил. В этом заключается *чистота* воздействия. Антанта и так была обречена на победу, вы просто слепец, если этого не увидели! В семнадцатом году достаточно посмотреть на любой из статистических показателей, чтобы понять: страны англо-русско-французского альянса превышают центральные державы по всем военным и экономическим показателям. Единственное, что позволило Австро-Венгрии и Германии выстоять дополнительный год в прошлой версии Истории — это выход России из войны. А также соответственно сдача немцам без единого выстрела гигантской территории по подписанному большевиками Брестскому договору. Свежие ресурсы, прорыв блокады, переброска восточных дивизий на запад, да и просто моральный подъем после победы над русскими — все это позволило Германии продержаться до ноября 1918 года. Однако в нашей с вами версии реальности, после того как революция *уже не произошла*, у немцев не осталось шанса выдержать даже до осени текущего года. Взрыв в Сан-Суси и выстрел во дворце Шёнбрунн — это чистой воды профессиональная ошибка!

— Какие у вас точные расчеты, — снова криво усмехнулся я. — Допустим, у Германии шанса не было. Зато шанс появился у миллионов немецких и русских солдат — тех, кто должен был погибнуть во время «победоносного» наступления союзников. Вы думали о них? Семнадцатый год — не сорок первый, до блицкрига еще не додумались. Танков у русских нет. Самолетов слишком мало для ковровых бомбардировок. Ракетных установок еще не изобрели. Наступление семнадцатого года возможно и стало бы победоносным, но технически оно представляло бы собой то же, что и прочие операции Великой войны, а именно заваливание пулеметов трупами, чтобы смертоносную технику клинило от перегрева! Я прикончил тридцать человек, а спас сотни тысяч. Вы считаете это плохим решением?

— Я слышу песни народника-бомбиста, — презрительно скривил губы Каин.

— Не надо сравнивать меня с террористами.

— А в чем отличия?!

Выругавшись, я отдернул на автомобильном стекле шторку. За окном простирался вид проснувшейся послевоенной столицы.

— В этом! — ответил я, показывая рукой на мелькавшие мимо жилые дома. — Я говорю вам о мире, Каин. От террориста я отличаюсь тем, чем отличается полицейский снайпер от обычного убийцы. Для террориста важно само действие: совершив убийство, он реализует

себя или идею, с которой себя олицетворяет. Второй же ничего не реализует, он просто выполняет свою работу, свой долг. Но главное отличие — в полученном результате. Совершая убийство, террорист нагнетает страх, пугает людей, делает значимыми *своитребования* или лозунги. Второй не требует ничего. Но главное даже не это, суть заключается в *количестве зла!*

— Зла?! — Адъютант мой блеснул зубами. — Вы бредите, Ники!

— Количество зла есть мерило праведности! — воскликнул я в каком-то безумном порыве. — Разумный человек всегда действует логично, однако с точки зрения религии и даже морали мерилom «правильности» его действий является количество зла, которое он несет. Террорист и антитеррорист умышленно убивают людей для достижения своих целей. Однако между двумя убийствами простирается необъятная пропасть! Преступник убивает — чтобы убить. А полицейский снайпер — чтобы спасти от смерти других людей. Убив безумца Вильгельма и последнего Габсбурга — прекрасного человека, — я спас сотни тысяч человеческих жизней. Не только русских, но и австрийских, немецких, французских, английских, венгерских, турецких, итальянских и так далее. И пусть либералы кричат, что каждая жизнь бесценна, я заявляю, что это ложь! У человеческой жизни есть конкретная стоимость в единицах, и ее легко подсчитать. Жизнь каждого человека измеряется в жизнях других людей. Почему родители защищают своих детей и готовы умереть в критической ситуации за ребенка? Кроме любви ими движет древний инстинкт, заложенный природой на основе простой арифметики. Ребенок моложе и проживет дольше, следовательно, жизнь взрослого стоит меньше, чем жизнь дитя. Я уверен: совершенное мной — это справедливый размен! Жизнь кайзера — на жизнь немецких солдат. Жизнь Карла Габсбурга — на жизнь подданных Австро-Венгрии. С таким же успехом возможно было убить самого Николая, но тогда, чтобы завершить войну, пришлось бы умерщвлять еще и весь английский парламент и все правительство Франции, ведь союзники не сдались бы со смертью русского Государя. Демократия устойчивей в этом смысле — у них нет одной головы, голов много, одним убийством там не решить ничего. Кроме того, народные массы Запада, имеющего конституции и органы представительной власти, менее подвержены революционной идее, чем жители полуфеодальной России, измученной блокадой Германии и лоскутной Австрии, где центральная нация — австрийцы составляли меньшую часть населения. В общем, с Англией и Францией такой фокус с убийством лидеров не прошел бы, а избранный мною путь — *кратчайший*, чтобы закончить войну. Надеюсь, вы не станете спорить, что достигнутый эффект удовлетворяет целям корректировки?

После моей вспышки Каин также долго молчал.

— Возможно, ваши действия на самом деле выглядят неплохо с точки зрения целей корректировки, — мрачно произнес он наконец. — Никакого прогрессорства, никаких научных открытий, никаких изменений технологий. Только гранаты и винтовка. При минимальном воздействии — глобальный результат... Однако это не все. Не важно, эффективны или нет действия помощника с его точки зрения. Важно то, насколько результат его действий соответствует *общим замыслам*, о которых вам, Ники, пока ничего не известно. При нашей последней встрече вы вели себя категорически некорректно. В любом другом случае это означало бы ваше стирание. Вас спасло то, что я решил дождаться развязки, посмотреть, сможете ли вы играть *без меня*.

При последних словах я внутренне замер.

— И что же?

Каин быстро провел пальцами по ручке двери; едва заметная усмешка скользнула по его губам.

— Избранный вами метод, — продолжил он, словно не замечая вопроса, — сильно расстраивает меня... Но в целом мы движемся к цели в хорошем темпе, и только это оправдывает ваше дальнейшее существование. Вы балансируете на тонком канате, Ники. Но этот канат — он все еще под вашими ногами.

С невиданным облегчением я вздохнул: слова Каина означали отсрочку моего приговора.

— Ну а сейчас, — продолжил Каин, как ни в чем не бывало, — я представлю вам несколько новых соображений...

Я с нескрываемым интересом посмотрел на него.

— Возможно, вам будет любопытно узнать, почему я избрал именно это место и время для внесения исправлений, — начал хронокорректировщик. — Важнейшим условием развития цивилизации, как я уже говорил, является *объединение планеты*, превращение ее в *единое государство*. Вопрос лишь в том, как именно мы могли бы ускорить появление такой державы и какая из стран могла бы объединить под своей дланью весь мир. Претендентов-завоевателей всегда находилось множество — и вам наверняка об этом известно. Например, практически каждая из держав Европы пыталась в свое время утвердить если не мировое господство, то, по меньшей мере, господство над этим континентом. Самое смешное заключается в том, что *почти всем это удавалось на какое-то время*. Вспомните!

Каин принялся загибать пальцы.

— *Италия во времена Древнего Рима владела всей Европой, Северной Африкой и Ближним Востоком*. Греция в свое время господствовала в Средиземноморье, а если вспомнить поход Македонского, покорила весь известный на тот момент мир. Арабы с седьмого по одиннадцатый век подчинили себе территории от Атлантики до Индии.

Испания в правление Карла IX, во владениях которого «никогда не садилось солнце», захватила обе Америки, громадные португальские территории в Африке и путем союзов, договоров и династических браков Габсбургов подчинила себе юг Италии, Нидерланды, Австрию, Чехию, Венгрию и почти все германские государства.

Франция владела половиной Европы при Карле Великом и всей Европой при Бонапарте, правда, недолго. Англия доминировала на планете весь девятнадцатый век, занимая четверть земной поверхности. Я не говорю о более скромных, но не менее блистательных попытках прочих стран.

Средневековая *Венгрия* устрашала весь континент лихими набегами, доходя из центра Европы к Атлантическому океану. *Польша* в период наивысшего взлета была сильнейшим из европейских государств, пугая своей мощью германских императоров и итальянских пап.

Чехия разгромила армии абсолютно всех соседей во время славных Гуситских войн. *Скандинавские викинги*, предки будущих законопослушных датчан, норвежцев и шведов, основывали за морем целые королевские династии и покоряли огромные территории! При Кнute Великом скандинавы владели Северной Европой, включая Англию и Ирландию. Викинги били арабов и итальянцев в Средиземном море, охраняли покой Византии, становились герцогами Франции и королями англосаксов! Именно они открыли Америку, Исландию и Гренландию. А согласно некоторым данным, именно викинги основали Русь.

Кроме упомянутых народов империи создавали также персы, гунны и монголы, индусы и китайцы, турки-османы, японцы, голландцы, португальцы, болгары, сербы и десятки, если

не сотни других! Даже туркмены и узбеки, с историей которых почти никто не знаком, во время оно основали Сельджукский халифат, простиравшийся от Туркмении до Эгейского моря, и являлись ядром империи Тамерлана.

Как видите, Ники, почти все культурные народы в определенный период истории пытались добиться мирового господства и очень многие преуспели в той или иной степени.

Но, анализируя эту бурную чехарду, при выборе кандидата на всепланетную гегемонию хронокорректировщик должен ориентировался не столько на внешние успехи завоевательных кампаний, сколько на некие научные законы, которые бы не просто объясняли успехи армий и полководцев, но обеспечивали победы в будущем.

Тут мы приступаем к главному. Основным тезисом, основываясь на котором можно определить государство, способное объединить вокруг себя мир, является следующий факт: самым выгодным для него является срединное или центральное положение в географической системе!

Понятие «центральное», разумеется, относительно. Речь идете о центральном положении с планетарной точки зрения. А теперь, друг мой, вообразите перед собой карту Земли — при одном взгляде на нее логика моих рассуждений станет понятна. Я видел много планет с крайне запутанным рисунком континентов, а также планеты, где океанов и материков нет вообще. Однако география Земли читается очень легко. Согласитесь: в центре вашего мира, с какой стороны ни гляди, находится континент Евразия. Вы можете крутить глобус сколько угодно, но это единственная часть суши, которая имеет непосредственный выход ко всем остальным.

По теории хронокорректировки ваша планета делится на три части.

Первую часть составляет условный центр планеты — «Срединная земля», то есть Евразия, лучшая территория для контроля над остальными, своего рода сердце планетарной системы.

Вторую часть составляет «Пограничный полумесяц», проходящий по границам Евразии и включающий в основном ее береговую линию. В частности, туда входят морские страны Европы, Ближний восток, Индия, Япония и побережья Китая — то есть те «окраинные» народы Евразии, которые имеют выход к просторам мировых Океанов.

Третью часть составляют «внешние континенты», которые теория хронокорректировки на других планетах обычно именуется «Мировым островом». Это зона вечного врага «Срединной земли» — океанических, окраинных государств. Сам «остров» не может подчинить себе мир в силу своего географического положения — его составные части слишком растянуты, разорваны океанами. При внушительных размерах, в отличие от «Срединной земли», он не монолитен, а значит, не способен на объединение мира. С другой стороны, «Мировой остров» испытывает страх перед могуществом «Планетарного Центра» — страх за свою культуру и свой язык, который неизбежно будет поглощен и нивелирован при усилении последнего.

Причины непобедимости «Срединной земли» просты — это ее сплошной характер, называемый также монолитностью, огромный размер и «центральность». Морской флот или сухопутная армия, из какой бы иной части мирового шара они ни прибыли, не в состоянии причинить центру планеты вред. Все вторжения в зону «сердца мира» изначально обречены на провал в силу указанных мной выше особенностей. Судите сами, история подтверждает: все известные попытки покорить огромные пространства Евразии всегда кончались крахом — Македония, Рим, Наполеон, Гитлер, несмотря на первоначальный успех и феноменальное

продвижение в глубь «Срединной земли», в конечном итоге терпели неудачу и крах, не покорив даже десятой доли гигантского континента.

Планетарное пространство, таким образом, структурируется как бы некой системой концентрических кругов. От взаимодействия этих кругов зависит темп развития цивилизации.

«Пограничный полумесяц» есть зона наиболее интенсивного развития науки и культуры, поскольку именно в нем происходит пересечение двух основных планетарных зон. Я думаю, тут вы не будете возражать, если знакомы с историей: все великие этносы, совершившие в древности и Средневековье технологический или культурный рывок — Шумер, Египет, Эллада, Персия, Македония, Рим, Финикия, Иудея, Индия, Китай, Арабский халифат, наконец, — все они находятся именно в «Пограничной зоне» между «Срединной землей» и «Островом». Там же родились и процветали великие нации эпохи географических открытий — испанцы и португальцы, голландцы и англичане, французы и немцы.

«Пограничный полумесяц» постоянно испытывает давление со стороны более диких народов «Срединной земли» и «Мирового острова». А потому, безусловно, в течение некоторого периода времени, непосредственно предшествующего объединению мира, неумолимо опережает и «остров», и «центр». Эта зона беспрерывно испытывает противоположные культурные влияния, что и приводит к бурному развитию государственности, права, военного искусства, техники и наук. Однако в центре системы, вне зависимости от успехов «Пограничной зоны», находится конфликт между окраинными континентами «Мирового острова» и «Срединной землей».

Это и есть так называемая «географическая ось истории»: ни «Остров», ни «Пограничная зона» не способны подчинить себе мир в силу географического положения. Сделать Землю единой способна только Евразия. И наш выбор прост: до создания Оружия Массового Поражения Евразия должна подчинить себе «Остров» и «Пограничье». В противном случае цивилизация Человека обречена на досрочную смерть.

Полагаю, вы понимаете, к чему я веду. Если вы снова представите карту мира, то без труда разберете, какая именно держава на протяжении тысячи лет соответствует понятию «Срединной земли», Центра Мира. Это понятие тождественно слову «Россия». Империя вашего реципиента есть царица Евразии, единственная страна, способная с точки зрения планетарной физики и географии претендовать на мировое господство до создания ОМП!

Конец двадцатого века является, вне всяких сомнений, переломной эпохой в развитии человеческой цивилизации. Именно в это время люди вплотную подошли к исследованию космического пространства и изобретению тотального оружия уничтожения. Однако в самом двадцатом веке производить корректировку и объединение планеты под одним флагом необычайно сложно — слишком запутано, связано, слишком много многоуровневых, плохо рассчитываемых факторов и причин. Несколько наций-лидеров, соревнующихся друг с другом, новая техника, мощный рывок прикладной и военной науки.

Напротив, воздействовать на цивилизацию с давних времен, начиная, допустим, с Рима или тирании Ашоки, очень легко, но необычайно долго. В этом смысле рубеж двадцатого и девятнадцатого веков — почти за полвека лет до создания ОМП — кажется мне идеальным вариантом. Именно поэтому этот период выбран мной в качестве точки для вмешательства. В вашей истории ломалось все много и часто, но никогда настолько решительно и внезапно, как в это время. Начало века, в отличие от его конца, богато на роковые случайности, которых, в сущности, достаточно легко избежать.

Вот посмотрите, логика ведь проста. При Николае Втором, тело которого вы сейчас занимаете, Россия совершила мощнейший рывок в развитии экономики. Было построено огромное количество железных дорог, выросла промышленность, обновлена финансовая система. Подобного качественного скачка эта страна не совершала никогда ранее и, что более характерно, никогда после. Чуть позже подобное явление назвали бы экономическим чудом и восторгались тем, насколько грамотно осуществлялось перед революцией управление экономикой. Не без ошибок, конечно, однако ошибки — категории оценочные. Вместо личных оценок есть нечто более совершенное — экономическая статистика. Рост ВВП России на рубеже веков сравним с ростом ВВП Японии и Германии после Второй мировой войны, и в то же время в стране происходят две революции, растет оппозиция, все слои населения недовольны режимом. Ведь это противоестественно, Ники! Как в стране с бурно растущей экономикой население может быть столько откровенно враждебно правительству?

Размышления по этому поводу приводят к удивительной мысли. Крах «Срединной земли» в начале двадцатого века является результатом невероятного стечения обстоятельств! Факторы, разрушившие Россию, случились необязательно и выходят за рамки нормального развития событий. Конечно, после революции «Срединная земля» попыталась восстановиться, правда, уже под руководством революционеров. Более того, возвышение России в середине века прошло необычайно успешно — почти на пятьдесят лет «Срединная земля» снова стала мировым гегемоном вместе с США, однако время до создания ОМП оказалось упущено.

К концу века колониальные империи развалились сами собой, оставив вместо нескольких мировых европейских империй свыше двух сотен государств — их бывших колоний. Множество стран — и великих и малых — обзавелись разрушительным оружием. После изобретения ядерной бомбы любая война стала самоубийством, а человечество, пролившее за тысячелетия океаны крови в бесчисленных войнах, осталось разобщено навсегда.

Итог тут прост. Наша задача — повернуть путь истории в необходимое русло. Культура человеческой расы и ваша оригинальная цивилизация должны быть сохранены, и единственный путь к этой цели, который показали расчеты, — расширение государства, занимающего центральное положение на Евразийском континенте.

Евразия — это «сцена большой истории», Ники, на которой происходили, происходят и будут происходить все важнейшие события, по крайней мере, до изменения с течением миллиардов лет рисунка океанов и континентов.

Мы с вами сейчас контролируем единственную Державу, способную на рубеже создания ОМП объединить планету и избежать, таким образом, гибели человечества. Эта держава — Россия начала двадцатого века. Иных вариантов — даже математически — нет!

Посмотрев на Каина, я кивнул. Меня смущало много несоответствий, да и определение России как единственной страны, способной объединить мир, казалось мне полной натяжкой и оговором. Впрочем, на первый взгляд идея выглядела достаточно обоснованной, и возразить корректировщику времени мне было нечего.

— Получается, наша цель состоит не только в том, чтобы покончить с революцией и войной, но в том, чтобы объединить всю планету. Причем не просто, а вокруг конкретной евразийской державы?

— Вы поняли. — Каин слабо кивнул.

— И много у нас времени?

— Эйнштейн уже родился, если вы об этом.

Я дотронулся до нагана:

— Может быть?..

— Бросьте! Дело тут не в ученых, а в общем уровне развития науки. Не догадается один физик — догадается другой. Кроме того, развитие теории относительности есть необходимое условие не только для создания ОМП, но и для рывка в космос, ради которого, собственно, и затевается все возня с объединением человечества. То, что я рассказал, вам нужно знать, чтобы приступить к новой задаче. Если серьезно, мировая война совершенно не закончена с крахом Германии. К схватке за гегемонию необходимо готовиться прямо сейчас, не теряя ни дня.

— Значит, вы снова берете меня на службу?

— В каком-то смысле. Если у вас нет возражений, разумеется. Согласны?

Все, что мне оставалось, — еще раз молча кивнуть.

Очевидно, не ожидая большего, Каин приложил два пальца к фуражке и знакомым жестом Воейкова отрывисто отсалютовал. В следующее мгновение тело флигель-адъютанта безвольно осело на диван.

*Все в воле Божией. Уповаю на Его милосердие и спокойно
смотрю в будущее.*

*Из дневника Николая Второго, 13 февраля 1917 года
реальной истории*

9 мая 1917 года.

Москва

Следующим утром я вышел на Красную площадь в парадном гвардейском мундире. Погоны пылали алым у меня на плечах, и золоченые аксельбанты сверкали в утреннем солнце. Таким же солнечным казалось и мое настроение. Беседа с Каином немного расстроила меня, но она же внушила надежду — если не на сохранение собственной жизни в будущем, то на сохранение дела, которому я посвятил свое пребывание в прошлом. Было еще слишком рано о чем-либо говорить, однако некое вожденное равновесие воцарялось наконец на израненном Великой войной континенте. Над Европой действительно всходило солнце — не только над разрушенными городами, но и над жизнями ее жителей.

В каком-то смысле Каин не ошибся, просчитывая мои действия после высадки в Петрограде, — как пришелец из будущего, я был согласен, что лишь демократическое устройство способно привести общество к процветанию. Традиционная жесткость российского управления импонировала мне как единственный адекватный ответ на удары преступности и всеобщего хаоса, угрожающего человечеству в грядущие столетия, но я вполне признавал, что могущество власти и свирепость уголовного наказания должны быть основаны на законе, без которого всякая власть, рано или поздно, превращается в бандитскую диктатуру.

Подписание Основного закона совершилось еще в Петрограде, в Большом тронном зале Зимнего дворца. За изрешеченными пулями и осколками снарядных разрывов стенами собрался цвет российского общества: остатки думцев — тех, кто не изменил в предательском феврале, — уцелевшие русские генералы, дворянство, представители земств, купечество, банкиры и фабриканты.

Двойные колонны каррарского мрамора, возвышающиеся над толпой, отливали позолоченной бронзой, а на наборном паркете, когда-то созданном итальянцем Кваренги из шестнадцати пород дерева, толпились пять сотен ног. В этом торжественном убранстве багровым пятном громоздился императорский трон. Здесь, под пурпурным балдахином, перед гобеленом с двуглавым орлом, почти не дыша, стоял я. В звенящей, торжественной тишине, совершенно необычайной для заполненного людскими рядами зала, пройдя через двенадцать ступеней, отделяющих трон от благоговейно замершей толпы, Воейков подал мне тонкую папку с бумагами.

Белые перчатки коснулись тисненой кожи — «Конституция Российской Империи» было написано там. Залог порядка и мира между населяющими Россию классами и народами.

Раскрыв папку на последнем листе, я торжественно подписал документ. Тонкий витиеватый росчерк скользнул по бумаге, завершая неохватный период русской истории, идущий из замшелых глубин веков, и... начиная новый, совершенно другой.

На следующий день газеты всего мира публиковали:

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТ

от 9 мая 1917 г.

Божией милостью

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

император и самодержец всероссийский,

царь польский, великий князь финляндский,

и прочая, и прочая, и прочая

Объявляем всем нашим верноподданным об установлении Основного Закона:

Ныне настало время, следуя благим начинаниям, утвердить Конституцию российской Державы, призвав людей земли Русской к постоянному и деятельному участию в составлении законов и управлении.

В сих видах, к настоящему Манифесту мы прилагаем текст Основного Закона, утвержденный Нами сего дня и распространяющий свою власть на все пространство Империи, с теми лишь изменениями, кои будут признаны нужными для некоторых, находящихся в особых условиях окраин, а именно Польского царства, Финского княжества, ханства Хивинского и Бухарского эмирата.

Призывая господне благословение на Русскую Конституцию и чаяния многострадального нашего народа, с непоколебимой верой в великую судьбу, predeterminedенную божественным промыслом для священного Отечества, мы твердо уповаем, что с помощью нового установления и единодушным усилием сынов своих, Россия возродится после постигших ее ужаснейших испытаний, и торжество ее будущего будет запечатлено в тысячелетней истории могущества, величия и славы, подобно деяниям предков.

С нами Бог!

Дано в Зимнем,

в лето от Рождества Христова 1917,

в 9-й день мая.

(Е.И.В. Николай Романов)

Двумя днями позже, оставив Питер, мы прибыли в Москву. Возрожденная мной вместо Высочайшего Синода православная патриархия воссела в Кремле. Сюда же я собирался вернуть и столицу Империи, неразумно отнесенную Петром Великим на окраину огромной страны. В эпоху мортир и мушкетов Петроград действительно являлся окном в Европу, базой флота и портом, обеспечивавшим относительную близость Русского государства к главным водным путям, но в начале XX века положение изменилось.

По мере развития вооружений, очень скоро вражеские линкоры, войдя в Балтику, смогут обстреливать Петроград, не подходя к его берегам. Изобретение самолетов сделает приграничные города и морские порты сверхдоступными для бомбардировок с авианосцев. Если Каин задумал войну за мировое господство, нужно принимать это во внимание. Значит, столицей снова станет Москва.

Интересно, подумал я, как развернется новая «война Каина»? Разумеется, совсем не так, как в прошлой истории. Разгромленная Германия, безусловно, очень скоро возродится. Однако по моему требованию союзники не станут грузить ее бременем репараций и создавать в ней демилитаризованных зон. Чтобы избежать противостояния в будущем и исключить немцев из мирового расклада, я требовал ее *разделить*.

Сам факт разделения бывшей Германской империи на несколько самостоятельных государств казался достаточно незначительным — что разделенная, что неразделенная Германия после победы будет стоять на коленях. Но то было лишь поверхностное мнение!

Я прекрасно знал из виртуальной *энциклопедии*, насколько быстро разоренное немецкое государство возродит свой военный потенциал для новой Великой войны. И еще лучше знал, насколько ужасно на духе германской нации скажутся унижения Версальского мира, заключенного в той, прошлой истории. Втоптанные в грязь, ободранные союзниками до нитки, немцы станут лучшими бойцами Второй мировой войны, ведь кроме штыков и винтовок, оружием их станет ненависть.

Делая каждое из «осколочных» немецких государств в несколько раз меньшими по территории, чем соседние Франция, Британия и Италия, однако не облагая их репарациями, унижительными ограничениями по численности армий и флота, но более того — широко помогая деньгами, мы как бы возвращали Европу к тому состоянию, которое она занимала в позднее Средневековье. Германия в те века была именно *разделена*. В ней творили великие ученые, изобретатели, инженеры, рождались великие художники и поэты, купцы создавали состояния, а воинственные аристократы упражнялись в бесчисленных стычках за города и аллоды, но ни одно из немецких курфюршеств не смело даже косо взглянуть на Францию или Россию!

Дело, очевидно, тут также крылось в законах геополитики, о которых поведал мне Каин: осознание *незначительности* собственной территории по сравнению с соседями должно было автоматически заставить немцев отказаться от реваншистских планов. Подобная политика всегда достигала успеха: Бельгия, Швейцария, Португалия и Нидерланды оставались стабильными в течение сотен лет — потому что были достаточно велики, дабы

считаться великими державами, основывать колонии и процветать, но при этом достаточно малы по территории, чтобы задирать более крупных соседей.

Результатом разделения страны всегда являлся сокращенный военный бюджет, миролюбивые граждане и экономическое процветание, основанное, в том числе, и на небольших военных расходах. Однако чтобы втиснуть Германию в подобную схему, следовало разделить ее достаточно *равномерно*.

Главной ошибкой Наполеоновских войн, например, являлся как раз неравномерный раздел Германии. Оставив на ее территории множество мелких государств, союзники оставили одно крупное — Пруссию. Окажись схема более уравновешенной, объединения немцев во Второй рейх не произошло бы — как его не произошло с соседними Бельгией и Голландией, некогда представлявших единое государство.

Карликовые монархии, земли которых часто состояли из несоединенных частей, как бы «входя друг в друга» и чередуясь, имели весьма условные, почти номинальные границы, а значит — не являлись полноценными странами. Наличие рядом с ними Пруссии, явно доминировавшей над «карликами» не только в военном, но прежде всего в территориальном смысле, превращало объединение Германии лишь в вопрос времени. Как только русские отказались поддержать Францию в ее конфликте с пруссаками — Берлин тут же подчинил себе более мелких соседей!

Сейчас, я надеялся, союзники не должны были допустить подобных ошибок. Мои дипломаты в Шантильи, где велись консультации относительно послевоенного будущего Европы, настаивали на разделе Германии на семь независимых государств. Достаточно крупных и монолитных, чтобы стать полноценными державами и избегать объединения, но недостаточно крупных, чтобы претендовать на общеевропейский реванш.

Русский проект разделения Германской империи, названный в Шантильи «Николаевским», предлагал, в частности, создать на территории бывшего рейха разные по политическому устройству, но относительно небольшие образования как республики, так и королевства.

В восточной Германии ими должны были стать Мекленбург и Саксония со столицей в Лейпциге. Западную Германию должны были разделить Бавария, Вестфалия и Гессен... Каждая новая страна должна была стать примерно сравнимой по территории с Бельгией или Швейцарией.

Северный Шлезвиг-Гольштейн навечно закреплялся за Данией, которой, собственно, и принадлежал до развязанной Бисмарком полвека назад войны. Дания, таким образом, становилась как бы «восьмым» немецким государством, уравновешивавшим всю систему.

Девятой страной разделенного условно немецкого Рейха возможно было считать также Чехию. Примерно сравнимая с каждым из остальных семи (восьми, если считать Данию) немецких государств по населению, территории, промышленному потенциалу, а также вероятной военной мощи, она становилась еще одним ядром необъединимой, демилитаризованной, но экономически процветающей центральной Европы.

Протянувшиеся с севера на юг и с запада на восток немецкие республики и королевства должны были стать основой будущего порядка на континенте и исключить возможность внутриевропейских конфликтов. Таким образом, если проект окажется принят моими союзниками, с западных границ России никто не сможет мне угрожать.

Как бы там ни было, хищной и прожорливой Германии отныне в Европе не существовало, по меньшей мере — на несколько десятилетий. Франция и Англия общих

границ с Россией не имели, и это означало, что «фронты» будущих каиновских войн пройдут либо в морских акваториях Европы, либо в колониях.

Кроме того, линии фронта представлялись возможными в Азии. Здесь будущее противостояние проглядывало из всех щелей. С Британией мы конкурировали в Иране и Индии, на обломках Турции и Кавказа, в водах Восточного Средиземноморья, в горах Афганистана и, конечно, — в Китае. Гигантские просторы этой средневековой империи протянулись от русской Тувы к полубританским Памиру и Гималаям. Котлом раздора кипела под японской властью Маньчжурия. Курильские острова с хвостом Сахалина требовали возмездия за Цусиму и Порт-Артур. В Азии нам противостояли французы и американцы, великая Британская империя и дерзкий японский Микадо.

Слава богу, Германия на некоторое время оказалась исключена из ужасающего расклада, но остальные — остались. Еще раз мысленно обежав карту планеты взглядом, я удовлетворенно кивнул. Точка атаки — Азия. Арена для будущей схватки претендентов просчитывалась достаточно легко. По мысли Каина, сражение за планету развернется между «Мировым островом» и «Срединной землей». Если так, фронт их противостояния неумолимо возникнет на территории «Пограничного полумесяца», разделяющего две главные зоны Земли. Европа как часть «Пограничного полумесяца» сейчас была обескровлена. Нетронутая же Азия, каждый кусок которой вызывал споры между союзническими державами — победительницами в Великой войне, но противниками в колониях, — также являлась частью «пограничья».

Со «Срединной землей» мне было все понятно — это Россия.

С «Мировым островом» также — это колонии Британии, САСШ, а также некоторые державы моря, в частности Бельгия, Нидерланды, Франция, которые в предстоящем конфликте должны занять сторону «острова», а не мою. С учетом временного «выпадения» Германии, а также невозможностью фронтов в Европе, тут вырисовывались удивительные перспективы, которые не могли не радовать меня как фактического русского Императора.

Нахмурившись, я поднял голову вверх.

Взгляд побежал за белесыми облаками, уплывающими в бесконечность — за горизонт. Воздушные эшелоны, гонимые холодным западным ветром, спешили в одном направлении. И в этом же направлении, вышагивая по Красной площади, как единый живой организм, маршировали победоносные русские полки. Триумфальный парад — начинался.

Я задумчиво покачал головой. Не крылся ли в этом неспешном движении земных и небесных полчищ, объединенных фатумом или Богом в едином порыве, определенный смысл, повинуюсь которому, суждено было развернуть и мне мои помыслы, развернуться всей бескрайней тысячелетней державе?

Приветствуя своего Императора, марширующие колонны гвардейского экипажа «Авроры» — символа контрреволюции и оплота преданности царю — гаркнули оглушительным рыком.

В этом раздирающем воздух возгласе, почти неразборчивом из-за нечеловеческой мощи, с которой рвалась тысяча плоток одновременно, звучал ответ на вопрос, не заключенный в словах, но отчетливо слышимый в интонации. Он состоял в единственной фразе, понятной для каждого, умеющего читать в душах, а не в словах.

«Вперед на Восток!» — ревели они.

Ну что же, сказал я себе...

ВПЕРЕД НА ВОСТОК!

Спецсредства и оборудование для корректировки Истории

Револьвер ЛЕОНА НАГАНА

Единый револьвер русской армии, оружие солдат и офицеров всех родов войск. Калибр 7,62. Емкость барабана на семь патронов. Сочетает удивительную огневую мощь и меткость с небольшой массой, безотказностью и технологической простотой. Разработан в Бельгии, однако основная масса наганов произведена в России на Тульском оружейном заводе. Безусловно, лучший револьвер Революции и Великой войны.

Самозарядный пистолет ДЖО ЛЮГЕРА

(более известен как парабеллум)

Основной пистолет наших врагов — Рейхсвера и Кайзермарине.

Калибр 7,65. Емкость коробчатого магазина на восемь патронов.

Разработан в Швейцарии, производился в Германской империи, Австро-Венгрии, Болгарии, Голландии, Швейцарском союзе и США. В Германии известен под названием «Die Pistole 08» или просто Р-8, в США — как пистолет «Борхарт-Люгер», в Швейцарии — как «Люгер-Парабеллум». В России с давних времен закрепилось название парабеллум, что значит «готовься к войне».

Самозарядный пистолет

Пауля и Вильгельма МАУЗЕРОВ

(модель С-96)

Самый мощный и дальнобойный из массовых пистолетов Великой войны. В то же время хорошая живучесть, точность и мощь пистолета перекрывалась его недостатками — приличным весом и огромными габаритами. Калибр 7,63. Емкость магазинной коробки («постоянный магазин») на 20 патронов бутылочной формы с шахматным расположением. Официально на вооружении нигде не состоял, но активно применялся в Англии, Италии, Чехословакии, Германии, Российской империи и множестве других стран. Обычно использовался для вооружения отдельных частей. Чаще всего — морской пехоты, кавалерии или специального назначения. В Германии, в частности, им были вооружены конные егеря. В России необычайно мощный и внешне внушительный маузер входил в число так называемых «рекомендованных систем пистолетов», которые разрешалось приобретать гвардейским офицерам вместо револьвера наган.

Автоматический КОЛЬТ 1911

(пистолет Джона Браунинга)

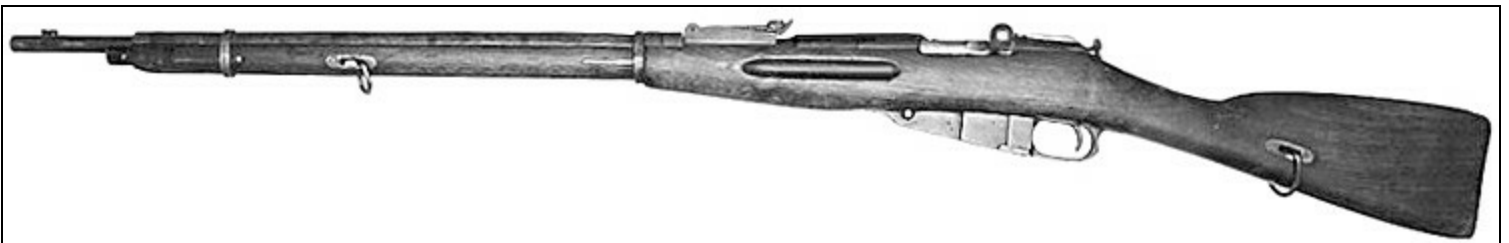

Легендарный «КОЛТ 1911», разработан гениальным Джоном Браунингом в 1910-м, принят на вооружение для американской кавалерии и флота в 1917 году. Абсолютный чемпион по «долгоживучести» среди всех известных видов современного стрелкового оружия, «Колт 1911» состоял на вооружении ВС США более 80 лет (!), пройдя через Первую мировую, Вторую мировую войну, войну в Корее, Вьетнамскую войну и даже в операцию «Буря в пустыне». Конструкция Браунинга оказалась настолько проста и технологична, что дожила до наших дней и стала прототипом большинства современных автоматических пистолетов. К числу наиболее известных «последователей» можно отнести знаменитую итальянскую «Беретту 92Б» и даже советский ТТ.

Калибр 11,43. Емкость магазина на семь патронов.

Магазинная винтовка СЕРГЕЯ МОСИНА

(русская трёхлинейка)

Не менее легендарная русская трёхлинейка также прошла через две Мировых войны.

Создана в 1889 году молодым капитаном российской армии Сергеем Ивановичем Мосиным. Производство винтовки началось в 1892 году на заводах Тулы, Ижевска и Сестрорецка, а также на французских заводах Manufacture Nationale d'Armes de Châtelleraut.

Прицельная дальность боя — 2000 метров. Калибр — 7,62. Емкость магазина на 5 патронов. Официально винтовка состояла на вооружении различных стран более полувека. Неофициально — свыше ста лет и дошла даже до Афганской войны, правда, на стороне душманов. Использование винтовки Мосина в окопах позиционной войны, песках юга и на морозе севера подтвердило ее надежность и невероятную живучесть. По некоторым данным, русская трехлинейка стала самым массовым стрелковым оружием первой половины XX века — за пятьдесят лет трехлинейек было произведено свыше двадцати миллионов экземпляров!

Знаменитый русский четырехгранный штык к винтовке Мосина, незаменимый в рукопашной схватке классического линейного боя, вскоре после Второй мировой войны запрещен Женевской конвенцией как «негуманный». Русский штык изготавливался из более дорогой стали, чем «эрзац-штыки» или «штыки-тесаки» в союзнических или немецких армиях, наносил глубокие проникающие ранения, сопровождаемые внутренними кровотечениями, которые невозможно было заметить при внешнем осмотре. За что, собственно, и запретили.

Штуцер ФЕРДИНАНДА МАНЛИХЕРА

(образца 1895 г.)

Магазинный штуцер — основное стрелковое оружие Австро-Венгрии в Великой войне. Положительные качества: небольшой вес штуцера, легкий штык (тесачного типа), хорошие баллистические свойства, большая скорострельность и простота в пользовании.

Отрицательные качества: патрон устаревшей конструкции (крупный калибр, гильза с закраиной, форма пули тупоконечная), спусковой механизм без предупредителя, неудобный предохранитель и трудная сборка затвора. В отличие от винтовки Мосина, знаменитый австрийский штуцер был пристрелян без штыка. Соответственно прицельно стрелять со штыком из него было невозможно. Штык к штуцеру носился в специальном футляре и примыкался в случае надобности.

ГРАНАТА-ШАР

(модель «Kugel»)

Ручная граната Кугель была принята на вооружение накануне Великой войны — в 1913 году Корпус гранаты представляет литой чугунный шар, необычайно широкий, а потому неудобный. Форма и габариты мешали переноске и хранению. Держать в ладони или метать чугунный шар также было дискомфортно. Однако в целом немцы уделили гранатам гораздо больше внимания, чем союзники, уже в 1914 году массово снабдив примитивными Кугелями свои войска. В результате германская пехота получила огромное преимущество перед врагами, у которых не было даже таких, заведомо устаревших моделей. С появлением новых, более удобных гранат Кугель, разумеется, сошел с пьедестала. Но производился и применялся он до самого конца войны.

ГРАНАТА-КОЛОТУШКА

(модель «Stielhandgranate-15»)

К концу Великой войны наибольшую популярность в немецкой армии получила граната-колотушка Stielhandgranate 15, ставшая основным оружием штурмовых батальонов. Когда в феврале 1916 года немецкие штурмовики шли в атаку под Верденом в составе первого эшелона, винтовки висели у них за спиной, зато обе руки были свободны для

метания гранат!

Колотушка имела довольно простую конструкцию и давала мощный взрыв, была проста и технологична в производстве, удобна в применении, надежна и примитивна. Корпус колотушки изготовлялся из листового металла и был для производителя предельно технологичен.

Интересно, что высокоразвитая промышленность Германии, для которой наштамповать из жести миллион корпусов примитивнейшей формы и наточить столько же рукояток не составляло труда, производила примитивные мощные колотушки. А вот Россия, отнюдь не блиставшая развитием военной индустрии, ставила на поток производство сложнейших импортных гранат. Неудивительно, что у немцев всю войну гранат было полно, русская же промышленность покрыла острую нужду в гранатах только благодаря заграничным поставкам.

Именно массовость и простота в производстве позволили знаменитой «Модели-15» почти без изменений пройти две мировых войны. Перед вами, несмотря на убогий внешний вид, — одно из самых совершенных орудий убийства, когда-либо созданных человечеством.

---

notes

Примечания

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М. 1924. С.14.

Текст телеграммы — реальный.

8 марта по старому стилю — 24 февраля.

Перечень подразделений, выделенных для подавления Петроградского восстания, подлинный. Именно эти части должны были отправиться вместе с царем на бунтующую столицу в реальной русской истории.

Исторический факт.

Решением Георгиевской думы Юго-Западного фронта за личную отвагу при проведении Вильно-Молодеченской операции полковник Николай Романов награжден орденом Святого Великомученика Георгия 4-й степени. Георгиевский крест — высшую боевую награду России последний Император не снимал почти никогда. Даже в день расстрела в Ипатьевском доме в Екатеринбурге орден оставался на его гимнастерке.

Запись из дневника Николая Александровича, сделанная в день отречения от престола.

Абдикация — возможность отречения монарха от престола, предусмотренная законодательством.

Текст телеграмм Келлера и Нахичеванского приводится ДОСЛОВНО без каких-либо изъятий и исправлений.

Данная цитата Николая Второго является прямой цитатой одной из телеграмм Ленина: «Вешайте! Как можно больше и чаще! Непременно и именно вешайте!» — Это слова вождя пролетариата.

Речь идет о марте по старому стилю. Третье марта, когда осуществляется десантная операция, соответствует нашему 15 апреля. Навигация в Финском заливе в наши дни начинается 20 апреля.

Речъ идет о линкорах типа «Измаил».

Имеются в виду крейсера типа «Адмирал Бутаков».

«Адмирал Невельской» и «Граф Муравьев-Амурский»

Эсминцы типа «Гогланд».

В реальной земной истории двоюродный брат Николая Второго в.к. Кирилл Владимирович Романов действительно увел подчиненный ему Гвардейский экипаж и железнодорожный батальон из Царского Села, оставив обреченную Императрицу на произвол судьбы.

Основное дореволюционное название восточной части европейского континента.